

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ИМЕНИ Н. Я. МАРРА

Т. Н. КНИПОВИЧ

ТАНАИС

*Историко-
археологическое
исследование*

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва — 1949 — Ленинград

Ответственный редактор
М. И. Артамонов

ВВЕДЕНИЕ

Среди многочисленных задач, стоящих перед советской наукой, видное место должно принадлежать задаче всестороннего освещения прошлого нашей страны, освещения жизни тех народов, которые на протяжении многих столетий и тысячелетий занимали ее территорию. Специального внимания заслуживает безусловно и та область, изучение которой составляет предмет настоящего исследования. Своеобразная и интереснейшая культура, создававшаяся на территории юга СССР, где греки-колонисты оказались в тесных взаимоотношениях с местным скифо-сарматским населением, дает нам, прежде всего, возможность ближе и яснее представить себе ту основу, на которой позже развивается культура нашего русского народа. Но при попытке проследить исторические судьбы народов, занимавших в античную эпоху область Северного Причерноморья, мы убеждаемся в значительной сложности этой работы. Все мы хорошо знаем, как недостаточны, как фрагментарны те сведения, которые могут быть извлечены для интересующей нас области из письменных источников — из трудов греческих и латинских писателей. И тут на помощь приходит материал археологических исследований. На протяжении ста с лишним лет в области Северного Причерноморья идут работы по извлечению скрытых под поверхностью земли материальных остатков жизни тех народов, которые населяли территорию юга СССР в античную эпоху. Если в начале этого периода работы шли не так, как было бы нужно, слишком часто преследуя только лишь цель добывания ценных предметов, то в дальнейшем стали подходить к раскопкам как к средству выяснения исторического прошлого. Совершенствовалась вместе с тем и методика раскопок. В советский период археологические исследования ведутся уже повсюду строго методически и планомерно, чем обуславливается и их продуктивность; четко сознается при этом задача выяснения исторического прошлого открываемых поселений. Мы получаем новый важный исторический источник, существенно дополняющий наши очень недостаточные литературные свидетельства.

Громадные успехи советской археологической науки естественным образом вызывают потребность в обобщающих трудах, подводящих итоги археологическим исследованиям и сопоставляющих эти итоги с ранее имевшимися сведениями, прежде всего с данными письменных источников. Не случайно, что

в нашей области мы именно теперь встречаемся с появлением таких трудов. Настоящим событием в области изучения Северного Причерноморья является только что вышедший из печати капитальный труд В. Ф. Гайдукевича „Боспорское царство“;¹ также совсем недавно вышел посвященный городу, находящемуся в другой части Северного Причерноморья, очерк Г. Д. Белова „Херсонес Таврический“.²

К числу работ сходного типа принадлежит и настоящее исследование. Оно посвящено Танаису и имеет целью дать если не полный очерк жизни этого города, то во всяком случае сводку всего имеющегося в нашем распоряжении материала, выясняющего особенности его культуры. В научной литературе Танаис освещен особенно слабо. Единственной работой, представляющей попытку охарактеризовать Танаис на основании добытого раскопками материала в сопоставлении его с данными письменных источников, является вышедшая в 1854 г. статья Леонтьева в „Прошлеях“;³ за отсутствием других работ, эта статья остается и сейчас настольной книгой каждого специалиста по Танаису. Большие достоинства работы Леонтьева, особенно при учете времени ее составления, несомненны. Это — настоящее историческое исследование, составленное широко образованным ученым-классиком, сумевшим собрать и в основном правильно определить и истолковать бывшие ему доступными письменные, эпиграфические и нумизматические источники. Более того, останавливает внимание исключительное для времени Леонтьева сознание значения археологического материала как исторического источника. „Нельзя не думать с удовольствием надежды, близкой к исполнению, — пишет он, — о том времени, когда постепенно расширяющееся исследование наших курганов даст возможность разделить их на большие группы, которые примут наконец от науки имя разных эпох и, может быть, даже имя народов. Тогда вещи, не имеющие в отдельности никакой цены, получат неизмеримую ценность как памятники цивилизаций, отличавшихся друг от друга и уже не безыменных“.⁴ Интересны также замечания о материале курганов близ Елизаветовского городища: „Эти вещи, взятые каждая порознь, не имеют, правда, того, что называется характером, но совокупность их носит особенный характер, отличный от характера вещей, находящихся в могилах народов, вовсе не испытавших греческого влияния“.⁵ Заслуживает упоминания также то внимание, которое Леонтьев уделяет изучению топографии и природных условий исследуемой местности. Во всем этом он далеко опередил тех археологов, которые работали в той же области после него. О них речь впереди. К сожалению, находившийся в распоряжении Леонтьева материал не мог быть им должным образом использован уже в силу

¹ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. Л., 1949.

² Г. Д. Белов. Херсонес Таврический. Л., 1948.

³ П. Леонтьев. Археологические размышления на месте древнего Танаиса и в его окрестностях. Прошлея. Сборник статей по классической древности, издаваемый П. Леонтьевым, кн. IV, М., 1854, стр. 397 сл.

⁴ Ук. соч., стр. 518.

⁵ Там же.

состояния современной ему археологической науки.¹ В результате производившихся уже после Леонтьева археологических исследований материал из раскопок Недвиговского городища был значительно дополнен, а рост археологических знаний создавал, казалось, новые возможности для настоящего представления об этом городе. Но в дальнейшем Танаису особенно не повезло. Во всех посвященных Северному Причерноморью общих публикациях (как работы М. И. Ростовцева² и Миннза)³ Танаису уделяется крайне мало места. Новейшие же сводки (статьи А. Ф. Семенова в „*Petermanns Mitteilungen*“⁴ и Германна в „*Real-Encyclopädie*“ Pauly—Wissowa⁵ приходится признать совершенно неудовлетворительными. Помимо весьма мало обоснованных концепций⁶ обе статьи содержат и прямо ряд грубейших ошибок.⁷ Отметим, что и концепции и ошибки в обеих статьях одни и те же: не подлежит сомнению, что очерк Германна составлен главным образом на основании статьи Семенова.

В силу всего сказанного приходится считать назревшей необходимость дать сводку всего, что мы знаем о Танаисе. Настоящая работа имеет целью представить такого рода сводку материала, принадлежащего времени существования Танаиса на территории, прилегающей к нынешнему селению Недвиговке, т. е. материала последних веков до н. э. и первых веков н. э. В двух напечатанных в 1935 г. моих статьях⁸ я касалась ранних периодов жизни данной области—времени, предшествующего возникновению в дельте Дона крупного торгового города, и времени, когда роль главного торгового центра

¹ Так, Леонтьев совершенно еще не умеет датировать вполне выразительные бронзовые предметы, ограничиваясь указаниями об одном из них, что он „может происходить из самого лучшего времени греческого искусства“ (стр. 417), о других, что они „должны быть также отнесены к периоду процветания искусства в Греции и Риме; но известно, что этот период продолжался от Перикла до Адриана, т. е. не менее тысячелетия“ (там же).

² М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Изд. РАИМК, 1925, стр. 529. — Ср.: *Skythien und der Bosphorus*, L. Berlin, 1931, стр. 469.

³ Ellis H. Minns. *Sythians and Greeks*. Кембридж, 1913, стр. 567.

⁴ Anatol Semenov. *Tanais, Tana und Rostow*. *Petermanns Mitteilungen*, 72. Jahrgang 1926, стр. 16 сл.

⁵ RE, 2-я серия, полутом VIII, Штутгарт, 1932, стр. 2166 (Herrmann).

⁶ Такой неправильной и необоснованной концепцией представляется мне выдвигание на первый план Елисаветовского городища, по сравнению с которым Танаис римской эпохи определен как бедное полуварварское окраинное поселение („ein ärmliches, halbbarbarisches Grenzpost“); также теория Ильина о значении Темерницкого городища, вызывающая, как мы увидим, большие сомнения, здесь преподнесена как исторически доказанный факт.

⁷ Совершенно перепутан, например, материал городищ Елисаветовского и Недвиговского: Елисаветовскому городищу, в котором вообще не найдено ни одной надписи, приписан ряд надписей Недвиговского городища (между прочим, опубликованных именно как недвиговские в „*Antiquités du Bosphore Cimmérien*“, на которые ссылается Германн); погребения, открытые в 1907 и 1908 гг. Смышляковым близ Недвиговки, здесь отнесены опять-таки к Елисаветовскому городищу и т. д.

⁸ Т. Н. Книпович. К вопросу о торговых сношениях греков с областью реки Танаиса в VII—V веках до н. э. Сб. „Из истории Боспора“. ИГАИМК, вып. 104, 1935, стр. 90 сл. — Т. Н. Книпович. Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской по находкам археологии ГАИМК в 1928 г., там же, стр. 111 сл.

принадлежала в этом районе поселению, расположенному у нынешней станицы Елисаветовской. В настоящем исследовании мы ознакомимся с более поздним периодом, во время которого главным центром области реки Танаиса сделалось поселение, находившееся уже на другом месте. Момент, с которого начинается этот новый период, — прекращение жизни Елисаветовского городища, во всяком случае жизни его в том виде, в каком мы его знаем в IV и III вв. до н. э.; главным поселением, на котором сосредоточится наше внимание, будет городище у нынешнего селения Недвиговки — других поселений, существовавших в области дельты Дона одновременно с Недвиговским городищем, я коснусь лишь вкратце.

Несколько слов о характере настоящей работы. Приступая к ней, я предполагала попытаться представить по возможности связный очерк истории Танаиса в последние века до н. э. и первые века н. э. с всесторонним освещением его хозяйственной и культурной жизни. Но сразу выяснилось, что для выполнения такой задачи нам бесспорно недостает материала. Как мы увидим в дальнейшем, материал этот крайне фрагментарен и случаен: бросая свет, иногда яркий, на определенные периоды или определенные стороны жизни поселения, он оставляет в тени все остальное. Поэтому я решила перенести центр тяжести на ознакомление читателей данной работы со всеми имеющимися в нашем распоряжении источниками наших сведений о Танаисе: с самым городищем, некрополем, с найденным при расследовании городища и некрополя материалом, вещественными находками в тесном смысле слова и обширным и особенно важным материалом эпиграфическим. Сводка всех сделанных при работе над этими источниками наблюдений об особенностях культуры рассматриваемого поселения будет дана, после ознакомления со всем материалом, в „Заключении“.

Основанию интересующего нас поселения предшествовал длинный период, когда данная область постепенно, все более и более, вовлекалась в сферу греческих торговых операций. Происходившее при этом соприкосновение населения Придонья с греками или, во всяком случае, с приезжими из более античного Боспорского царства купцами не могло не отразиться и на следующем периоде; поэтому ознакомлению с Танаисом мы предпослаем краткий очерк, имеющий целью напомнить основные моменты развития торговых сношений области Придонья.

Глава I

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ТОРГОВЛИ ОБЛАСТИ ТАНАИСА В VII—III вв. ДО НАШЕЙ ЭРЫ

Как я пыталась показать в статье о торговых сношениях области Танаиса в VII—V вв. до н. э.,¹ наличие торговых сношений этой области с Грецией может быть установлено для очень ранней эпохи — для того времени, когда в восточной части Северного Причерноморья не было, повидимому, ни одной греческой колонии. Об этом свидетельствуют находки по течению реки Дона изделий греческой художественной промышленности, среди которых имеются экземпляры, относящиеся еще к VII и самому началу VI в. до н. э. Очевидно, эти изделия привозились греческими купцами, выменивавшими их на товары степей Придонья; пункт или пункты, в которых осуществлялся обмен, находились, вероятно, где-то вблизи устьев Дона. Но греческий импорт проникал глубоко внутрь страны, о чем свидетельствуют обстоятельства находки упомянутых предметов: как раз самый ранний из них, фрагмент фигурного сосуда в форме головы быка, был найден в Хоперском округе Донской области, в кургане на реке Цудкан (приток Чира).² Также в удаленной от приморского района местности, хотя и не настолько удаленной, как место находки только что упомянутого фрагмента, был найден и второй обломок аналогичного, но несколько более позднего сосуда — фрагмент фигурной вазы, заканчивавшейся головой барана: он был обнаружен в кургане близ бывшей слободы Криворожье, в Донецком округе, на берегу реки Калитвы. Эти находки еще не говорят, конечно, о регулярной и организованной торговле; но начало

¹ ИГАНМК, вып. 104, стр. 90.

² Эти сведения были мне не известны во время составления напечатанной в сборнике „Из истории Боспора“ статьи, в которой издан данный фрагмент; они были мною встречены при просмотре материалов рукописного архива ИИМК. В деле № 65/1386 г. помещен (акварельный рисунок (очень плохой, но не вызывающий сомнений) изданного мной фрагмента с обозначением из обратной стороны рисунка: „Горлышко кувшина, найденного в обвале близ р. Цудкана Хоперского округа“. В деле № 9-а/1890 г. л. 29, в перечне предметов, предназначенных для Новочеркасского музея, читаем: „Верхняя часть глиняного кувшина в виде головы быка, черты которого выполнены желтыми полосками по черному фону. Кувшин вымыт водой в кургане близ хутора Большинского на р. Цускан (приток Чира)“.

торговым сношениям уже было положено, уже стало известным греческим купцам все то, чем богата эта область.

Новейшие интересные находки, сделанные уже после появления моей статьи о торговых сношениях греков с областью Танаиса в VII—V вв. до н. э., проливают свет на следующий этап ранней торговли области Танаиса. В 1937 г. в Таганроге, при прокладке водопровода, были произведены работы по углублению дна моря в южной части города, близ большой лестницы. Во время этих работ на дне моря было найдено большое количество обломков греческой архаической керамики; при осмотре морского дна в 1938 г. в том же месте было извлечено еще некоторое количество такого же рода обломков. Обследование прилегающей части берега не обнаружило никаких следов поселения, вообще никаких культурных остатков. Приходится, таким образом, предположить, что указанные обломки принадлежали культурному слою поселения, в настоящее время скрытого под поверхностью надвинувшегося на берег моря. К сожалению, пока мне удалось увидеть только небольшую часть собранной на дне моря коллекции. Но все виденные мной экземпляры не вызывают никаких сомнений. Большая их часть состоит из обломков ионийских сосудов, украшенных поясками и простейшими орнаментами, как, например, орнамент волнообразных линий, рядов черточек и т. д.; керамика эта хорошо известна как в греческих (особенно ионийских) архаических некрополях и поселениях,¹ так и в наших причерноморских колониях, где она неизменно составляет основную группу керамических находок нижних слоев. Наряду с такой керамикой, там же оказался ряд обломков амфор. Они все принадлежали одному типу, хорошо представленному в архаических находках наших колоний, например в архаических слоях и архаическом некрополе Ольвии;² как и ольвийские амфоры данного типа, таганрогские сосуды украшены широкими красными полосами. Все указанные обломки принадлежат середине и второй половине VI в. до н. э. Итак, данные находки не оставляют сомнений в том, что уже в VI в. до н. э. в области нижнего течения Дона существовал торговый пункт и что основан был он не на самом Дону, а на берегу моря, близ нынешнего Таганрога.

Несколько позже (вторая половина VI в. — начало V в. до н. э.) мы находим вполне уловимые следы существования торговых сношений с греками уже в поселениях самого Дона. В найденном в Елизаветовском городище материале встречаются, правда, очень немногочисленные, обломки керамики (чернофигурные, амфорные), принадлежащие этому времени. Слой, в котором нам удалось найти некоторые из этих ранних экземпляров, содержал в подавляющем большинстве обломки типичной местной лепной керамики, при этом керамики доскифского периода; несомненно, мы имеем здесь дело с остатками одного

¹ См., например: Boehlau. Aus ionischen und italischen Nekropolen. Лейпциг, 1898, табл. VIII.

² К этому типу принадлежит, например, амфора открытого в 1937 г. в Ольвии погребения № 3, см.: СА, VI, стр. 96, рис. 6.

из типичных местных поселений, быт которого начинает изменяться под влиянием торговых сношений с греками — непосредственных, или, что вероятнее, происходивших при посредстве уже существовавших в это время боспорских колоний.

Начало следующего этапа падает на рубеж V и IV вв. до н. э. Около этого времени Елисаветовское городище заселяется боспорцами, что превращает его уже в постоянный торговый пункт. В IV и III вв. до н. э. мы встречаем здесь город, внешний вид которого резко отличается от вида поселка, находившегося на том же месте в более раннее время: в нем появляются строения городского типа, сложенные из камня и крытые черепицей; внутри стены домов, во всяком случае некоторых из них, оштукатурены на греческий лад штукатуркой ярких цветов. В обиходе населения этого города все большее и большее значение приобретает посуда античных форм, производившаяся частью в Греции, частью на Боспоре; греческое влияние сказывается в costume населения, в украшениях костюма. При всем том местные черты ярко проявляются в обиходе этого крупного торгового города. Привозная посуда уживается с грубой лепной керамикой местного производства, дома городского типа не вытесняют даже из пределов самого городища туземных глинобитных хижин. И город приобретает тот своеобразный двойственный облик, облик поселения „греко-скифского“, который характерен для поселений Северного Причерноморья, и в первую голову — для поселений области Танаиса.

Кто был настоящими хозяевами этого города — боспорские колонисты или верхушка местного общества? Несомненно, и те, и другие. Если боспорцы явились сюда с захватническими тенденциями, то не могла покорно принять их господство и местная родовая знать Придонья. Богатые погребения курганного некрополя Елисаветовского городища ясно свидетельствуют о том, что известные группы местного населения занимали здесь положение ни в коем случае не подчиненное. Здесь, как во многих местах Северного Причерноморья, происходило, несомненно, усиливающееся под влиянием торговли отслаивание богатой местной верхушки и сближение, затем и сращивание ее с пришельцами-колонизаторами; почва для такого сближения здесь оказывалась, более чем в большинстве других случаев, подготовлена тем, что основателями данного поселения были уже не греки метрополии, а боспорцы, значительно изменившие греческий облик своей жизни за полтора века существования колоний. Может быть, впрочем, это сращивание произошло не сразу. Некоторые, правда, очень скудные сведения, находимые нами и у античных писателей, и в эпиграфическом материале, содержат, повидимому, отголоски той борьбы, которая неизбежно должна была разыграться между двумя претендующими на господство группами. Узнать, как именно разыгрывалась эта борьба, мы лишены возможности; а с тем, что получилось в итоге, мы познакомимся при рассмотрении материала следующего периода, который как раз является основной темой настоящей работы.

Такой „греко-скифский“ торговый город существует близ современной станции Елисаветовской в течение IV и III вв. до н. э. Подробнее говорить обо всех особенностях этого поселения я не буду — это отчасти уже сделано.

мной в одной из упоминавшихся моих статей,¹ отчасти составит содержание другого стоящего на очереди исследования. Коснусь только некоторых моментов и прежде всего — конца жизни Елисаветовского городища. В упомянутой работе я подробно останавливалась на материале, позволяющем выяснить время существования здесь поселения; я указывала, что с III веком кончаются находки и в городище, и в курганах. Не подлежит сомнению, что в конце III или начале II в. до н. э. жизнь в Елисаветовском городище замирает: главная масса населения должна была выселиться в другое место.² После произведенного в 1928 г. А. А. Миллером специального обследования старых протоков Дона в районе Елисаветовского городища мы знаем и причину этого переселения: оно было вызвано заиливанием прежде судоходного протока реки, что не могло не создать затруднений для крупного торгового города.

Дискуссионным продолжает оставаться вопрос о том, носил ли имя Танаиса описанный нами город, расположенный близ нынешней станицы Елисаветовской. Поскольку до сих пор ни один доклад, ни одно сообщение, касающееся Елисаветовского или Недвиговского городищ, не обходится без оживленных дебатов на эту тему, я считаю нужным вернуться к ней еще раз. При этом я постараюсь четко отделить положения, представляющиеся в данный момент несомненными, от таких, которые неизбежно должны пока рассматриваться лишь как гипотезы.

Напомню вкратце историю рассматриваемого вопроса. Предположение о двух Танаисах — «дополюмоновском» и «возобновленном» было впервые выдвинуто Леонтьевым;³ основанием для этого предположения явилось то, что среди сделанных в Недвиговском городище находок Леонтьев не нашел ни одной, принадлежащей тому «дополюмоновскому» времени, которого касаются известия Страбона о Танаисе. В дальнейшем выяснилась необходимость внесения поправок в представления Леонтьева о времени недвиговского материала. Было установлено, что уже среди добытых Леонтьевым находок имеются целые

¹ Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской по находкам экспедиции ГАИМК в 1928 г. в сб. «Из истории Боспора» (ИГАИМК, вып. 104, стр. 111—201).

² Ни верхний слой городища, ни все известные мне курганы не дали материала более позднего. Леонтьев (Прошлый, т. IV, стр. 512) упоминает о сделанной на территории городища находке, впрочем, недостоверной, боспорской монеты Савромата II; среди хранящихся в Эрмитаже амфор из Елисаветовского городища есть одна, принадлежащая времени не ранее I в. н. э.; точных данных об обстоятельствах ее находки мне выяснить не удалось. Наконец, из найденных на поверхности городища в 1923 г. амфорных ручек с клеймами некоторые принадлежат, по мнению Б. Н. Гракова, несколько более позднему времени, чем III в., принятый за наиболее позднюю для них дату определявший их О. О. Крюгером. Все это не может, впрочем, существенным образом повлиять на то, что мною сказано о времени существования торгового города на месте Елисаветовского городища. Если данное поселение стало непригодным для роли главного торгового пункта области Придонья и все те, в чьих руках сосредоточены торговые операции данного района, вынуждены были искать для такого пункта более подходящее место, то это еще не значит, что здесь должна была замереть окончательно всякая вообще жизнь. Возможно, что какое-то поселение здесь и оставалось; но оно не имело уже ничего общего с тем крупным торговым городом, который находился здесь ранее.

³ Ук. соч., стр. 505 сл.

большие группы предметов, принадлежащих бесспорно допелемоновскому времени;¹ количество этих доримских находок увеличивалось с каждой новой экспедицией, производившейся на территории Недвиговского городища. Основным довод, приводившийся в пользу гипотезы о двух Танаисах, таким образом как будто отпал. Тем не менее этот взгляд продолжал иметь своих сторонников — менялись лишь приводимые в его пользу соображения. Прежде всего, находки доримского времени постоянно оказывались в материале Недвиговского городища принадлежащими сравнительно позднему времени, во всяком случае не ранее второй половины III в. до н. э. Далее, указывалось на их небольшое количество, особенно по сравнению с обильным материалом первых веков н. э.² Эти находки, казалось, никак не отражали существования здесь „самого большого после Пантикапея торжища варваров“.³ Вместе с тем, даже те ничтожные по масштабу работы, которые производились на территории городища у станицы Елисаветовской, дали яркое представление о бесспорно исключительном положении этого поселения по сравнению с другими городищами дельты Дона, отличающимися, кроме Недвиговского, и значительно меньшими размерами, и значительно менее выраженным городским обликом. Предположение о соответствии Елисаветовского городища раннему Танаису сохраняло, таким образом, свою вероятность.

В разгоревшейся дискуссии выступали с одинаковой убежденностью как сторонники соответствия Елисаветовского городища Танаису, так и противники этого мнения.⁴ Нельзя, конечно, не признать за всеми, кто высказывает сомнения в доказанности утверждения о соответствии Елисаветовского городища Танаису раннего периода или кто подчеркивает необходимость осторожности в решении данного вопроса, право на такие сомнения, такие предупреждения.⁵ В самом деле: у нас нет ни одного письменного свидетельства кого-либо из античных авторов о перенесении Танаиса с места на место, ни одного намека, отголоска такого факта в обширном эпиграфическом материале Танаиса более поздней эпохи; имени Танаиса не содержит ни одна из сделанных на территории Елисаветовского городища находок. Решить вопрос о том, носило ли поселение у станицы Елисаветовской имя Танаиса, или оно называлось как-нибудь иначе, могут только дальнейшие раскопки обоих городищ, Недвиговского и Елисаветовского. Пока мы ограничимся формулировкой некоторых положений, непосредственно вытекающих из имеющегося материала. Они сводятся к следующему: совершенно независимо от того, какое имя носило

¹ В этом отношении особенно показательна собранная еще во время раскопок Леонтьева коллекция обломков остроногих амфор с клеймами.

² См., например: А. А. Миллер. Краткий отчет о работах Северокавказской экспедиции Академии истории материальной культуры в 1924 и 1925 гг., СГАИМК, т. I, 1926, стр. 102.

³ Strabo, VII, 310.

⁴ Подробнее об этой дискуссии см. в моей работе о Елисаветовском городище (ИГАИМК, вып. 104, стр. 117). В дальнейшем мне придется к ней вернуться уже в связи с Недвиговским городищем.

⁵ См., например: Б. В. Лунин. Археологические исследования в пределах южного Дона. Елисаветовское городище и курганы „Пять братьев“. Ростов-Дон, 1926, стр. 4, прим. XX.

поселение, находившееся близ теперешней станицы Елисаветовской, поселение это по всему своему характеру — по размерам, положению, находкам на его территории, окружающему его некрополю — резко выделяется из числа городищ нижнего Дона и в IV и первой половине III в. до н. э. одно из всех имеет ясно выраженный облик крупного торгового города. Также вытекает из имеющегося в нашем распоряжении материала и то, что в IV и первой половине III в. до н. э. данный город имеет значение главного торгового центра области нижнего Дона, а позднее то же значение приобретает другой город, находящийся близ нынешней Недвиговки и уже бесспорно — об этом мы еще будем говорить — носящий имя Танаиса. Жизнь торгового города, расположенного близ станицы Елисаветовской, кончается — во всяком случае как крупного торгового центра — в III в. до н. э. и, таким образом, не может иметь никакого отношения к разрушению Танаиса Полемоном. Итак, вопрос сводится, в конце концов, лишь к имени, которое носило Елисаветовское поселение: если оно и не называлось Танаисом, то роль его в IV—III вв. была бесспорно аналогична той роли, которую играл Танаис в более позднее время.

Для правильного представления о положении дел с Елисаветовским городищем высказанных положений достаточно. Некоторые дополнения и уточнения, касающиеся времени и обстоятельств возникновения города близ современной Недвиговки, будут даны в дальнейшем.

В предыдущих работах я старалась проследить, как развивались сношения области Придонья с греками и какие при этом возникали торговые пункты. Подойдем с той же точки зрения к следующему периоду: попытаемся представить себе, какие поселения существовали в области дельты Дона в последние века до н. э.

В литературе мы встретим указания на два поселения, игравшие в этот период более, чем другие, заметную роль: городище у теперешней Недвиговки и Темерницкое городище на территории современного Ростова. При этом следует отметить, что наличие в Недвиговском городище материала более раннего, чем относящийся к первым векам н. э., подчеркивалось — притом упорно и повторно — одним Ростовцевым;¹ другие исследователи или вообще не упоминали о такого рода находках,² или, признавая их наличие, указывали на их незначительный процент по сравнению с более поздним материалом.³ В то же время Темерницкое городище как поселение, существовавшее в течение длинного ряда веков — с VI в. до н. э. непрерывно до конца римского периода, — притом получившее особо важное значение именно в последние века до н. э., неоднократно упоминалось в нашей археологической литературе: против такого взгляда на него выдвигались, впрочем, и возражения. Мы должны попытаться установить свое отношение к данному вопросу.

¹ Ср.: М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 529; М. И. Ростовцев. Фибулы с надписями из Довской области. ИАК, вып. 65, стр. 23 сл.

² Например, Семенов и Герман в упомянутых статьях.

³ А. А. Миллер. Краткий отчет о работах Северокавказской экспедиции ГАИМК в 1924 и 1925 гг. СГАИМК, т. I, Л., 1926, стр. 102.

Внимание на Темерницкое городище было впервые обращено в 1914 г., в специальной статье А. М. Ильина, опубликовавшего находки на территории этого поселения и представившего теорию о той роли, какую оно играло в античную эпоху.¹ В Темерницком городище А. М. Ильин видит „передовую факторию“ Танаиса — один из пунктов, основанных в процессе „торгово-культурной колонизации“, предпринятой Танаисом вверх по реке в целях оживления и обеспечения внешней торговли. Временем основания этой фактории автор статьи считает VI, самое позднее V в. до н. э., т. е. время, непосредственно следующее за основанием Танаиса, относимым им к VI в. до н. э. Дальнейшие судьбы Темерницкого городища связываются Ильиным с судьбами Танаиса. Принимая теорию о том, что Танаис существовал на месте Елисаветовского городища до разрушения его Полемоном, а в дальнейшем перекочевал в район теперешней Недвиговки, Ильин предполагает, что именно фактом разрушения Танаиса был вызван особый расцвет Темерницкого городища: бежавшие от Полемона танаиты охотнее всего должны были устремляться в Темерницкое городище, „свою ближайшую факторию“, что сильно увеличило население этой фактории, так как некоторые из беглецов, очевидно, так и остались здесь. И на некоторое время, „пока не развился Возобновленный Танаис и не затмила блеском своей торговли Темерницкую факторию, она была самым выдающимся колонизационным пунктом в северо-восточном углу отдаленной Меотиды...“

Изложенная концепция целиком принимается и повторяется Семеновым и Германном в упоминавшихся статьях; возражает против нее, как я уже упоминала, только А. А. Миллер, причисляющий Темерницкое городище к числу поселений римской эпохи.

Воспроизведенный и описанный в статье А. М. Ильина материал как будто подтверждает факт существования Темерницкого городища еще в доримскую эпоху — если не с VI в., то, во всяком случае, с IV в. до н. э. В конце 1938 г. я имела возможность увидеть этот материал, или по крайней мере большую его часть, находящуюся в краеведческом музее в Ростове на Дону. И тем не менее я вынуждена остерегаться поддерживать выдвинутую Ильиным концепцию. Я уже не говорю о том, что она всецело связана с представлением о разрушении Танаиса во время его существования на месте Елисаветовского городища Полемоном и о перенесении его именно в результате этого разрушения в окрестности нынешней Недвиговки: мне приходилось уже достаточно говорить о несоответствии этой традиции имеющемуся материалу.² В данный момент меня интересует решение вопроса — действительно ли Темерницкое городище существовало в последние века до н. э. или и оно, как многие другие, должно быть отнесено к числу поселений римской эпохи? К сожалению, вполне доказанное существование Темерницкого городища в доримскую эпоху

¹ А. М. Ильин. Передовая фактория Танаиса. Древнегреческое поселение, существовавшее на территории Темерницкого городища, в устьях р. Темеряка. Записки Рост. на Дону Общества истории, древностей и природы, т. II, Ростов н/Д., 1914, стр. 147—174.

² Т. Н. Кипович. Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской, стр. 193.

я считать не могу. Все наиболее характерные экземпляры из воспроизведенных и описанных у Ильина представляют случайные находки, доставленные в ростовский музей разными лицами в разное время. Большинство предметов, найденных археологами, сообщившими более точные сведения относительно обстоятельств их находки, являются типичными образцами памятников сарматской культуры первых веков н. э.; что касается всех целых экземпляров, принадлежащих доримскому времени, как воспроизведенные у Ильина „пантикапейская пелика“¹ или „двуручный сосуд“,² то о их происхождении не сохранилось никаких данных. Между тем упомянутая „пантикапейская пелика“ вообще представляла бы единственный экземпляр такого рода в области нижнего Дона: ее находка была бы очень интересна, если бы была достоверна. То же касается знаменитой посвятельной надписи Биона и Теодора, сыновей Фанны, и их матери.³ Найдена она вблизи, но не на месте Темерницкого городища, и ее отнесение к числу памятников данного поселения основывается только на факте существования поблизости, ближе, чем Танаис, поселения, которое, по мнению Ильина, вполне подходит для находки в нем такого рода памятника. Отмечу еще раз, что почти все достоверно происходящие с территории Темерницкого городища предметы принадлежат первым векам н. э.; особенно показателен здесь материал, собранный на осыпях Темерницкого городища А. А. Миллером — он ничем не отличается от материала донских поселений римской эпохи, о которых речь будет ниже; более ранние находки единичны. Наконец, укажу, что внешний вид городища и его незначительные размеры мало согласуются с той блестящей ролью, которую приписывает ему А. М. Ильин.

Утверждать, что все приписываемые Темерницкому городищу ранние экземпляры наверно найдены не в этом поселении, я, конечно, не могу. Но я не могу ни в коем случае присоединиться к теории Ильина, основанной на столь недостоверном материале и, во всяком случае, непомерно преувеличивающей роль, которую это городище могло играть. Ввиду этого я воздерживаюсь от отнесения его к поселениям эллинистической эпохи и буду о нем говорить при описании поселений первых веков н. э.

Что касается Недвиговского городища, то доказывать наличие в нем эллинистического материала едва ли нужно. Достаточно показательны уже те обломки, которые были воспроизведены в моей статье о Елисаветовском городище;⁴ характерные эллинистические предметы имеются и среди находок в погребениях Недвиговского некрополя, раскапывавшегося Н. И. Веселовским в 1908 и 1909 гг. Подробнее обо всех этих находках будет речь ниже.

Присутствие эллинистического материала может быть констатировано кое-где и в других местах района дельты Дона. К сожалению, я не имею пока возможности охарактеризовать с этой точки зрения многократно расследовавшиеся поселения района Таганрога. Но даже и на основании указанных публикаций

¹ Ук. соч., стр. 165, рис. 7.

² Ук. соч., стр. 166, рис. 8.

³ ИАК, вып. 14, стр. 134.

⁴ ИГАИМК, вып. 104, стр. 194, рис. 58.

несомненно наличие эллинистического материала в некоторых из этих поселений.¹ Откладывая более подробную характеристику этих находок до того времени, как получу возможность ознакомиться с коллекциями Таганрогского музея, я сейчас считаю все же нужным отметить, что и в эллинистическую эпоху мы можем констатировать продолжение существования поселений в районе теперешнего Таганрога, т. е. в области, где мы имеем торговые пункты или торговый пункт еще в VI в. до н. э.

В некоторых краеведческих изданиях упоминается присутствие материала эллинистической эпохи также и в других городищах Придонья.² При подготовке настоящего исследования мной был просмотрен весь материал донских городищ, находившийся в Областном музее краеведения в Ростове на Дону (а именно там должны были, судя по изданиям, находиться упомянутые эллинистические образцы), весь представленный в мое распоряжение материал Новочеркасского музея,³ все коллекции донских поселений, находящиеся в Государственном Историческом музее в Москве; был проработан также весь материал рукописного архива ИИМК им. Н. Я. Марра.⁴ В результате этой работы я пришла к следующим выводам. Ни одна из просмотренных мною и достоверно документированных коллекций донских поселений, за исключением коллекций Елисаветовского и Недвиговского городищ, не включала материала более раннего, чем I в. до н. э.; под сомнением остается, таким образом, только Темерницкое городище, но его материал никак не может, как мы видели, считаться точно документированным. Архивными же материалами засвидетельствована, кроме городищ Елисаветовского, Недвиговского и поселений района Таганрога, одна находка — амфора IV—III вв. до н. э. с английским клеймом NI на горле:⁵ она найдена „в размытом водою кургане близ села Батайского“.

¹ См., например: М. А. Миллер и Б. В. Лунин. Некрополь у Беглицкой косы. Краеведение на Северном Кавказе, Ростов н/Д., 1928, № 3—4, стр. 52, рис. 3; М. А. Миллер. Керамика древних поселений Приазовья. Записки СКОАИЭ, кн. I (т. III), вып. 3—4, Ростов-Дон, 1928, стр. 21.

² См., например: Б. В. Лунин. Археологические раскопки и разведки на Северном Кавказе в 1926 г. Ростов н/Д., 1928, стр. 17—18; Записки СКОАИЭ, Ростов-Дон, 1929, кн. I (т. III), вып. 5—6, стр. 95.

³ К сожалению, во время моей последней командировки в Новочеркасск (1933 г.) мне не удалось ознакомиться со всей имеющейся там коллекцией находок из поселений района дельты Дона и пришлось ограничиться ознакомлением с предметами, выставленными в экспозиции. Поскольку ранее, еще в 1927 и 1923 гг., мною был просмотрен весь материал фондов музея, также и эти находки могли быть в какой-то мере мною учтены при выяснении особенностей культур поселений дельты Дона. Но охарактеризовать и описать материал Новочеркасского музея так, как это было сделано мною применительно к другим коллекциям, я, конечно, не смогла.

⁴ Из находящихся в Эрмитаже находок, сделанных в тех же городищах, мною пока были подвергнуты исследованию вещи из Недвиговского городища, непосредственно связанные с темой данной работы. Материал других поселений, просматривавшийся мной раньше, пока он находился в ГАИМК, вновь пересмотреть мне еще не удалось.

⁵ Воспроизведена в д. № 9/1890 г., Архив ИИМК им. Н. Я. Марра.

Итак, имеются признаки того, что в последние века до н. э. в области нижнего Дона продолжали существовать какие-то поселения и кроме Недвиговского городища; но при современном состоянии исследования данного района мы знаем об этих поселениях крайне мало — в сущности, ничего, кроме самого факта их существования. Как мы увидим, последние века до н. э. — вообще наиболее темный период для области Придонья; мало определенных сведений дает для него и Недвиговское городище, к рассмотрению которого мы переходим.

Глава II

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАССЛЕДОВАНИЙ

Начало археологическим исследованиям Недвиговского городища было положено Стемпковским в 1823 г. „В быстрый проезд мой в прошлом октябре [1823] вдоль берегов Дона мне хотелось осмотреть мимоходом устья сей реки и отыскать настоящее местоположение древнего города Танаиса, доселе еще неопределенное“, — пишет он в 1824 г. Бларамбергу.¹ Руководствуясь высказанным желанием, Стемпковский впервые произвел обследование поселений, расположенных по берегам обеих главных рек дельты Дона — Дона и Мертвого Донца, дал краткую характеристику этих поселений и правильно выделил Недвиговское городище, как наиболее подходящее для Танаиса по местоположению, внешнему виду и величине городища, вместе с тем и по сделанным на его территории находкам. К раскопкам Недвиговского городища Стемпковский не приступил; но произведенное им обследование поселений дельты Дона и составленная сводка всех сделанных в данной области находок подготовила почву для дальнейших исследований.

Собственно же раскопки Недвиговского городища вместе с его некрополем были начаты в 1853 г. Леонтьевым,² работавшим здесь совместно с архитектором Авдеевым. Также и эти работы носили характер разведочных исследований; но они дали много — в сущности, именно работы Леонтьева и сделали возможным изучение Недвиговского городища. В результате этих работ было окончательно установлено соответствие Недвиговского городища Танаису, они дали представление о размерах поселения, его форме, главных его сооружениях, его некрополе; они же принесли значительное количество интересных и ценных находок, среди которых первостепенное значение имеет целая коллекция плит с греческими надписями. Конечно, значение этих рас-

¹ Два письма Стемпковского к Бларамбергу о местоположении древнего города Танаиса. Прописей. Сборник статей по классической древности, издаваемый П. Леонтьевым, кн. IV, М., 1854, стр. 387.

² Леонтьев. Археологические разыскания на месте древнего Танаиса и в его окрестностях. Прописей, кн. IV, стр. 397 сл.; см. также: Извлечение из всеподданнейшего отчета об археологических разысканиях в 1853 г. СПб., 1855 г. Существенные дополнения содержатся в хранящемся в архиве ИИМК деле Министерства уделов (№ 25/1353 г.).

следований было бы неизмеримо больше, если бы они были поставлены более научно. Метод, применявшийся Леонтьевым, состоял в проведении траншей или канав в разных направлениях через площадь городища и ближайшее его окружение; по возможности траншеи доводились до материка. При этом место для проведения каждого нового „разреза“ определялось главным образом сделанными находками: найден, например, бронзовый канделябр — начинают проводить траншею вблизи места находки канделябра. Конечно, отчет не содержит никаких чертежей обнаруженных Леонтьевым наслоений, никаких даже описаний этих наслоений: единственной целью производившихся работ было извлечение из содержимого траншей предметов, казавшихся в каком-либо отношении ценными. Обломки простой керамики, предметы хозяйственного назначения, вроде жерновов, грузил, пряслиц и т. д., конечно, представлялись в глазах Леонтьева не заслуживающим внимания „мусором“ и до нас не дошли; что касается предметов, признанных заслуживающими внимания и отобранных, то об обстоятельствах их находки чаще всего вовсе нет сведений, в тех же случаях, когда они приводятся, они дают очень мало в силу уже описанного метода раскопок. В итоге мы не можем получить представления о последовательных наслоениях в городище, а вынуждены оперировать всеми находками вместе, говорить на основании этих находок о поселении в целом, на всем протяжении его существования, без учета особенностей каждого из периодов его жизни.

Это бы еще могло быть не так уже плохо: часто с такого ознакомления с поселением в целом начинается работа над тем или иным городищем, вслед за чем идет уже более систематическое его исследование. Но беда в том, что работы Леонтьева, носившие характер разведки, нанесли существенные и непоправимые повреждения городищу. „На основании всех... показаний назначены были линии для проведения канав, которыми городище, можно сказать, изрезано во всех направлениях“, — пишет о своих работах Леонтьев; повторно он указывает, что его траншеи проходили через всю толщу наслоений, до материка. Леонтьев сам сознавал, что дальше работать таким методом нецелесообразно, что теперь следует переходить к сплошной раскопке городища, „как копают в Риме или в Помпеях“; при осуществлении этих предположений он несомненно встретился бы с крупными повреждениями, нанесенными многим из сооружений его же собственными траншеями.

Аналогичный характер носили также и раскопки некрополя, курганного и грунтового. Нет чертежей погребений, описания не всегда дают ясное представление о типе погребения; из вещей отбиралось только то, что казалось ценным в художественном или материальном отношении.

При всем том, повторяю, Леонтьевым было сделано очень много. Несмотря на все недочеты, на растерянность перед казавшимися ему малопоказательными находками, которые он не умел должным образом оценить и использовать, — несмотря на все это, Недвиговское городище уже отчетливо выступает перед читающим отчетную работу Леонтьева, выступает не только как крупный город, но и как город весьма своеобразный, с характерной, насыщенной местными элементами культурой. И как бы значительно мы ни опередили

Леонтьева в умении обращаться с материалом, все же мы в изучении Танаиса идем по проложенным им путям, решаем поставленные им вопросы.

Следующими по времени были исследования Тизенгаузена в 1867 г.¹ Вероятно под влиянием высказанного в отчете Леонтьева мнения о необходимости изменить метод раскопок, Тизенгаузен приступил уже к сплошной раскопке городища, а именно — западной его части, „в надежде отыскать другие памятники такого рода [речь шла о надписях], которые могли бы послужить к дальнейшему подтверждению этой догадки² или повести к разрешению вопроса, не находился ли на этом месте и древний Танаис“. Собственно отчет о раскопках Недвиговского городища занимает несколько строк, которые я и привожу: „Поиски эти однако же не оправдали его [Тизенгаузена] ожиданий: расследованная им часть городища представила безобразную груду дикарских камней от совершенно разрушенных строений, среди которых найдены лишь самые обыденные предметы домашнего хозяйства, как то: жернова, простые глиняные сосуды, целые и разбитые амфоры, терракотовые лампочки, грузила от неводов и несколько бронзовых монет III в. по Р. Х. Такие же результаты дали каналы, проведенные на разных плоских местах, позади вады и рва, окружающих городище с западной стороны“.³

Для своего времени приведенное сообщение очень характерно. Повидимому, Тизенгаузен напал на какую-то часть городища, которая как раз оказалась не так уж сильно разрушенной, если здесь попадались не только обычные в слоях городищ черепки, но также и целые амфоры. Из перечисленного материала Тизенгаузен взял очень мало — не взял даже упомянутых им „простых глиняных сосудов“ и „цельных амфор“ (Леонтьев такие вещи все же брал). Имеющийся в Государственном Эрмитаже и Государственном Историческом музее материал из раскопок Тизенгаузена на городище вообще немногочислен и состоит из коллекции амфорных ручек с клеймами, обломка амфорного горла с клеймом, обломка черепицы с клеймом, нескольких светильников и пряслиц.

Несколько полнее изложены в „Отчете Археологической комиссии“ работы Тизенгаузена на некрополе, где он раскопал всего 50 погребений. Нетронутых из них оказалось всего два. Эти нетронутые погребения принадлежали обеим богатым женщинам, содержали много различных украшений, и поэтому материал из них был взят весь, а самые погребения описаны (правда, очень неполно; нет даже размеров могил). Остальные 48 погребений описаны все вместе и разобраться в этом описании нелегко. Материал из них поступил в Государственный Исторический музей с общим обозначением „вещи, добытые раскопками из разных могил, разграбленных в древности“, что исключает всякую возможность составить какое-либо представление об отдельных комплексах.

Через три года (в 1870 г.) вновь возобновляются работы на Недвиговском городище. Толчком послужили сделанные каменоломщиками случайные наблю-

¹ ОАК за 1867 г., стр. XIX.

² Т. е. догадки о существовании здесь Танаиса или поселения, подвластного танаитам.

³ ОАК за 1867 г., стр. XIX.

дения о каком-то подземном ходе и новые случайные находки плит с греческими надписями. Производство исследований было поручено на этот раз Хицунову.

Раскопки Хицунова оказались значительно более плодотворными. Была существенно дополнена составившаяся уже при Леонтьеве коллекция эпиграфических памятников Танаиса, был обнаружен ряд представляющих интерес сооружений, а некоторые находки позволяют сделать ряд важных наблюдений о времени существования здесь Танаиса. Печатный отчет о работах Хицунова¹ очень краток; но весьма ценные сведения заключает находящийся в Архиве ИИМК рукописный его отчет.² Конечно, и здесь отсутствует послойное изучение находок; конечно, и здесь нет чертежей, необходимых для ясного представления о раскопках; и, конечно, взяты были далеко не все интересные с нашей точки зрения находки. Но процесс работы описан обстоятельно, а для всех взятых предметов имеются довольно точные указания места и условий находки, с обозначением участка городища, а иногда и глубины от поверхности. Хицунов продолжал также и раскопки некрополя; исследования его внесли, впрочем, в этой области мало нового.

После Хицунова работы в Недвиговке затихают надолго. Главное внимание Археологической комиссии привлекают в это время крупные курганы Скифия и Боспорского царства, а из поселений на первое место выступают крупные причерноморские колонии — Ольвия, Пантикапей, Херсонес. Область Танаиса отодвигается на задний план, и только новые случайные находки и открытия могут возобновить заглушенный интерес к этому отдаленному поселению.

Такие случайные находки появляются уже в первые годы нашего века. Случайными находками было вызвано, прежде всего, решение подвергнуть раскопке один из курганов некрополя Елисаветовского городища; с разрешения Археологической комиссии эту работу произвел в 1901 г. И. И. Ушаков. Ценный меч в обложенных золотом ножнах с изображениями в „зверином скифском стиле“ заставил поставить вопрос о производстве исследований в области Елисаветовского городища; а в 1908 г. и в некрополе Недвиговского городища одним из местных казаков была случайно обнаружена богатая гробница. Для производства исследований в область Недвиговского городища был командирован два года подряд, в 1908 и 1909 гг., Н. И. Веселовский.³

Работы производились Веселовским исключительно на некрополе Недвиговского городища. За два года работ им было открыто всего до 90 погребений и вскрыта площадь около 465 кв. саж. (свыше 2000 кв. м). Большая часть погребений оказалась разграбленной, повидимому, еще в древнее время. Но все же работы 1908—1909 гг. внесли существенные дополнения

¹ ОАК за 1870—1871 гг., стр. XXIII.

² Дело № 10/1869 г., л. 36 сл.

³ ОАК за 1908 г., стр. 122; ОАК за 1909/10 гг., стр. 139; см. также: Н. Веселовский. Тацис Младший. Гермес, научно-популярный вестник античного мира, 1909, № 6, стр. 246 сл.

в имевшиеся в результате исследований Леонтьева, Тизенгаузена и Хицунова сведения о погребениях Недвиговского некрополя. К сожалению, этот материал представлен нам далеко не в том виде, в каком было бы желательно его иметь. Вещи из раскопанных Веселовским могил поступили в Эрмитаж без распределения их в прилагаемой описи по погребениям, и сейчас нелегко установить, что из [какого комплекса] происходит. Обозначения предметов в отчете Веселовского страдают отсутствием четкости: определение „глиняный сосуд“ встречается многократно и применяется к сосудам самой различной формы и техники; аналогичные по неясности обозначения встречаются и в других группах материала. Распределить все находки по погребениям оказалось в силу этого совершенно невозможным. Прибавлю, что рисунков в отчетах Веселовского немного, и помогают они только при восстановлении наиболее богатых комплексов. Таким образом, и этот материал, добытый значительно позже леонтьевского, мы не можем использовать так, как было бы желательно.

После Веселовского ни Недвиговское городище, ни некрополь этого поселения не раскапывались, насколько я знаю, вовсе. Руководимые А. А. Миллером экспедиции ГАИМК, повторно производившие в годы 1923—1928 исследования поселений нижнего Дона, мало затронули Недвиговское городище. Сотрудники экспедиций работали здесь два раза, в 1923 и 1928 гг.;¹ работы ограничились внешним осмотром городища, производством инструментальной съемки и сбора материала с поверхности и на осыпях. К сбору материала на поверхности и по осыпям сводились также работы, производившиеся на Недвиговском городище сотрудниками Северокавказского краевого общества археологии, истории и этнографии.² Для нас, впрочем, наличие этого подъемного материала оказывается весьма не лишенным значения. Собранные находки принадлежат в большей их части к той категории, которая прежними раскопщиками выбрасывалась как „городской мусор“, и без них мы были бы лишены возможности составить представление о группах утвари, бывших в повседневном употреблении у обитателей Танаиса.

Изложенный очерк истории исследований Недвиговского городища дает ясное представление о трудностях, стоящих перед каждым исследователем Танаиса поздней эпохи. Имея довольно значительное количество добытых во время раскопок находок, мы лишены возможности расположить их по слоям, соответствующим определенным периодам существования городища, и только в отдельных случаях можем восстановить комплексы погребений. К тому же материал в громадном большинстве отбирался по признаку его материальной

¹ О работах в 1923 г. см.: А. А. Миллер. «Краткий отчет о работах Северокавказской экспедиции Академии в 1923 г. ИРАИМК, т. IV, 1925, стр. 20. Публикации работ 1928 г. нет.

² Б. В. Лукин. Археологические раскопки и разведки на Северном Кавказе в 1926 г. Ростов на Дону, 1923, стр. 14; отд. оттиск (дополненный) из № 1—6 „Бюллетеня“ Северокавказского бюро краеведения за 1927 г. — Б. В. Лукин. Археологические раскопки и разведки на Северном Кавказе в 1927 г. Ростов на Дону, 1923, стр. 9; отд. оттиск из № 1—2 журнала „Краеведение на Северном Кавказе“, 1928.

или художественной ценности и в силу этого никак не может отражать быта всего населения города. Мы стеснены поэтому в самой постановке вопросов, с которыми хотели бы подойти к Недвиговскому городищу; мы не можем даже пытаться исследовать жизнь поселения в процессе ее развития, так как у нас совершенно отсутствуют необходимые для этого вещи.

К счастью, как бы плохо ни были поставлены раскоп и городища, они дали ряд действительно показательных находок, в первую очередь — богатый эпиграфический материал. Благодаря ему ряд основных вопросов о данном поселении оказывается решенным даже и без специального углубленного исследования.

Первый и важнейший вывод, сделанный уже в результате первых исследований — несомненное соответствие Недвиговского городища Танаису. Целый ряд найденных здесь надписей содержит или имя Танаиса (например, IPE, № 423; архонт Танаиса) или производное от этого имени название „тананиты“, „тананит“ (IPE, II, №№ 427, 428, 430, 433). Особенно важны случаи, когда плита с надписью, содержащей имя Танаиса или тананитов, найдена несомненно *in situ*. Случай такого рода мы имеем с надписью IPE, II, № 427. В надписи идет речь о восстановлении „временем испорченной башни“ при участии архонта тананитов; в соответствии с содержанием, надпись найдена как раз там, где были обнаружены части основания башни, представляющей, очевидно, именно ту восстановленную башню, о которой говорится в надписи. Аналогичным образом обстоит дело с надписью IPE, II, № 432, говорящей о восстановлении городских ворот и найденной в углублении опоясывающего город вала, в части его, обращенной к реке, или с надписью о сооружении агоры (IPE, II, № 430), обнаруженной на месте, вполне подходящем для наличия здесь общественной площади. Все приведенные случаи устраняют возможность предположения, что плиты с надписями, содержащими имя Танаиса, попали в данное поселение случайно, были завезены сюда в качестве балласта, или в качестве строительного материала.

Благодаря таким находкам вопрос о соответствии или несоответствии Недвиговского городища Танаису не мог стать предметом дебатов: вопрос был вполне решен уже после работ Леонтьева в 1853 г. Но тогда же и тем же Леонтьевым было сделано наблюдение о полном отсутствии в Недвиговском городище находок раннего времени. Открытые им здесь надписи принадлежали все II и III вв. н. э.; монеты датировались I—III вв. н. э.; среди керамического материала Леонтьев не нашел черепков „этруских ваз“, вообще не нашел „ни одного верещка, который бы указывал на времена до Р. Хр.“.¹ Так, после решения вопроса о соответствии Недвиговского городища Танаису, возник новый вопрос — находился ли на месте Недвиговского городища Танаис во все время своего существования, или в раннее время он находился где-то в другом месте и только после разрушения его Полемоном в I в. до н. э. был вновь отстроен близ нынешней Недвиговки. В связи с этим Леонтьевым была

¹ Ук. соч., стр. 500.

выдвинута гипотеза о двух Танаисах — „дополемоновском“ (Елисаветовское городище) и „возобновленном“ (Недвиговское городище).

Сам Леонтьев не считал свою гипотезу достаточно доказанной. Но позднейшие археологи пошли дальше. Толчком для пересмотра вопроса послужили предпринятые А. А. Миллером в 1908—1911 гг. исследования в районе Елисаветовского городища и проведенные в это же время (1908—1909) Н. И. Веселовским раскопки Недвиговского некрополя. Оба исследователя уже с полной уверенностью говорят о Танаисах, „дополемоновском“ и „возобновленном“;¹ к ним примкнул целый ряд археологов, прежде всего, ряд местных работников Донской области.² Против этой теории выступил М. И. Ростовцев, склонный видеть в Недвиговском поселении Танаис во все времена его существования;³ в том же роде высказался и Минна.⁴ И в литературе последнего времени мы попрежнему встречаем сторонников взгляда о двух Танаисах,⁵ в то же время встречаем исследователей, настроенных более скептически, или во всяком случае более осторожно.⁶

Итак, если соответствие Недвиговского городища Танаису было установлено сразу и безусловно, то второй вопрос — о времени существования Танаиса на месте Недвиговского городища — оказался более сложным и вызвал большие дебаты. В силу сказанного нам придется в дальнейшем уделить последнему вопросу особое внимание. Но для этого мы должны сначала познакомиться со всем тем богатым и разнообразным материалом, который дали исследования Недвиговского городища и некрополя. Пока напомним еще раз что уже и опубликованный материал содержит вещи не только римского, но и эллинистического периода.

¹ Высказывания А. А. Миллера в то время см., например: Труды XIV Арх. съезда в Чернигове, 1909, стр. 83 сл.; ИАК, вып. 35, стр. 124 и др. — В более позднее время А. А. Миллер высказывается осторожнее, см.: СГАИМК, I, Л., 1926, стр. 102. — Н. И. Веселовский уже прямо дает в своей статье об итогах раскопок Недвиговского некрополя название „Танаис Младший“ („Гермес“, № 6, 1909, стр. 246).

² См. статьи А. М. Ильина, М. Б. Краснянского, и др. в ЗРДО, вып. I—II.

³ М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Изд. РАИМК, 1925, стр. 569. — *Rostowzew. Skythien und der Bosporus*, I. Берлин, 1931, стр. 469. — ИАК, вып. 65, стр. 22. — М. И. Ростовцев. Эллинизм и иранство на юге России. Пгр., 1918, стр. 154.

⁴ Ellis H. Minna. *Scythians and Greeks*. Кембридж, 1913, стр. 567.

⁵ А. Семенов, ук. соч., стр. 17. — Неггманн, ук. соч. — Мнение о двух Танаисах являлось, повидимому, принятым также и в Танаидской комиссии, объединявшей занимающихся связанными с Танаисом вопросами исследователей Ростова на Дону и Новочеркасска: разногласия вивывал здесь только вопрос о том, какое поселение следует считать ранним Танаисом. См.: Записки СКОАИЭ, кн. I (т. III), вып. 5—6, стр. 95.

⁶ Например: С. А. Жебелев. Боспорские этюды. Из истории Боспора. ИГАИМК, вып. 104, стр. 39, прим. 2.

Глава III

ГОРОДИЩЕ

Недвиговское городище (рис. 1) расположено на берегу теперешнего Мертвого Донца, между двумя селениями — Синявкой и Недвиговкой. Точного расстояния его от моря в данный момент я не знаю; во времена Леонтьева (1853 г.) оно равнялось приблизительно трем километрам. Возможно, что с античной эпохи море в этой части отступило: Танаис должен был стоять, вероятно, близ самого выхода реки в Азовское море.

По своему устройству Недвиговское городище несомненно напоминает Елисаветовское, уступая ему, впрочем, по размерам. Также и здесь мы имеем две ограды. Внутренняя обносит главную часть поселения, собственно самый город, имеющий форму, приближающуюся к форме квадрата размером 100×100 сажен (приблизительно 215×215 м). На расстоянии около 100 сажен (215 м) от внутренней ограды идет вал, образующий ограду внешнюю, описывающую близкую к дуге круга ломаную линию; эта внешняя ограда опоясывает поселение с запада и востока, открывая его к югу, к реке, и смыкаясь на севере с оградой внутренней. Получается характерная форма городища с широкими „крыльями“, напоминающая Елисаветовское городище: отличие Недвиговского только в том, что обнесенное внешней оградой пространство примыкает не с трех, а только с двух сторон. Следует отметить, что пространство между оградой значительно более низменно, чем центральная возвышенная часть.

Леонтьев, обративший внимание на существование двух оград и на лежащий между ними „бескурганный пояс“, провел некоторые из своих траншей также и через этот участок; в дальнейшем здесь были проведены два раскопа и Хипуновым. Обнаружилась резкая разница между содержимым наслоений в центральном четырехугольнике и в пространстве между оградой. В противоположность крайней насыщенности почвы центральной части культурными остатками, в том числе остатками каменных строений, за пределами внутренней ограды культурных остатков было немного, камни от разрушенных сооружений отсутствовали почти совсем, и содержимым прорытых здесь канав была преимущественно „песчано-глинистая земля, перемешанная с черепками“. Здесь же было обнаружено и несколько погребений; в тех из них, которые сохранились в целом виде, встречалось очень мало вещей: чаще всего бывало по одному — по два грубых лепных горшка, реже медные стрелки, наконечники копий, ножи.

На основании всех этих данных Леонтьев предположил, что поселение существовало здесь недолго и что в III в. н. э. жизнь сосредоточивалась почти исключительно в центральной части, место же за внутренней оградой служило кладбищем. Я думаю, что дело обстоит иначе. Если проведенные в прошлом столетии работы в пространстве между оградами не позволяют нам сделать

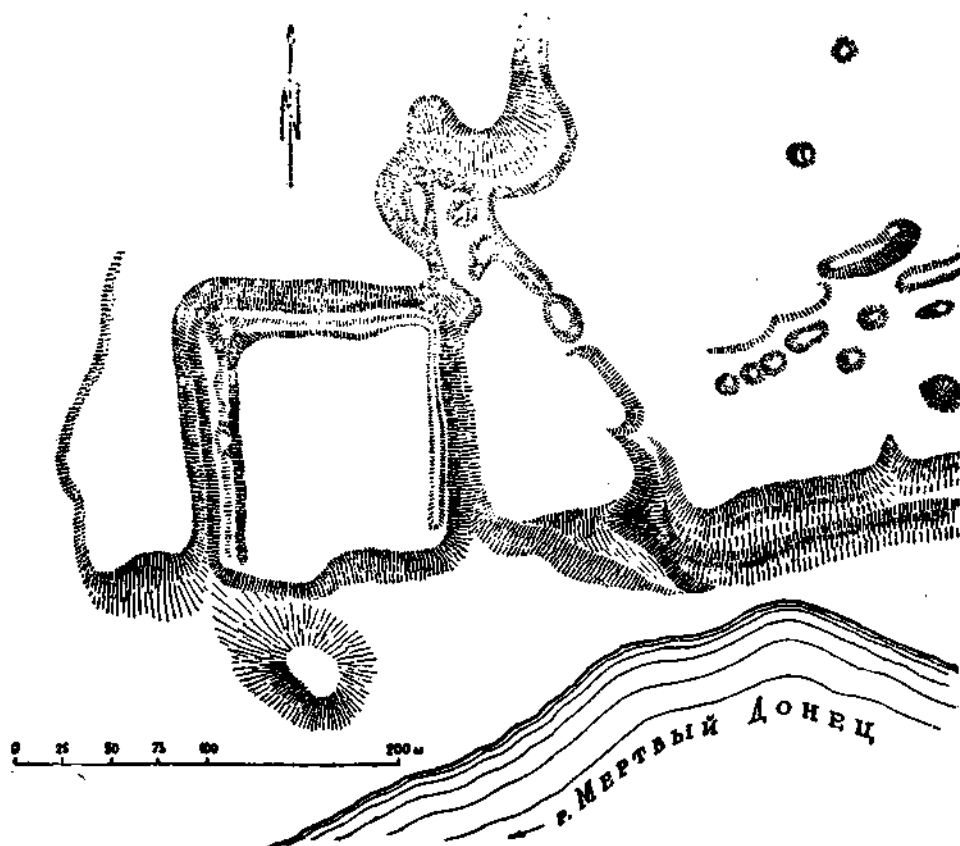

Рис. 1. План Недвиговского городища.

определенных выводов об этой части Недвиговского городища, то несколько лучше осведомлены мы об аналогичном участке городища у станции Елисаветовской. Пространство между внутренней и внешней оградами и в Елисаветовском городище производит совершенно иное впечатление, чем центральная часть: также и в Елисаветовском городище почва этого участка значительно меньше насыщена культурными остатками, причем остатки каменных сооружений здесь отсутствуют или почти отсутствуют. Но благодаря исследованному здесь в 1928 г. раскопу (раскоп № III) мы с большей уверенностью можем говорить о том, что представляла эта часть поселения. Раскоп № III 1928 г. дал яркую картину местной культуры. Подавляющее большинство сделанных здесь кера-

мических находок принадлежит группе местной лепной посуды, рядом с которой находки керамики античных типов являются совершенно единичными;¹ все строительные остатки принадлежат не каменным зданиям, а глинобитным жилищам. Мы получаем определенную схему размещения здесь населения: центральная часть городища была заселена зажиточными группами, в обиходе которых существенное место занимали черты греческие; а на окраинах ютилось неимущее, вероятно, преимущественно рыбацкое местное население. То же самое представляло, повидимому, и Недвиговское городище: вероятно и тут в пространстве между двумя оградами жило более бедное население, а в центральном четырехугольнике — группы состоятельные и господствующие. Косвенное подтверждение этому можно видеть в отмеченных Хицуновым в окраинной части городища скоплениях рыбных костей, вполне естественных на месте, где жило рыбацкое население. Интересно также, что именно в пространстве между двумя оградами, в юго-западной части городища, было обнаружено в 1928 г. в двух местах значительное скопление кусков глиняной обмазки с отпечатками камыша и жердей. Эти куски обмазки свидетельствуют о распространении в данной части Танаиса местных глинобитных жилищ, совершенно аналогичных тем, которые постоянно встречались в городищах нижнего Дона первых веков н. э. и которые могли быть особенно хорошо прослежены в городищах Кобыяковом и Гниловском (речь о них еще будет впереди).

Был ли участок между двумя оградами заселен во все время существования Недвиговского городища, или только в более раннее время, сказать с уверенностью до производства раскопок этой части городища не решусь. Естественнее предположить, что заселен он был все время: скопление вокруг торгового центра населения, поставяющего продукты торговли, представляет явление вполне естественное, и нет оснований предполагать его прекращение в то время, когда Танаис еще продолжал развивать свои торговые операции. Произведенный в 1928 г. сбор материала на поверхности городища и по осыпям, повидимому, подтверждает это предположение. Среди обломков керамики, найденных вместе с только что упоминавшимися кусками обмазки, при подчистке обреза ямы, было, между прочим, найдено несколько обломков лепного горшка с свойственным римскому времени резко очерченным профилем и обломок большой амфоры типа амфоры, изданной О. Э. Ланговой,² правильно отнесшей ее к концу III — началу IV в. н. э. Упомянутые остатки глинобитных строений входят, очевидно, в состав культурного слоя III — начала IV в. н. э.

Центральный четырехугольник Недвиговского городища резко отличается от окраинной части. Не случайность, прежде всего, отличие той внутренней

¹ В значительном количестве представлены, кроме лепной керамики, только обломки остроносовых амфор. Они не могут противоречить нашим заключениям — в это время амфоры получили широкое распространение в обиходе местного населения Северного Причерноморья, о чем свидетельствуют многочисленные находки амфор в скифских погребениях: см., например, раскопки Бобринского в Киевской губернии, ИАК, вып. 14, стр. 1—43.

² О. Э. Ланговая. Повдне-римская амфора из Мирмекия. СА, VII, стр. 289 сл., рис. на стр. 290.

ограды, которой он обнесен, от ограды внешней, которой защищена окраинная часть поселения. В то время как внешней оградой служил простой земляной вал, ограда внутренняя представляла мощную каменную стену (толщиной приблизительно в 2.15 м), снабженную целым рядом (не менее 6) сторожевых башен и имевшую в южной части ведущие к реке укрепленные ворота, «обделанные цельными камнями, которых длина равняется толщине стены; эти ворота прорезаны в стене, примыкающей к основной оборонительной стене под прямым углом, с наружной стороны, и имевшей в толщину $2\frac{1}{2}$ аршина» (1.8 м).

К сожалению, раскопки производились так, что ничего похожего на план поселения, или хотя бы какой-либо его части, мы установить не можем. Вспомним, что сплошные раскопки городища не производились вовсе, а в траншеях, которыми было перерезано городище в разных местах, попадались лишь части тех или иных сооружений; о целых строительных комплексах, о соотношении различных комплексов между собой говорить поэтому невозможно. Мы можем лишь перечислить все то, что встречалось в траншеях как из различных городских сооружений, так и из многочисленных остатков предметов повседневного обихода.

О городской стене, воротах, башнях мы уже говорили: части этой стены с ее сооружениями раскопщики встречали в своих траншеях постоянно. Далее, где-то в средней части городища — место не удастся установить точно¹ — была, повидимому, центральная городская площадь, — «агора», о сооружении которой при Рискупориде III (212—229 гг. н. э.) упоминает найденная здесь надпись.² Рядом с надписью находились два колодца, несколько дальше — третий. Может быть, именно этой, упоминаемой в надписи агоре принадлежала мостовая из крупных плит, часть которой была обнаружена недалеко от места находки надписи.

О находившихся здесь строениях, частных и общественных, мы узнаем из отчетов всех раскопщиков очень мало. Повидимому, не было обнаружено ни одной сколько-нибудь значительной части строения, но остатки разрушенных зданий встречались в большом количестве. Стены все эти строения имели каменные; но все раскопщики отмечают очень низкое качество работы. «Одна уже кладка стен, из необтесанных камней и чрезвычайно небрежная, вполне убеждает, что тот Танаис, развалины которого мы имеем в Недвиговском городище, не только не есть греческий город хорошего времени, но и вообще не есть чисто греческий город. Греки никогда, ни даже в византийское время,

¹ К сожалению, мне до сих пор не удалось ознакомиться с подробным планом Недвиговского городища, представленным Леонтьевым министру уделов вместе с отчетом. В напечатанной в «Прописях» статье Леонтьева, также в хранящемся в архиве ИИМК деле о раскопках Недвиговского городища в 1853 г. есть многочисленные ссылки на этот план; но встречающиеся там обозначения совершенно не соответствуют единственному известному мне плану Леонтьева — плану, изданному в «Извлечении из всеподданнейшего отчета». Где находится этот подробный план, мне не известно. В архиве ИИМК, также и в Центральном архиве, его нет.

² IPE, II, стр. 236—238, № 430.

не строили так дурно“, — пишет Леонтьев.¹ Применялись черепичные крыши, что видно из находок обломков черепицы, но количество этих обломков очень невелико, на что было обращено внимание и Хицуновым.² О глинобитных хижинах в окраинной части городища я уже упоминала.

Характерно обнаружение в Недвиговском городище значительного количества приспособлений, имеющих отношение к хранению товаров, вымениваемых на рынке Танаиса. И Леонтьев, и Хицунов, и Тизенгаузен во время раскопок постоянно встречали большое количество амфор, иногда наполнявших целые погребки;³ очевидно, мы здесь имеем дело с хранилищами вина и масла, привозившегося с Боспора и частью употребляемого на месте, частью отправляемого дальше в глубь страны. Наряду с вином и маслом в амфорах, здесь бывали обнаруживаемы также и запасы других товаров; особенно характерны большие количества зерна в ямах. По словам Хицунова, верно это представляло частью пшеницу, частью просо и еще какое-то третье растение, определить которое он затруднялся.⁴

Конечно, и кладовые с припасами, и зерновые ямы могут и даже должны встречаться во всех поселениях, имеющих большое количество жителей, и сам по себе факт их обнаружения еще ничего не говорит о характере данного поселения. Но в Недвиговском городище останавливает внимание количество такого рода находок. Во всех наслоениях, верхних и нижних, в разных участках города постоянно встречались скопления амфор, целых и разбитых, то зарытых днищами в землю, то составлявших содержимое больших погребов; такие погребки перемежались с зерновыми ямами, с наполненными зерном пифосами — и все это встречалось в таком количестве, что не могло не привлечь внимания даже археологов прошлого столетия, вообще мало интересовавшихся всем, что имеет отношение к хозяйственной жизни Танаиса, и считавших своей основной и чуть ли не единственной целью добывание предметов античного искусства. Мы получаем впечатление о Танаисе как о громадном складе товаров, впечатление, вполне вяжущееся с тем, что мы знаем из письменных источников о роли этого города.⁵

Очень интересно также обнаружение в 1870 г. двух печей, повидимому, гончарных. Печатный отчет о раскопках этого года⁶ ограничивается лишь совсем кратким упоминанием об этих печах; несколько больше мы узнаем из рукописного отчета Хицунова в „Деле“ Археологической комиссии за 1869 г.

¹ Ук. соч., стр. 416.

² См. рукописный отчет Хицунова в деле № 10/1869 г.

³ Не считая скоплений в разных местах амфор, целых и битых, одних погребов Леонтьевым было обнаружено пять: см. дело № 25/1853 г. Ведомость о раскопках в Недвиговском городище.

⁴ Хицуновым были взяты образцы зерен для определения. К сожалению, в данное время среди хранящихся в Эрмитаже недвиговских находок этих проб нет.

⁵ Ср.: Strabo, XI, 492: ἢ δ' ἐμπορίων καὶ τὴν τῆς Ἀσισίων καὶ τὴν Εὐρωπαιῶν νομαδίῳ κτλ.; VII, 310: μέγιστον τῶν βαρβάρων ἐμπορίων μετὰ τὸ Παντικαπίον.

⁶ ОАК за 1870—1871 гг., стр. XXIII.

Впрочем, и здесь, конечно, нет ни чертежей, ни фотографий, ни даже точных описаний, о чем приходится очень пожалеть.

Обе печи были обнаружены на восточной окраине городища, в раскопах 5 и 6. Из них первая (лежавшая южнее, в раскопе 5) описана подробнее. Размеры печи: длина 1 саж. (2.13 м), ширина более 2 арш. (свыше 1.4 м), глубина более 2 арш. (свыше 1.4 м). Стенки сложены из дикарного камня; печь врезана в материк. Не описывая ни формы, ни устройства печи, Хицунов ограничивается лишь следующим определением: „Она похожа на заводские печи для плавления металлов или обжигания каменной посуды и внутри имела железную решетку или колосники из толстых полос, сильно перегоревшую от действия огня и времени“. Перед печью — площадка в сажень длины.

Описание окружения печи и находок, сделанных как внутри печи, так и в ближайшем к ней районе, устраняет сомнения относительно ее назначения. Близ печи обнаружено несколько ям, наполненных золой и черепками; черепков в районе печи вообще попадалось „множество“; здесь же встречались „окарины“ (по предположению Хицунова, части разрушенной решетки), угольные сплавы. Поблизости стоял „огромный глиняный кувшин“ (очевидно, пифос), весь расстрескавшийся и наполненный глиной. Уже все эти данные подтверждают лишь осторожно высказанное Хицуновым предположение о том, что здесь мы имеем дело с гончарной печью. Особенно интересны находки внутри печи: в ней оказалось четыре разбитых сосуда „в виде амфор, но с широкими горлышками, на которых сохранились красной краской намазанные грубо кистью фигуры“.

Хицунова особенно заинтересовали красные знаки на амфорах, поэтому он их срисовал и поместил в своем отчете; самые же сосуды, сочтя их, очевидно, „не музейными“ предметами, оставил у железнодорожного сторожа. К счастью, он воспроизвел, кроме знаков, также верхние части двух из этих амфор. Рисунки, конечно, не могут считаться документальными — схематичность и небрежность их исполнения очевидна. Тем не менее, в одном из сосудов (с буквами ОЕ на горле) мы бесспорно находим не вызывающие сомнения черты эллинистического типа остродонных амфор: резко, под углом согнутые ручки более всего напоминают ручки родосских амфор. К сожалению, на основании описания Хицунова нельзя с уверенностью сказать, находились ли амфоры в печи в условиях, заставляющих предполагать их помещение туда для обжига. Если это так, мы прежде всего получили бы основания датировать печь эллинистическим временем; вместе с тем узнали бы о производстве амфор с исполненными красной краской надписями в Танаисе. Это было бы очень интересно. Амфоры с красными надписями на горле или плечах встречаются в самых различных местностях Северного Причерноморья; но вопрос о центре или центрах их производства до сих пор остается открытым. Среди находимых в поселениях Придонья амфор выделяется группа, отличающаяся светлой желтоватой глиной, близко напоминающей глину многих керамических изделий Придонья (например лепных горшков, местное производство которых не вызывает сомнений). В связи с этим у всех участвовавших в археологических рас-

следованиях поселений нижнего Дона естественным образом возникало предположение о местном производстве этих амфор. Из них многие, принадлежащие уже не эллинистическому, а римскому времени, имели на горлышках или плечах красные надписи. Часто это были не греческие буквы, а скорее сарматские „загадочные знаки“, что делало особенно заманчивым предположение о местном производстве данной группы амфор. Такие сосуды встречаются среди недвиговских находок в значительном количестве — судя по имеющимся в собрании Эрмитажа экземплярам, как раз ими были наполнены погребя, открытые при раскопках Леонтьева. Повторно бывали они находимы также и в местных городищах нижнего Дона (Гниловском, Кобяковом): едва ли случайно там встречались преимущественно надписи типа „загадочных знаков“ — греческие буквы представляли исключение.

К сожалению, пока вопрос о производстве данной группы продолжает оставаться невыясненным. Найденные Хицуновым в гончарной печи амфоры к нам не попали, вследствие чего мы лишены возможности сравнить их с содержащими такие же надписи сосудами более позднего времени; не имеем и других данных для проверки вероятного, но никак не доказанного предположения о Танаисе как центре их производства.

Вторая печь была обнаружена в соседнем раскопе (№ 6), расположенном несколько севернее раскопа 5; с первой она соединена „миной“ около 1 м длины. О ней сказано еще меньше, чем о первой, — все описание ограничивается следующей фразой: „Тоже и здесь на глубине 1 сажени открыта в кладенной из дикарного камня хижине или сакле большая печь, но без колосников“. В районе печи было замечено много черепков, пережженной глины и прочего „мусора“. Очевидно, и здесь мы имеем дело с обжигательной керамической печью, принадлежавшей тому же комплексу. Можно, таким образом, думать, что Хицуновым была обнаружена довольно большая керамическая мастерская; к сожалению, для нас этот комплекс в значительной степени пропадает, так как вследствие неудовлетворительного описания нет никакой возможности составить себе о нем сколько-нибудь ясное представление.

Нам остается еще упомянуть о раскапывавшемся Хицуновым „подземном ходе“, обложенном каменными плитами и идущем от городища к реке. Что представлял этот „подземный ход“, остается пока неясным. Считать, что это был, как думает Хицунов, водосточный канал, трудно, если учесть очень большую его высоту в части, „прилегающей к городской стене“ ($2\frac{1}{2}$ аршина, т. е. 1.77 м). При отсутствии чертежей упомянутого „хода“ разобраться в описании трудно.

Не имея возможности, в силу уже многократно отмечавшегося отсутствия чертежей и фотографий, составить себе ясное и конкретное представление об открытых в Недвиговском городище сооружениях, мы тем более затрудняемся и в их датировке. Установленной может считаться сравнительно ранняя дата (не позднее II в. до н. э.) керамического комплекса, о котором только что шла речь: за эту дату говорят как находки внутри одной из печей, так и наличие эллинистического материала в слое, которому принадлежит данный ком-

плекс.¹ Что касается городской стены и связанных с ней сооружений, а также рыночной площади с колодцами, то все это, во всяком случае, существовало в первые века н. э., а построено впервые было, может быть, и раньше. Это может быть выяснено на основании материала эпиграфического.

Каждому, кто хотя бы бегло просматривал надписи Танаиса, известна одна особенно характерная их группа — надписи, представляющие памятные записи о постройках. Я уже упоминала, что многие из них были найдены около остатков тех самых сооружений, о которых говорится в надписях. Имеющиеся в большинстве надписей или точные даты, или во всяком случае упоминания правящего боспорского царя дают возможность установить время всех этих сооружений.

Серия упомянутых надписей укладывается в промежуток времени с 164 по 236 г. н. э.; большинство их падает на первую половину III в. К этому времени относится, впрочем, не построение различных городских сооружений, а их восстановление: наиболее часто встречаются здесь формулы — *ἀνοικοδομήσας* (-σαντες) *ἡπεκατέστησεν* (-σαν), *ἐξάρτισας ἡπεκατέστησεν* и т. п. Все эти термины свидетельствуют не только о том, что городские стены, ворота, башни и колодцы существовали здесь во II—III вв. н. э., но также и о том, что все это существовало здесь уже и когда-то раньше, может быть и значительно раньше, если учесть характерное выражение, повторяющееся в надписях, *χρόνῳ διαφθαρέντα*, *χρόνῳ ἡμελεσμένα*. Не вдаваясь в попытки установить дату первоначального возникновения построек, дающих Танаису характер хорошо укрепленного города, мы, во всяком случае, можем уверенно говорить об их существовании здесь в римскую эпоху, в первые века н. э., и о мерах, заботливо принимавшихся к восстановлению и ремонту тех из них, которые в этом нуждались.

Для установления времени существования в Танаисе упомянутых нами хранилищ (погребов, зерновых ям и пр.) у нас данных мало. Такие склады товаров существовали здесь, очевидно, на всем протяжении жизни Танаиса, что подтверждается и некоторыми указаниями, имеющимися в отчетах, и тем, что среди взятых из этих погребов целых амфор некоторые принадлежат римскому типу первых трех веков н. э., другие — типу эллинистическому, II может быть и III в. до н. э.²

У самого Недвиговского городища Мертвый Донец меняет направление, круто поворачивая к северу, чем образуется мыс, с двух сторон омываемый рекой; здесь, как думает Леонтьев, находилась пристань для стоянки торговых кораблей. Весьма возможно, что выбор места для торгового пункта был обу-

¹ Следует особо отметить находки вблизи печи родосских амфорных ручек. Все они датируются концом III — началом II в. до н. э.

² Найденные в обнаруженных Леонтьевым погребам амфоры, имеющиеся в Эрмитаже, принадлежат все к числу амфор римского времени, II—IV вв. н. э. Вместе с тем, упоминается „погреб, наполненный черепками амфор, между которыми большое число ручек с греческими клеймами“; эти ручки с клеймами принадлежат преимущественно II в. Интересно, что упомянутый погреб с амфорными ручками найден в нижней части разреза 4-го, т. е., очевидно, в наиболее глубоких слоях городища.

словлен именно наличием мыса. На этом мысу, вероятно, было главное место торгова, был рынок не внутренне-городской, а тот, на котором заключались сделки с приезжими купцами: об этом говорят многочисленные находки монет именно на этом мысу.¹ На мысу, против городских ворот находится высокий холм, многократно исследованный раскопщиками, принимавшими его за большой курган. Расследования опровергли это предположение — повидимому, холм является огромной насыпью вывозимого из города мусора (зола, черепков и т. д.) и, может быть, действительно играл роль сторожевой вышки: с него и сейчас открывается широкий вид во все стороны.

Изложенным исчерпывается все, что мы знаем на основании производившихся исследований о Недвиговском городище, его отдельных частях, его сооружениях. Чтобы иметь возможность подвести некоторые итоги, следует рассмотреть также найденные при раскопках городища вещественные находки. Но такой обзор находок будет целесообразнее дать несколько позже, после ознакомления с некрополем Недвиговского городища.

¹ Леонтьев, ук. соч., стр. 410.

Глава IV

НЕКРОПОЛЬ ТАНАИСА

Некрополь Танаиса лежит в непосредственной близости к городищу; мы должны в нем различать некрополь курганный и грунтовой. Главная масса курганов расположена к востоку от городища, в меньшем количестве они встречаются к западу и северу; все курганы лежат за внешней оградой города, на расстоянии не менее 200, чаще 250 м от ограды внутренней. Вблизи курганов, по направлению к городищу, расположен ряд невысоких, но все же заметных на глаз насыпей, под которыми оказались сплошные ряды могил. Как курганный, так и грунтовой некрополи раскапывались многократно и длительно, гораздо больше, чем городище: в результате раскопок Леонтьева, Тивенгаузена, Хицунова и Веселовского вскрыто 28 курганов и свыше 180 могил грунтового некрополя. Тем не менее, мы не имеем и не можем получить на основании наличного материала вполне ясного представления о размерах и о плане некрополя: чертежи и планы встречаются в отчетах раскопщиков лишь как исключение,¹ описания страдают неполнотой и неопределенностью. Затруднения возникают и при попытках исследовать инвентарь раскопанных погребений. Значительное количество погребений оказалось разграбленным еще в древности: из всех раскапывавшихся курганов, из большинства богатых погребений в наше распоряжение попали только случайно оставленные грабителями вещи, по которым нельзя составить представления об инвентаре погребения. Комплексы погребений представителей средних и низших слоев населения Танаиса дошли до нас лучше; но и с ними далеко не благополучно. Мы имеем в наших музеях значительную коллекцию вещей из Недвиговского некрополя, но лишь небольшую часть вещей удается распределить по тем погребениям, в которых они были найдены. Как это ни странно, в наилучшем порядке оказываются предметы из самых ранних раскопок — раскопок Леонтьева. Правда, и в Эрмитаже и в Историческом музее мне удалось видеть не все вещи, значащиеся в описях, но большинство комплексов открытых Леонтьевым

¹ Чертеж раскопанной в 1908 и 1909 гг. Н. И. Веселовским части некрополя помещен в ОАК за 1909—1910 гг., табл. III.

погребений грунтового некрополя собрать все же удастся, хотя и в результате кропотливой работы по сопоставлению описей и отчетов Леонтьева с наличным материалом. Возможность добиться наглядного представления об этих могилах тем важнее, что среди них двадцать не было потревожено грабителями.

Хуже обстоит дело с исследованиями других раскопщиков — Тизенгаузена, Хицунова, Веселовского. Есследствие неотчетливой фиксации в описях и отчетах, а также недостаточности, иногда и отсутствия обозначений на вещах, из всей массы открытых этими археологами погребений полностью восстановлена может быть лишь небольшая их часть. При таких условиях мы не можем дать здесь

Рис. 2 Родосская амфора из кургана № 7 (Эрмитаж).

полную и точную характеристику некрополя Танаиса и должны будем ограничиться лишь констатированием отдельных его особенностей, поскольку их позволяет выяснить имеющийся в нашем распоряжении материал.

Начнем с курганов. Здесь мы оказываемся в особенно неблагоприятном положении, так как решительно все открытые в Недвиговке курганные погребения были ограблены, повидимому, еще в древнее время. Что касается типов обнаруженных в Недвиговском некрополе подкурганных погребений, то они очень скромны: это или простые земляные могилы, или, в лучшем случае, могилы, обложенные камнем (редко тесаным, гораздо чаще необработанным); некоторые перекрыты деревянными брусками.¹ Склепа не найдено ни одного. Среди случаев оставшихся в могиле или могильной насыпи вещей сохранились, впрочем, кое-какие достаточно показательные экземпляры, дающие возможность сделать выводы прежде всего о времени погребений. Так, одна из могил раскопанного Леонтьевым кургана № 7 содержала родосскую амфору (Эрмитаж, ТН 87, рис. 2) с клеймами на обеих ручках, конца III, может быть начала II в. н. э.; погребение принадлежит, следовательно, еще эллинистической эпохе. В то же время

в одном из погребений кургана № 14 найдены фрагменты весьма характерной чашки из прозрачного белого стекла с типичным для II—III вв. н. э. шлифованным орнаментом в виде кружков и зерен (Исторический музей, № 655): особенности ее выделки заставляют высказаться за конец II — начало III в. н. э. как наиболее вероятную дату для нее, а следовательно, и для погребения. К первым векам н. э. относятся также некоторые вещи из других погребений, как фрагмент сероглиняного блюда из кургана № 5 (Исто-

¹ Лучшей по устройству Леонтьев считает могилу в кургане № 5. Приведем ее описание (ук. соч., стр. 497): „Гробница, высеченная в материке и обложенная тесаным камнем, 5 аршин в длину, 3 в ширину и 2 в глубину, и перекрытая дубовыми перекладинами, от которых сохранились остатки, заключала в себе только неценные черепки и кости без порядка. Это лучшей по устройству из найденных нами гробниц“.

рический музей, № 670),¹ стеклянные обломки из кургана № 1; также и типичные золотые прорезные бляшки и нашивки встречают аналогии в комплексах первых веков н. э., в частности в раскапывавшихся Н. И. Веселовским кубанских курганах.² Итак, среди курганных погребений мы встречаем могилы как эллинистической эпохи, конца III или II в. до н. э., так и эпохи римской, первых веков н. э. Труднее говорить о составе и характере инвентаря курганных погребений. Ограничусь указанием на то, что в отдельных случаях мы даже и в ограбленных могилах можем заметить признаки состоятельности погребенных. Бесспорно представителю верхних слоев населения Танаиса принадлежит погребение в кургане № 14, где, кроме упоминавшейся чашки из белого стекла, сохранились фрагменты античной художественной бронзы (особой художественностью отличается фрагмент пластинки с орнаментом. Исторический музей, № 638) и мелкие золотые нашивные бляшки.

Еще более показательна находка в раскопанном Хицуновым в 1870 г. кургане нижней части бронзового канделябра с подставкой на львиных лапках (рис. 9; Эрмитаж, ТН 132). По всем этим остаткам можно заключить, что также и в Танаисе вплоть до III в. н. э. над погребениями состоятельных граждан возводились курганные насыпи.

Совершенно особняком стоит одна сделанная при раскопках курганов Недвиговского некрополя находка — бронзовый наконечник стрелы, найденный в насыпи кургана № 13. Этот, как его определяет Леонтьев, „бронзовый оконечник стрелы или копьеца, судя по виду назначенный не для военного употребления, а для женского туалета“,³ представляет на самом деле типичный для архаической эпохи двулопастный наконечник стрелы со втулкой и шипом (Эрмитаж, ТН 88, рис. 3, а). Он не только принадлежит времени, значительно более раннему, чем все остальные находки в курганах, но предшествует, очевидно, и самому основанию Танаиса, где бы Танаис ни находился в первые века своего существования: все имеющиеся аналогии относятся к VI, даже VII в. до н. э.⁴

Рис. 3. Бронзовые наконечники стрел (Эрмитаж).

¹ Фрагмент найден в погребении, о котором, как лучше по устройству, говорит Леонтьев; см. прим. на стр. 34.

² Совершенно идентичны, например, нашивные бляшки в виде вырезанной по контуру розетки (Эрмитаж, ТН 89) из уже упоминавшегося погребения в кургане № 14 и такая же бляшка из станицы Некрасовской (ОАК, 1895, стр. 73, рис. 94, третий ряд справа); аналогичны кубанским, если не вполне идентичны, и нашивки из кургана № 8 (ТН 100; ср.: ОАК, 1903, стр. 64, рис. 112).

³ Ук. соч., стр. 499.

⁴ Ср.: P. R a u. Die Gräber der früheren Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Покровск, 1929. — Mitteilungen des Zentralmuseums, 1929, вып. 1, табл. I, 1, A (Келермес); табл. II, 1, E (погребение у Цукурского лимана); II, 2, A (Журовка Киевской губ.); II, 2, E (Жаботино); табл. III, 1, A (Мельгуновский клад) и мн. др.

Наконечник найден в насыпи кургана, в котором была обнаружена земляная могила совершенно без вещей. Остается, таким образом, незьясненным, находилась ли в кургане могила ранне-скифского времени или наконечник стрелы попал в насыпь кургана иным путем. К оценке значения этой находки мы еще вернемся, когда будем иметь возможность сопоставить ее с другими аналогичными находками.

Лучше, чем с курганами, обстоит дело с грунтовым некрополем, где имеется значительное количество нетронутых погребений; описания, при всей их недостаточности, все же дают представление о типах погребений и о погребальном обряде. Благодаря этому особенности грунтового некрополя Танаиса уже ясно выступают перед нами.

С первого взгляда этот некрополь заставляет сразу же вспомнить о некрополях городов центральной части Боспора — Пантикапея, Фанагории и др. Это впечатление создается большим количеством курганов и заметными уже на глаз насыпями грунтового могильника, и именно это впечатление и внушило раскопщикам те надежды на „археологическую добычу“, которые привели к исследованиям и городища, и некрополя Недвиговки. Но при ближайшем ознакомлении с грунтовыми погребениями Танаиса мы убеждаемся в необходимости внести в наше представление ряд поправок: наиболее типичные черты, свойственные некрополям упомянутых поселений в ту же эпоху, здесь как раз отсутствуют. Как мы увидим, во всяком случае подавляющее большинство погребений принадлежит времени от II в. до н. э. до III в. н. э.: именно в это время на Боспоре становится особенно распространенным обычай ставить на могилах стелы с изображающими умерших рельефами и греческими надписями. Громадное количество найденных в окрестностях Керчи и на Таманском полуострове надгробных стел дает ясное представление о внешнем виде грунтовых некрополей крупных боспорских городов, отличительной чертой которых был сплошной ряд возвышавшихся над могилами надгробий. Совершенно иной вид имел несомненно некрополь Танаиса. Надгробных стел с рельефами здесь не было найдено вовсе; имеется одна плита с надгробной греческой надписью¹ и ряд плит, на которых место надписи занимают тамгообразные местные знаки.² Большая же часть погребений имела вместо таких стел камни в головах и ногах: некоторые из них имеют форму простых столбиков, другие воспроизводят в весьма грубом и примитивном виде человеческую фигуру. Отметим еще один интересный случай: в насыпь могилы, кстати сказать, довольно богатой, воткнуто копье.³

Перейдем к типам погребений. Безусловно господствующим типом являются простые земляные могилы четырехугольной, по большей части неправильной формы; этот тип следует подразделить на „высеченные в скале“, в материке, и на „верховые“, вырытые в насыпи и не доходящие до материка. Отмечаются

¹ ЗРДО, т. II, стр. 137, рис. 1.

² Например, ЗРДО, т. II, стр. 133, рис. 2.

³ ОАК за 1908 г., стр. 124: „погребение в земляном ящике, не доходящее до материка, над могилой № 5“.

случаи деревянного перекрытия;¹ в ряде случаев могилы были перекрыты камнями, иногда тесаными, иногда необработанными.² Каменные гробницы встречались редко. Из всей массы раскапывавшихся погребений отмечены только три, выложенные камнем со всех сторон;³ у одной обложена камнем только одна (южная) стенка.⁴ Одна с севера огорожена „полукругом стоячих плитообразных камней с значительными промежутками“.⁵ Одна из упомянутых каменных гробниц⁶ представляла, повидимому, склеп — „имела галерею“.

В одиннадцати случаях⁷ мы имеем не труположение, а трупосожжение: труп умершего сжигался, жженные кости и пепел собирались в урну, которая помещалась в яму, обычно небольшую, вырытую по величине сосуда. Иногда в урне, кроме праха умершего, бывали находимы и вещи, преимущественно украшения. Состояние найденных в урне вещей заставляет предположить пребывание их в огне, сжигавшем труп умершего: из украшений многие оплавлены, а часть их и прямо превратилась в бесформенные слитки золота; в пострадавшем от огня виде оказываются и другие вещи, например серебряные сосуды.⁸ Все найденные в некрополе Танаиса урны представляют большие (выс. до 0.42 м) глиняные сосуды с расположенными у венчика ручками, обычно четырьмя (см. рис. 4, а); в одном случае (Эрмитаж, ТН 130, рис. 4, б) сосуд имеет несколько иную, притом более детализованную форму и в верхней части расписан белой краской по темнокрасному фону. Вероятно, эти сосуды при их изготовлении не имели специального назначения служить погребальными урнами: на это указывают имеющиеся на некоторых из них надписи. Независимо от того, согласимся ли мы с предложенным М. И. Ростовцевым толкованием надписи на керченском сосуде аналогичного типа *χλδαράι λέπραι*,⁹ мы должны отметить, что такая надпись никак не отражает назначения сосуда для погребального ритуала. Из числа недвиговских урн надпись имеет одна (Эрмитаж, ТН 228): в верхней части сосуда темной краской изображены буквы СН и ниже МН (обычное *σῆμν*?), рядом з и часть буквы ч или υ.

В некоторых случаях поблизости от могил с урнами бывали обнаружены площадки или ямы со следами сожжения; на этих площадках иногда встре-

¹ Могилы из раскопок Леонтьева в 1853 г., в восточной части, №№ 1, 2, 3; одна из могил, раскопанных Хицуновым, дело № 10/1869 г.

² Могилы из раскопок Леонтьева в 1853 г., в западной части, №№ 2, 3, 6, 11, 12, 15.

³ Из них одна упоминается в рукописном отчете Хицунова, дело № 10/1869 г., две других раскопаны Веселовским в 1908 г. (№№ 13 и 36).

⁴ 1908 г., № 1-а.

⁵ 1909 г., № 1.

⁶ 1908 г., № 13.

⁷ ОАК за 1903 г., стр. 123 (могилы №№ 1 и 3), 124 (урны 1, 2, 3), 128 (могилы №№ 21, 26, 38, 39); ОАК за 1909 г., стр. 140, №№ 2 и 14.

⁸ Наиболее типичный пример такого рода представляет урна № 3 1908 г. (ОАК за 1908 г., стр. 124).

⁹ М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 213. — Там же (стр. 211—214) имеется сводка открытых в некрополе Пантикапея погребений с такими урнами.

чаются оставшиеся после тризны предметы — разломанный на части меч, разбитые сосуды.

Перечень типов погребений мы должны заключить указанием на встретившуюся один раз подбойную могилу.¹

Иногда раскопщики отмечают остатки гробов;² насколько был распространен обычай погребения в гробах, сказать трудно — дерево сохраняется в земле плохо, и часто бывает невозможно установить, принадлежат ли обнаруженные его остатки гробу или перекрытию. Растительные подстилки, вообще распространенные в Северном Причерноморье и, в частности, в курганах близ Елисаветовского городища, в Недвиговском некрополе не отмечены ни разу; возможно, впрочем, что на них просто не обращалось внимания.

Ориентировка не вполне устойчива. Безусловно преобладает направление головой к востоку; но встречается и направление головой на запад³ и на юго-запад;⁴ отметим случай, когда в одной из могил с двумя погребенными один похоронен головой к востоку, другой — к западу.⁵

Размеры могил и глубина их сильно колеблются. Богатые могилы с золотыми вещами отличаются обычно и большими размерами, и значительной глубиной.⁶ Погребения средних и нижних слоев по размерам и глубине очень различны — встречаются и совсем небольшие могилы, незначительно углубленные в материк.⁷

Отметим, наконец, случаи захоронения двух умерших в одной могиле.⁸

Этим исчерпывается то, что мы можем сказать о типах погребений Недвиговского некрополя. Если учесть и состояние погребений, и неудовлетворительность фиксации обнаруженных особенностей, то станет ясно, что о количественном соотношении перечисленных типов приходится говорить очень осторожно. Мы можем только констатировать, что при известном разнообразии типов и разновидностей типов безусловно преобладает простейший тип четырехугольной грунтовой могилы, вырытой в материке и снабженной в головах и ногах каменными столбиками. Еще труднее установить, как изменялись типы погребений с течением времени. Тип простой грунтовой могилы держался несомненно в продолжение всего времени существования некрополя; но можно ли связывать с определенным периодом те или иные особенности данного типа (например наличие деревянного перекрытия), выяснить не удастся. Сравнительно ранним в данном некрополе являлся, вероятно, обряд трупосожжения, с погребением в характерных урнах. Ростовцев относит все открытые в Панти-

¹ Могила 1853 г., „восточных насыпей“ № 7. Описание ее устройства см. дело № 25/1853 г., л. 83.

² ОАК за 1867 г., стр. XXI. — Леонтьев. Пропаляе, т. IV, стр. 502.

³ Могила 1853 г., № 15 западных насыпей.

⁴ Могила 1853 г., № 14 западных насыпей.

⁵ Могила 1853 г., № 22 западных насыпей.

⁶ Так, могила № 13 1908 г. имеет длину 4.55 м, ширину 2.35 м, глубину 2.75 м; могила № 37 1908 г. имеет глубину даже 2.85 м.

⁷ Могилы №№ 16 и 17 1903 г.

⁸ Могила 1853 г., № 22 западных насыпей; могила № 1 1908 г.

капее погребения с такими урнами к поздне-эллинистической эпохе (вторая половина II—I в. до н. э.); эта датировка подтверждается и танаидскими находками. В одной из открытых в некрополе Танаиса в 1908 г. урн (урна № 3) оказалось большое количество золотых украшений, составлявших, очевидно, богатый убор погребенной женщины; все эти украшения встречают аналогии в материале эллинистического времени, причем наиболее поздние из аналогичных предметов принадлежат II в. до н. э.¹ Из остальных урн большая часть повторяет почти в точности тип урны № 3 и, очевидно, принадлежит прибли-

Рис. 4. Погребальные урны из раскопок Н. И. Веселовского в 1908 г. (Эрмитаж).

зительно тому же времени. Одна урна выделяется из общей серии более детализованной формой и наличием характерной росписи, но по времени не может слишком далеко отстоять от остальных: ее роспись близка росписи местной керамики колоний Северного Причерноморья, принадлежащей II, может быть еще и III в. до н. э.²

Что касается остальных типов погребений (подбойные, склепы), то время их существования в некрополе Танаиса установить невозможно в силу недостаточности материала.

При значительном количестве разграбленных могил, об особенностях инвентаря погребений некрополя Танаиса приходится говорить с особой осторож-

¹ Подробнее речь обо всех этих находках будет в следующей главе.

² Об этой группе см. мои статьи: «Керамика местного производства из раскопа И» (Ольвия, т. I, Материалы и исследования. Киев, 1940, стр. 163 сл., табл. XXXIX, 6—9) и «Из истории художественной керамики Северного Причерноморья» (СА, VII, 1941, стр. 140 сл.).

ностью. Несомненно большое разнообразие комплексов в отношении отражающейся в них имущественной обеспеченности погребенных. Выделяется группа богатых погребений, характеризующихся прежде всего присутствием золотых украшений. За единичными исключениями до нас дошли только мелкие украшения — нашивные бляшки, серьги, подвески, браслеты, перстни; к числу немногих более крупных принадлежит золотая гривна с львиными головками на концах из погребения, открытого Смычковым в 1908 г. Предметы (сосуды, украшения) из серебра встречаются в данной группе довольно редко; более характерны для нее изделия бронзовые; некоторые из них отличаются большими художественными достоинствами. Из числа бронзовых предметов отметим ручку бронзового сосуда с рельефными изображениями, найденную Тизенгаузенем в 1867 г. в одном из ограбленных погребений (Эрмитаж, ТН 122), сковороду, найденную в 1908 г. в могиле „в земляном ящике над погребением № 5“ (Эрмитаж, ТН 153). Наряду с такого рода вещами в богатых погребениях встречаются бронзовые зеркала, браслеты, перстни и т. д. Характеристику всего этого материала мы дадим позже; здесь отметим, что среди найденных в погребениях Недвиговского некрополя металлических вещей (это относится и к курганам, и к грунтовому могильнику) представлены как типы античные (канделябр, ручка бронзового сосуда), так — в большем количестве — и чисто местные; к числу последних следует отнести маленькие круглые зеркала с короткой ручкой или петлеобразным выступом в центре, иногда гладкие, иногда имеющие рельефную орнаментацию. Из других предметов инвентаря богатых погребений следует отметить большое количество бус и подвесок из полудрагоценных камней (сердолика, агата, горного хрусталя и др.), также из янтаря, лигнита, реже стекла и стеклянной пасты. Очень типичны подвески из египетской пасты — фигурки Беса, египетского божества Ба (душа в виде птицы), львов, лягушек, скарабеев, также изображения фалла, виноградной кисти и пр.¹ Заслуживает упоминания также находка в одном из богатых разграбленных погребений обломков изделия из резной кости художественной работы.² Для мужских погребений рассматриваемой группы характерно наличие оружия — мечей, копий. Сосуды, глиняные и стеклянные, встречаются, но, повидному, не в большом количестве: характерными для богатых погребений их едва ли можно считать.

К сожалению, ограбление большинства могил именно этой группы лишает нас возможности составить вполне ясное представление об отдельных комплексах. К числу неразграбленных богатых погребений мы можем отнести два погребения, открытые в 1907 и 1908 гг. Смычковым. Но из них могилу, открытую в 1907 г., мы знаем только по описанию, имеющемуся в рапорте Ростовского окружного начальника войска Донского: из этого описания никак

¹ Особенно типичные наборы такого рода подвесок заключала одна из могил 1867 г. (ОАК за 1867 г., стр. XXI) и могила № 19 1908 г. (ОАК за 1908 г., стр. 126—127, рис. 184).

² Могила № 13 1908 г. (ОАК за 1903 г., стр. 125, рис. 132—133).

нельзя составить ясного представления о найденных в могиле вещах.¹ Самые же вещи были проданы коллекционеру Романовичу, и местонахождение их в настоящее время неизвестно. Если приводимый начальником войска Донского перечень соответствует действительному содержанию погребения, могилу, обнаруженную в 1907 г. приходится считать самым богатым из всех известных нам комплексов Недвиговского некрополя. Впрочем, повторяю, разобраться в описании трудно. В упоминаемых „корчагах вроде глиняных горшков, наполненных костями и землей“, естественно было бы предположить урны, подобные найденным Веселовским в 1908—1909 гг.; но как согласовать это с находкой здесь же человеческого черепа? Является вопрос, одно ли, или, может быть, несколько погребений было обнаружено казаками в 1907 г.

Более ясна для нас вторая могила, открытая тем же Смычковым в 1908 г. Увидеть найденные в ней вещи, поступившие в Новочеркасский музей, мне не удалось, так как сотрудникам музея этот комплекс и его местонахождение оказались не известными. Но описание составлено уже достаточно разбравшимся в материале бывшим заведующим музеем Х. И. Поповым; к тому же в фотоархиве ИИМК мне удалось найти фотоснимки двух вещей данного комплекса — золотой шейной гривны и кувшина с витой ручкой (рис. 5 и 6). Обе вещи указывают на сравнительно позднее время, не ранее II, может быть и III в. н. э. Описание инвентаря этого комплекса² не оставляет сомнений

¹ Привожу упомянутое описание (архив ИИМК, дело № 54/1908 г.): „...установлено, что... казаки... Алексей Смычков и... Алексей Куприянов Максимов, ломая камень на балке в районе хутора Недвиговского, обнаружили древнюю выложенную камнем гробницу, в которой на круглом плоском камне оказались человеческий череп и следующие вещи: 1) две пары золотых серег, одна пара с подвесками, на которых выбиты фигуры человека, а другая с подвесками в виде маленьких золотых монет; 2) золотой медальон с выбитым внутри портретом овальной формы, величиной с куриное яйцо, только плоский; 3) золотая брошь, тоже с выбитым портретом и такой же величиной; 4) четыре золотых кольца, два из них с камнями зеленым и розовым, третье в виде крученого прута и четвертое с золотой пластинкой наверху в виде монеты в пятнадцать коп.; 5) золотое ожерелье в виде обруча шириной немного больше вершка из трех прутьев, соединенных в трех местах, в двух наглухо, а в третьем на петлях и свободно раскрывается; размер ожерелья в поперечнике около трех вершков; 6) 717 или 727 штук монист в россыпи разных цветов и формы: круглые, овальные, в клетку, белые, черные и красноватые, неизвестно из какого металла, но при разбивании заметна какая-то масса белого цвета; 7) две корчаги вроде глиняных горшков, наполненных костями и землей; 8) небольшая глиняная кубышка в виде графина и 9) подносик величиной с тарелку и на нем горлашко как бы от графина, неопределенного металла...“

² Дело № 54/1908 г. Опись заведующего Донским музеем Х. И. Попова: 1) Золотой шейный обруч с украшениями по концам в виде львиных головок. 2) Золотые обломки, вероятно, головного украшения: а) три трилистника, б) три двулистника, в) обломок с одним листиком, г) два отдельных листика. 3) Обруч из сильно окислившегося серебра. 4) 13 ска. (обломков?) разбитого серебряного сосуда. 5) Маленькая цветная бусинка. 6) Железные обломки распавшегося меча и других предметов. 7) Обломки двух наконечников железных стрелок. 8) Наконечник железного копья. 9) Косточка рыбы или какого-то животного. 10) Глиняный кувшин с отбитой витой ручкой. 11) Обломок амфоры с греческим клеймом (найденный кажется, не в могиле, а вблизи нее на поверхности). 12) Разбитый череп, нижняя челюсть и несколько обломков костей человека.

в том, что перед нами типичное для сарматской эпохи погребение, с обычным набором оружия (меч, копье, железные наконечники стрел), золотым погребальным венком, золотой гривной, серебряными украшениями и сосудом и глиняным сосудом. К числу сохранившихся богатых погребений следует также отнести „погребение в земляном ящике над гробницей № 5“ 1908 г.,¹ принадлежащее, судя по аналогичному красно-глиняному кувшину с витой ручкой, тому же приблизительно времени, что и только что упоминавшееся; комплекс, интересный наличием трех бронзовых сосудов, содержал также обычное ожерелье из разных бус, медный браслет, два глиняных сосуда и одну золотую вещь — „золотой брактеат с изображением головы Пана“.

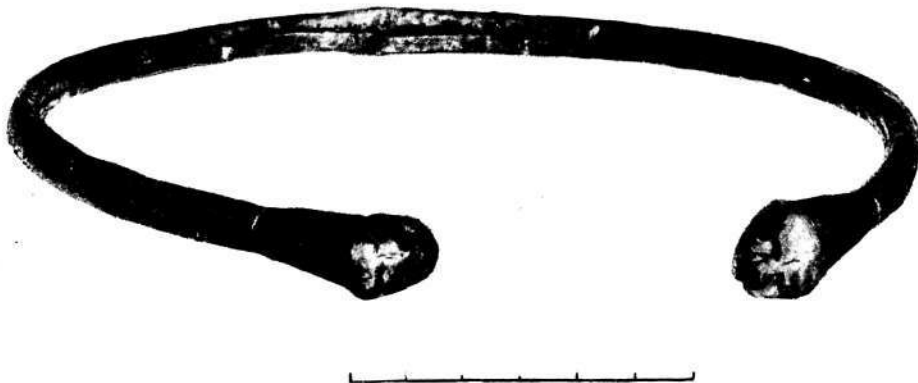

Рис. 5. Золотая гривна из погребения, открытого Смычковым в 1908 г.

Из других богатых погребений отметим уже упоминавшуюся урну № 3 1908 г. с богатым набором золотых украшений² и могилу девочки-подростка № 19 1908 г. (рис. 7).³ Последнее погребение весьма характерно, и основные его особенности повторяются и в других менее богатых комплексах. Кроме глиняного сосуда (какой именно из поступившей в Эрмитаж коллекции сосудов из раскопок 1908—1909 гг. принадлежит данному погребению, установить не удастся), инвентарь могилы состоял из различного рода украшений и амулетов: браслетов, золотых на руках, серебряных на ногах, золотой налобной ленты, золотых серег, бронзовой фибулы и, главное, большого количества различных бус и подвесок. Среди последних особенно интересно сочетание египетских амулетов в виде скарабеев, лежащего льва, лягушек и Ба — души в виде птицы — с типичными сарматскими подвесками из лигнита, представляющими одна голову, другая всю фигуру барана. Судя по форме фибулы,⁴ также по типам бус, погребение должно быть датировано I—II вв. н. э.

¹ ОАК за 1908 г., стр. 124.

² Там же.

³ Там же, стр. 126—127. Описание неполное. — Веселовский. Танаис Младший, стр. 249—250.

⁴ Этот тип (рис. 7, четвертый снизу ряд) встречает многочисленные аналогии в комплексах первых веков н. э. См., например: ИАК, вып. 3, стр. 61, рис. 69: по краснолаковой тарелке

Представителям состоятельного слоя населения принадлежали также два погребения, открытые Тизенгаузенем в 1867 г. Оба они содержали по остро-донной амфоре (в наши музеи амфоры не поступили), а в остальном — главным образом различные украшения и амулеты. Перечень найденных в них предметов см. в ОАК за 1867 г.;¹ отметим в первом из этих погребений хорошей работы серьги с головками рыси на концах, во втором — амулеты из египетской пасты. Все остальные богатые погребения, давшие значительное количество отдельных интересных вещей, оказались ограбленными.

Противоположное по отношению к рассмотренной группе положение занимают погребения беднейшей части населения Танаиса, в которых вещей или нет совсем, или инвентарь могилы сводится к одному-двум простым, вылепленным от руки горшкам. Сохранность костяков в некоторых из таких погребений, также правильное положение вещей там, где они есть, устраняют возможность объяснять бедность инвентаря ограблением.

Гораздо чаще, чем погребения указанного типа, встречаются погребения тоже бедные, но все же имеющие инвентарь несколько менее скудный. Этот инвентарь состоит иногда из одного только ожерелья из цветных стеклянных бус,² из такого же ожерелья и глиняного сосуда,³ из двух-трех простых медных украшений, как кольца, браслеты, фибулы.⁴ Количество такого рода погребений очень велико; может быть, не случайность, что большинство их принадлежит к числу „верховых“, вырытых не в материке, а в насыпи и, следовательно, датируется сравнительно поздним временем. Также многими нетронутыми могилами представлена группа погребений среднего слоя населения Танаиса. Погребения эти очень типичны. Чаще всего повторяется набор, состоящий из небольшого количества глиняных сосудов (одного-трех), бус из цветного стекла, лигнита, янтаря, реже из цветных камней, бронзовых зеркал и мелких украшений — фибул, браслетов, перстней, серег, колец. В более состоятельных погребениях данной

Рис. 6. Кувшин из погребения, открытого Смычковым в 1903 г.

(изображена на табл. V, 3) могила принадлежит I в. н. э. Ср. также: М. В. Покровский. Городища и могильники среднего Прикубанья. Краснодар, 1937, стр. 30. — P. Rau. Die Hügelgräber Römischer Zeit an der unteren Wolga. Mitteilungen des Zentralmuseums, год I, 1926, вып. 1—2, стр. 46, рис. 71 и мн. др.

¹ ОАК за 1867 г., стр. XXI.

² Например, могила № 34 1903 г.

³ Например, могилы №№ 27, 31 и 35 1908 г.

⁴ Например, могила № 33 1903 г.

группы встречаются и серебряные украшения. Нередко и оружие — мечи, копья, особенно же наконечники стрел, почти всегда железные. Случаи, когда сосуды, гонимые или стеклянные, составляют основное содержание могилы, являются почти исключением.¹ В качестве примера типичного погребения представителя среднего слоя Танаиса, при этом принадлежавшего к числу сравнительно состоятельных, сошлюсь на погребение № 14 1853 г. „западных насыпей“, содержащее два гонимых горшочка, серебряное кольцо, бронзовое зеркало, ожерелья и подвески из цветного стекла, агната и сердолика, железные трехгранные стрелы.²

Мы уже указывали, что в силу неудовлетворительной фиксации разбить по комплексам весь имеющийся материал оказывается невозможным. Погребений средних и низших слоев это касается еще больше, чем погребений высшего слоя. Приходится удовлетворяться рассмотрением материала целиком, без распределения его по комплексам; впрочем, и это не лишено интереса и значения. Более подробно мы разберем все представленные группы материала позже, в специальной главе о вещественных находках. Здесь ограничимся несколькими замечаниями, без которых наше представление об основных особенностях некрополя Танаиса не будет полным.

В собраниях поступивших в наши музеи предметов из упомянутых погребений типичных античных экземпляров мало; преобладают несомненно группы местные. Особенно характерна керамика. Немногочисленные привозные из различных центров античного мира сосуды совершенно отступают перед получившей широкое распространение группой местной керамики из темносерой, часто почти черной глины с характерным лощением на поверхности; наряду с этой сарматской лощеной керамикой встречаются, особенно в самых бедных погребениях, и совсем грубые, вылепленные от руки горшки. Из групп привозных чаще встречаются сосуды не из античных центров, а производства городов Боспорского царства, скорее всего Пантикапея: такую группу представляет простая красноглинная керамика без росписи и покрытия. Что касается керамики античных типов, как мегарские чашки, эллинистические сосуды, покрытые темным лаком, краснолаковая керамика и т. п., то эти категории представлены единичными экземплярами. Единичны и находки стеклянных сосудов.

Те же явления наблюдаются и в других группах. Среди металлических зеркал представлены не античные формы, а главным образом тип местных небольших зеркал с маленькими боковыми ручками или с заменяющим ручку ушком; из последних некоторые имеют рельефную орнаментацию. Среди постоянно встречающихся бус характерны для данной группы бусы из агната, янтаря, стекла и стеклянной пасты; своеобразным и несомненно местным причерноморским является сочетание в одном ожерелье бус черных агнатовых и стеклянных, покрытых позолотой. И еще больше укрепляется все то же

¹ Могилы 1953 г. „восточных насыпей“ № 6; могила 1909 г. № 16.

² Описание см. в деле № 25/1853 г., л. 84.

Рис. 7. Вещи из погребения № 19 из раскопок Веселовского в 1908 г. (Эрмитаж).

впечатление о местном сарматском характере инвентаря при ознакомлении с находимыми в тех же погребениях железными и медными пряжками, фибулами, грубыми кольцами и браслетами.

Говоря о недвиговском некрополе в целом, следует остановиться еще на одной его особенности. При достаточно резко выраженном в инвентаре различии в имущественном положении погребенных, различий, которые мы могли бы отнести за счет этнического происхождения, не чувствуется вовсе. Нет ни одной могилы, в инвентаре которой отразилась бы ее принадлежность греку. Богатые погребения отличаются от бедных большей величиной, большей ценностью вещей и их большим количеством, но никак не более выраженным греческим (или наоборот — негреческим) характером инвентаря. Наличие украшений, металлических сосудов и других изделий, исполненных в античном стиле, не показательны: такие вещи встречаются и в типичных погребениях скифской и сарматской знати. Сделанное наблюдение интересно сопоставить с тем, что уже было нами сказано о типах погребений. Вырабатывается излюбленный тип погребения — земляная гробница, отмеченная камнями в головах и ногах, а иногда — воткнутым копьём и часто имеющая деревянное или каменное перекрытие; вырабатывается одновременно с этим и излюбленный набор предметов, составляющих могильный инвентарь: что и сколько кладут в могилу, определяется степенью обеспеченности умершего.

Пронзведенное нами ознакомление с некрополем Танаиса дает возможность для некоторых обобщений. Начнем с вопроса о времени, которым датируются погребения этого некрополя.

В своих работах М. И. Ростовцев повторно упоминает о краснофигурной пелике из раскопок Веселовского, доказывающей существование недвиговского некрополя уже в IV в. до н. э. В статье о Елисаветовском городище я уже говорила, что по указанию А. А. Миллера ваза эта происходит вовсе не из Недвиговки, и в число недвиговских находок попала по недоразумению.¹ В одной из глав „Боспорских этюдов“, посвященной Танаису, С. А. Жебелев вновь ссылается на эту находку.² Конечно, сейчас трудно отстаивать верность устного сообщения А. А. Миллера: ни А. А. Миллера, ни Н. И. Веселовского, которые могли бы сообщить нам точные сведения о данной находке, уже нет в живых. Приходится обратиться к имеющимся письменным материалам.

Так как Ростовцев определенно говорит о данной вазе, как происходящей из раскопок Н. И. Веселовского в Недвиговском некрополе, я вновь просмотрела все решительно имеющиеся налицо материалы по этим раскопкам. Не ограничиваясь просмотром публикаций раскопок Н. И. Веселовского в некрополе Недвиговского городища, я внимательно перечла и все рукописные материалы по этим раскопкам, имеющиеся в архиве ИИМК им. Н. Я. Марра.³ Нигде нет ни одного упоминания не только о разбитой краснофигурной вазе, но даже хотя бы об одном краснофигурном обломке. Считать это случайностью совер-

¹ Ук. соч., стр. 192, прим. 1.

² ИГАИМК, вып. 104, стр. 39, прим. 2.

³ Собраны в делах №№ 60/1903 и 41/1909.

шенно невозможно. Невероятно, чтобы Н. И. Веселовский, принявший теорию о соответствии Недвиговского городища именно позднему „возобновленному“ Танаису, просто забыл упомянуть о принадлежащих целой краснофигурной вазе черепках, находка которых должна была бы заставить его пересмотреть свой взгляд. Думаю поэтому, что данный экземпляр приходится исключить из числа недвиговских находок.

При рассмотрении же всех имеющихся налицо достоверных находок из некрополя Недвиговского городища мы не встречаем вовсе античного материала того времени, которому принадлежит упомянутая пелика. Но в то же время мы убеждаемся в безусловном наличии материала эллинистического периода. Как мы уже упоминали, в одном из раскопанных Леонтьевым курганов (курган № 7) была найдена целая родосская амфора с клеймами на обеих ручках, датирующаяся концом III — началом II в. до н. э. К числу экземпляров типичной эллинистической керамики относится также ряд фрагментов так называемых „мегарских чашек“, принадлежащих, повидимому, шести сосудам;¹ все они датируются временем не ранее конца III в. до н. э. Тому же времени принадлежит обломок эллинистического канфара;² к эллинистической эпохе мы отнесли также все погребения в урнах, открытые Н. И. Веселовским в 1908 и 1909 гг.

Следует отметить, что из поддающихся датировке вещей, найденных в могилах, большинство принадлежит уже первым векам н. э. К этому времени относятся наиболее типичные, представленные рядом экземпляров группы, как бронзовые фибулы, маленькие бронзовые зеркала, железные трехгранные стрелки и, особенно, большой набор лощеной „сарматской“ керамики, встречающей многочисленные аналогии в сарматских могильниках и городищах первых веков н. э. Более точные датировки дают нам немногие экземпляры привозной краснолаковой керамики и античной стеклянной посуды; наиболее поздняя дата этих находок не заходит за пределы III в. н. э.

Итак, находки в некрополе Недвиговского городища простираются на отрезок времени от конца III в. до н. э. до III в. н. э., причем первые три века н. э. (может быть, II—III вв.) дают наибольшее количество находок.

Есть, впрочем, три экземпляра, выходящие за пределы очерченного периода. Эти экземпляры — уже упоминавшийся нами бронзовый двугранный наконечник стрелы ТН 88 из насыпи кургана № 13 1853 г., аналогичный, но отличающийся большей величиной наконечник стрелы ТН 292, поступивший в Эрмитаж в коллекции вещей из раскопок 1908—1909 гг., и обломок лепного сосуда с орнаментом ТН 145, также входящий в состав упомянутой коллекции. Из этих предметов два первых относятся еще к VI в. до н. э.; близкому времени (не позже V в. до н. э.) принадлежит и третий. Какая-то жизнь, очевидно, была здесь и в это время — если не жизнь торгового города, то жизнь местных племен, может быть, имевших здесь или поблизости свое поселение. Для решения вопроса о времени основания здесь Танаиса эти находки, впрочем, значения иметь не могут.

¹ Эрмитаж, ТН 265—270 и 231.

² Эрмитаж, ТН 246.

Если мы будем искать аналогий всем перечисленным особенностям некрополя Танаиса, мы естественно обратимся к другим крупным городам Северного Причерноморья, и прежде всего — к городам ближайшим образом связанного с Танаисом Боспорского царства. И действительно, ряд особенностей погребального ритуала Танаиса встретит повторения в этих городах. Так, мы уже упоминали о присутствии в некрополе Пантикапея характерных для Танаиса погребений в урнах, при этом в урнах совершенно того же типа. Этот тип погребений свойствен не только Боспору — мы встречаем их и в Херсонесе; с Херсонесом сближает Танаис также и присутствие погребений с каменными столбиками в головах и ногах. Но наряду с этим мы уже отмечали и черты отличия некрополя Танаиса от некрополей других крупных городов, прежде всего отсутствие в Танаисе тех стел с рельефами и греческими надписями, которые являются одной из отличительных черт некрополей поздне-эллинистического и римского времени и на Боспоре, и в Херсонесе. О чертах различия говорит и инвентарь. Мы хорошо знаем типичные для Пантикапея римской эпохи постоянные, прямо трафаретные комплексы с обязательными стеклянными сосудами, среди которых особенно часты бальзамари, с краснолаковой керамикой, светильниками, терракотами и обычным присутствием монет правящего царя. Ни одного подобного погребения нет в некрополе Танаиса. Оружие в мужских погребениях, украшения и в мужских, и в женских — золотые в более богатых, серебряные и бронзовые в менее состоятельных, и повсюду бусы из цветных камней, стекла, янтаря и лигнита — вот главное и типичнейшее содержание могил этого некрополя. Посуды в Танаисе сравнительно немного, и она принадлежит к группам, менее распространенным в некрополях других колоний: среди глиняных сосудов преобладающими являются лощеные и лепные; в более богатых погребениях встречаются также привозные из греческих центров и с Боспора экземпляры керамики краснолаковой и красноглиняной простой, но более типичны для последней группы погребений сосуды из бронзы, реже из серебра. Совсем редки стеклянные сосуды. Нет ни одного случая находки терракотовых статуэток, тоже весьма характерных для некрополей римского Боспора; монета в погребении встретила только один раз.¹

Если некрополи Пантикапея, Херсонеса и других причерноморских колоний могут быть в некоторых своих чертах сопоставлены с Танаисом, то, с другой стороны, нам известны и такие некрополи, которые близки Танаису как раз в особенностях, отличающих его от больших причерноморских городов. Случай такого рода мы найдем, прежде всего, в некрополях местных поселений области Придонья.

К сожалению, исследования этих некрополей велись в размерах весьма недостаточных, а те, которые все же производились, в большей их части недостаточно хорошо описаны: приходится поэтому полагаться на случайные и разрозненные сведения. Тем не менее, некоторые совпадения бьют в глаза. Так, в высшей степени интересно встреченное нами указание о „полном тождестве“

¹ ОАК за 1909 г., стр. 140. могила № 27.

основного типа погребений некрополя позднего Танаиса — выдолбленных в скале могила четырехугольной неправильной формы — с одним из распространенных типов погребений Гниловского некрополя; также и гниловские могилы обозначались часто каменными столбиками или грубыми изваяниями.¹ Не менее показательное сравнение инвентаря погребений. За ряд лет в Областном краеведческом музее Ростова на Дону накопилось достаточное количество предметов, собранных в разрушавшихся при добывании песка и камня погребениях Гниловского некрополя, а расследования самого последнего времени (лето 1938 г.) дают нам известное понятие и об отдельных комплексах. Выясняющееся, на основании этого материала, сходство гниловских и недвиговских погребений вне сомнений. Обилие бус и подвесок из цветных камней, янтаря, лигнита, стекла и стеклянной пасты; лощеная керамика как наиболее распространенная группа утвари; бронзовые зеркала, фибулы, пряжки и браслеты сходных типов; бронзовые античные сосуды, реже привозное стекло и керамика как предметы из более богатых погребений повторяются и здесь, и там, а все вместе создает представление о характерных особенностях, свойственных уже не одному какому-либо поселению, а целой области, области Танаиса вообще.

Заслуживает особого внимания еще одна черта погребального обряда — отмеченный нами обычай втыкать в насыпь могилы копьё. В области Придонья аналогичные примеры мне не известны; но местное, причерноморское его происхождение вне сомнений — могилы с воткнутым копьём или копьём и дротиком знают все, кому приходилось заниматься скифскими погребениями.² А этот обычай заставляет нас в свою очередь вспомнить о некоторых известиях Геродота, выясняющих значение оружия в культе. Так, перед мечом, играющим роль кумира (*ἄγαλμα*) Ареса, совершаются жертвоприношения;³ копьё, воткнутое по обеим сторонам могилы и поддерживающее покрытие из досок и камыша, описывается как неизменный атрибут царских могил в Геррах.⁴

Есть, конечно, в Недвиговском некрополе и такие черты, которых мы не найдем в том же виде в других поселениях Придонья. Таковы погребения с урнами, также, может быть, выложенные камнем могилы; а находки привозной античной керамики и художественных металлических изделий встречаются в некрополе Недвиговского городища все же чаще, чем в других могильниках области Придонья. Все это точно так же отличает Танаис от других поселений, как отличают его городские сооружения, сравнительно многочисленные монетные находки и многие другие элементы, выясняющие его значение как главного центра данной области. Все эти специфические черты Танаиса, не повторяющиеся в других поселениях того же района, совершенно естественны; но ими не умаляется интерес и значение выяснившейся перед нами при ознакомлении с некрополем Танаиса тесной и органической связи между этим большим городом и остальными поселениями нижнего Дона.

¹ ЗРДО, II, стр. 170—171.

² Ср., например, ИАК, вып. 65, стр. 116.

³ Herod., IV, 62.

⁴ Herod., IV, 71.

Из других областей Северного Причерноморья близость к Танаису имеют прежде всего некрополи Прикубанья. В устройстве некоторых, в частности наиболее богатых погребений кубанских некрополей, есть, правда, специфические черты, не повторяющиеся в Танаисе. Но инвентарь обнаруживает поразительные аналогии.¹ Среди оружия, зеркал, украшений, керамики в погребениях Прикубанья господствуют те же типы; а самые комплексы повторяют часто некоторые из комплексов Танаиса с точностью почти полной. Несомненно, речь идет не о наличии одинаковых влияний, связанных, например, с общностью тех центров, торговые и культурные связи с которыми могли дать определенную окраску слагающейся и здесь и там культуре: речь идет о крайней близости именно местной культуры упомянутых областей, причем различия между Придоньем и Прикубаньем следует скорее всего отнести за счет различия исторических судеб обеих областей. Мы пока ограничимся общим указанием на это сходство. Просмотр имеющихся категорий вещественного материала, происходящих как из городища, так и из некрополя Танаиса, даст нам возможность составить себе более ясное и конкретное представление и о сходстве культуры Танаиса с культурой других областей, и о специфических чертах именно данного города.

Н. И. Веселовский. Курганы Кубанской области в период римского владычества на Северном Кавказе, стр. 9—11. — О некрополях Прикубанья в римское время см. также: М. В. Покровский. Городища и могильники среднего Прикубанья. Краснодар, 1937 (отд. отт. из „Трудов Краснодарского Государственного педагогического института“, т. VI, вып. 1, 1937); В. А. Городцов. О результатах археологических исследований Елизаветинского городища и могильника в 1934 г. СЭ, № 3, 1935, стр. 71; В. А. Городцов. Елизаветинское городище и сопровождающие его могильники по раскопкам 1935 г. СА, № 1, стр. 171. Очень интересны также материалы раскопок некрополей Прикубанья, производившихся Н. В. Анфимовым в 1938 г., пока не опубликованные и известные мне в рукописи. — В качестве погребения, в инвентаре которого особенно много аналогий находкам в некрополе Танаиса, сошлюсь на курганный погребение, открытое Н. И. Веселовским в районе Армавира в 1903 г. (ОАК за 1903 г., стр. 61 сл.). Здесь ярко проявляются отмеченные нами типичные черты инвентаря богатых погребений: значительное количество золотых украшений, множество бус и подвесок из цветных камней, янтаря, агата, стекла и стеклянной пасты, зеркало совершенно того же типа, что и встречающееся в Танаисе; подвески из янтаря и агата в форме фигурок зверей, совершенно аналогичные подвескам из агата в описанном нами погребении № 10 1903 г., и т. д.

¹ Т. Н. Клипович

Глава V

ВЕЩЕСТВЕННЫЕ НАХОДКИ ИЗ ГОРОДИЩА И НЕКРОПОЛЯ

В главе о некрополе Танаиса мы неизбежно должны были неоднократно касаться сделанных в погребениях находок; отчасти говорили о вещественном материале также и в главе, посвященной городищу. Здесь мы представим уже общий и систематический, хотя и краткий, обзор имеющихся в наших коллекциях находок.

Из всех групп встречающегося в Недвиговском городище материала внимание прежних археологов больше всего привлекала группа художественных изделий из бронзы. На первом месте здесь стоит ряд находок Леонтьева в 1853 г. Большинство их уже издавалось, некоторые повторно, но по рисункам никак не удовлетворительным, вследствие чего мы считаем нелишним переиздать их, снабдив необходимыми пояснениями.

Едва ли не лучшим экземпляром данной группы следует признать бронзовый светильник, с головкой пантеры на конце загнутой ручки (Эрмитаж, ТН 77, рис. 8, а).¹ Размеры светильника: длина (с рожек и ручкой) 0.138 м, высота (с ручкой) 0.08 м. Окружающий щиток ободок имеет два отверстия: очевидно, светильник имел крышку, прикрепленную цепочкой, как у некоторых светильников, найденных в Помпеях.² Для суждения о времени нашего светильника важна ближайшая аналогия, которую он встречает в только что упомянутом помпейском, по форме совершенно идентичном, но оканчивающемся на ручке конской головкой, а не головкой пантеры. Помпейская аналогия устанавливает для нашего светильника время не позже конца I в. н. э. Достаточно выясненным оказывается данный тип многочисленными датированными экземплярами. Его форма повторяет форму хорошо известного типа светильников с клеймами мастеров, принадлежность которого I — началу II в. н. э. стоит вне сомнений.³

¹ Издаю в „Извлечении из всеподданнейшего отчета об археологических разрысках в 1853 г.“ (стр. 79, № 40); также у Толстого и Кондакова (Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1839, стр. 89, рис. 123).

² А. Мау. Pompeji in Leben und Kunst. 2-е изд., Лейпциг, 1908, стр. 392, рис. 213.

³ О. Ф. Вальдгауер. Античные глиняные светильники. СПб., 1914, стр. 15 сл. Наиболее близкая аналогия нашему светильнику — табл. LIII, 556.

Итак, светильник из Танаиса (как и помпейский) относится, очевидно, к I в. н. э. Приблизительно тому же времени принадлежит, повидимому, и второй найденный в Танаисе бронзовый светильник (Эрмитаж, ТН 78, рис. 8,б)¹ менее художественной работы и несколько меньших размеров (длина с ручкой и рожком 0.095 м, высота 0.027 м): здесь решающей является общая форма светильника, с заостряющимся рожком и образующими на концах резкие выступы волютами. Также и этот тип встречает аналогии в I в. н. э.² Оба светильника найдены в 1853 г., в „разрезах“, проданных Леонтьевым в центральной части городища.

Бесспорный интерес представляют также находки в Танаисе бронзовых канделябров. К сожалению, найденный при раскопках Леонтьева в 1853 г. большой канделябр в эрмитажной коллекции предметов из Недвиговского городища в настоящее время отсутствует.³ Приходится основываться на рисунке в „Извлечении из всеподданнейшего отчета“⁴ и на описании Леонтьева. Канделябр имел в высоту более 1.20 м.

По своему типу также и он встречает аналогии среди находок I в. н. э., прежде всего среди материала из Помпей;⁵ аналогичны ему, повидимому, также два канделябра из Керчи, найденные, один в так называемой „Зайцевской катакомбе“,⁶ другой в склепе, открытом в 1912 г. на 5-й Подгорной

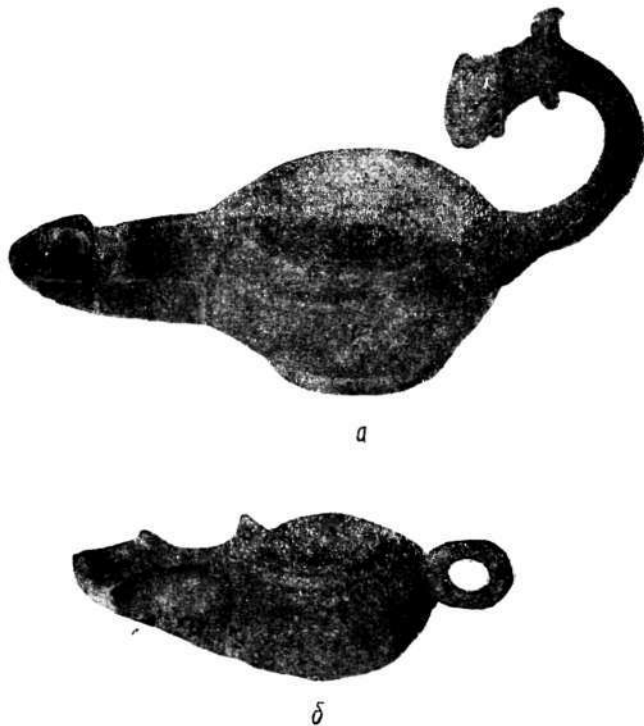

Рис. 8. Бронзовые светильники из раскопок Леонтьева в 1853 г. (Эрмитаж).

¹ Издан в „Извлечении из всеподданнейшего отчета“, стр. 79, № 41.

² Вальдгауер, ук. соч., стр. 10—11; ср. табл. XIV—XV.

³ Судьбу данного канделябра сейчас установить невозможно. Во всяком случае, в 1924 г., когда конструировалось в новом виде включавшее весь материал античной эпохи из северного Причерноморья Эллино-скифское отделение Государственного Эрмитажа, его уже не было среди поступивших в отделение вещей.

⁴ Стр. 73, рис. 39.

⁵ А. Мац, ук. соч., стр. 394, рис. 217.

⁶ М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. Табл. LX.

улице.¹ О деталях, впрочем, по рисунку судить не берусь, тем более, что правильность реставрации канделябра может внушить сомнения.

Сравнительно хорошо сохранилась (нехватает верхнего диска) часть бронзового канделябра, найденного в 1870 г., в расследованном Хицуновым кургане (Эрмитаж, ТН 132, рис. 9): это, собственно, не канделябр в обычном понимании этого слова, а более низкая (выс. 0.115 м) подставка под сзетильник

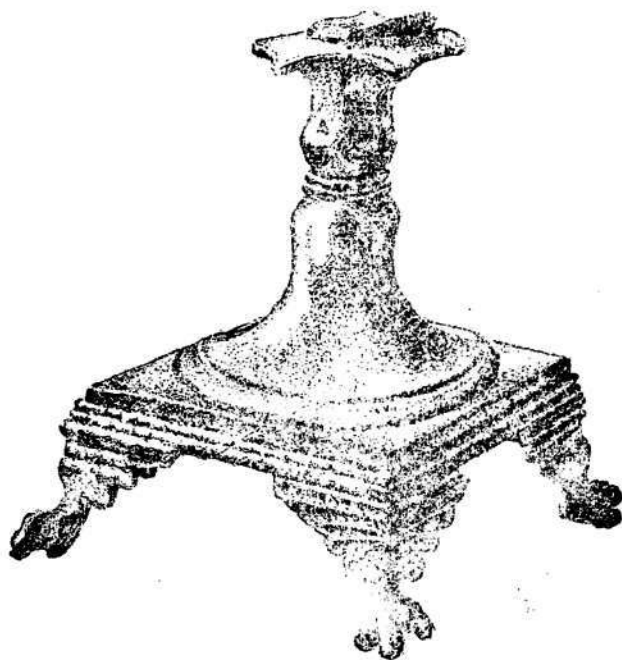

Рис. 9. Бронзовый канделябр из раскопок Хицунова в 1870 г. (Эрмитаж).

(„Lampenträger“), подобная встречающимся в Помпеях. В выделке, особенно в ornamentации, наблюдается известный схематизм, небрежность; возможна принадлежность канделябра более позднему времени, чем помпеянские.²

Предмету аналогичному, но отличающемуся лучшей работой, принадлежали также найденные в 1853 г. „фрагменты бронзовой утвари, состоящей из четырехугольного подножия на львиных лапках с тарелкой наверху“.³ В „Извлечении из всеподданнейшего отчета“ эти фрагменты фигурируют уже в виде целого (очевидно, реставрированного) сосуда⁴ (см. ук. соч., рис. 42). Про-

изведенная в Эрмитаже новая реставрация выяснила, что в этом „сосуде“ или „утвари“, неоднократно переиздававшейся по упомянутому рисунку,⁵ только несколько обломков действительно античны (Эрмитаж, ТН 79—80), остальные же части как подставки, так и ажурного венца представляют новую отливку.

¹ Там же, стр. 203, рис. 23.

² Допуская для танаидского канделябра более позднюю дату, мы в то же время должны отметить его близость помпеянским предметам: сходство выражается в типе четырехугольной подставки на львиных лапках, с тем же орнаментом волют и пальметок на боковой стороне, над лапками. Ср.: Мац, ук. соч., стр. 396, рис. 219.

³ Архив ИИМК. Дело № 25/1853 г. Опись предметам, найденным на месте древнего Танаиса и в его окрестностях и препровожденным в С.-Петербург.

⁴ Реставрация была проделана, очевидно, сразу после раскопок Леонтьева, поскольку в виде „сосуда“ найденные фрагменты изданы уже в 1855 г. (год издания „Извлечения из всеподданнейшего отчета“).

⁵ Ср.: И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. I. СПб., 1889, стр. 90, рис. 122.

Среди вошедших в состав этого искусственно созданного предмета античных обломков интересны части подставки и столбика (рис. 10), совершенно аналогичные только что описанному канделябру из раскопок 1870 г.

Из остальных экземпляров художественной бронзы отметим ручку сосуда с рельефными изображениями (Эрмитаж, ТН 122), найденную в 1867 г. в одном из ограбленных погребений; по сохранившейся ручке составить представление о всем сосуде, конечно, невозможно.

Далее, интересна бронзовая сковорода (Эрмитаж, ТН 153, рис. 11), найденная в „верховом“ погребении над могилой № 5 в 1908 г. Сковорода представляет пример упрощения и вырождения хорошо известного типа сосудов с ручками, оканчивающимися загибающейся птичьей головкой;¹ в данном случае мы имеем дело с поздним сосудом, в котором схематизация всех элементов зашла уже очень далеко. Это вполне вжется с находкой сковороды в комплексе, принадлежащем, как мы видели, времени не ранее II в. н. э. Размеры сковороды: диаметр с ручкой 0.445 м, высота 0.049 м. Наконец, укажу на находку в 1867 г. в одном из ограбленных погребений бронзовой ручки с головкой животного, принадлежавшей, может быть, саркофагу (Исторический музей, № 24/1455).

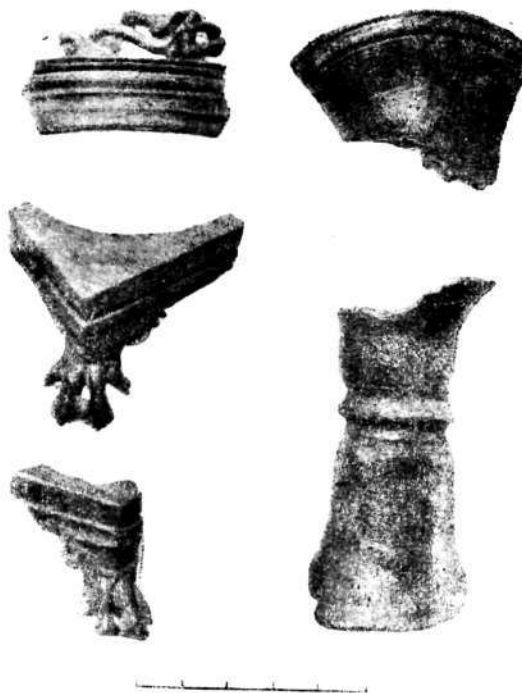

Рис. 10. Обломки бронзового канделябра из раскопок Леонтьева в 1853 г. (Эрмитаж).

К числу экземпляров художественной бронзы относится также ряд фрагментов, найденных во время раскопок Леонтьева и Тизенгаузена, главным образом, в богатых ограбленных могилах.² Описывать подробно весь этот материал

¹ Из числа сравнительно ранних сосудов указанного типа сошлюсь на серебряное ситечко из Зеленского кургана на Таманском полуострове (ИАК, вып. 60, стр. 31, рис. 22). Ручка ситечка дает ясное представление о типе, лежащем в основе типа ручки нашей сковороды; интересны также и другие общие нашей сковороде и ситечку из Зеленского кургана детали, как, например, маленькие выступы по краю, вблизи основания ручки.

² Перечислю важнейшие из этих находок: 1) фрагмент продолговатой бронзовой пластинки с изящно выполненным орнаментом лесбийского киматия, Исторический музей, № 638; 2) две бронзовые „чашечки“, может быть представляющие подставки под ножки канделябров (ср. Ма и, ук. соч., стр. 396, рис. 218—219), Исторический музей, №№ 643, 644; 3) бронзовый профилированный стержень, заканчивающийся венцом, внутри полый, Исторический музей, № 23/1455.

нет смысла, поскольку он не дает ясного представления о цельных предметах и ничего нового в наши наблюдения не вносит.¹

Что касается места производства найденных в Танаисе художественных бронзовых изделий, то близкие аналогии в Помпеях заставляют предположить, во всяком случае для некоторых из них (светильник с головкой пантеры), мастерские Италии. Следует отметить, что косвенным подтверждением такого

Рис. 11. Бронзовая сковорода из одного из погребений, открытых Веселовским в 1908 г. (Эрмитаж).

предположения могут служить случаи находки в том же районе дельты Дона (городище у станицы Гниловской) бронзовых изделий с латинскими клеймами. О них будет речь ниже. Как мы уже упоминали, находки в Недвиговском городище античной художественной бронзы были отмечены и оценены уже Леонтьевым. Сейчас, когда этот материал получил у нас достаточно твердое хронологическое определение, мы тем более поймем его значение. В частности, эти находки интересны в связи с традицией о полемоновском разрушении Танаиса и о результатах его для экономического состояния города. Очевидно, не так значительны были последствия этого события, как это представлялось Леонтьеву,² раз уже в I в. н. э. встречаются — и встречаются не в виде единичных исключений — вещи, аналогичные утвари, употреблявшейся в обиходе богатых помпеянских домов.

В противоположность рассмотренной группе художественных бронзовых вещей, бронзовые изделия более простой вы-

делки вызывали мало интереса: они только отмечались без дальнейшей их характеристики. Между тем они заслуживают безусловного внимания, так как дают возможность осветить другие стороны жизни Танаиса.

¹ Считаю нужным отметить, что изданный А. А. Захаровым фрагмент бронзового египетского изделия (А. А. Захаров. Фрагмент египетского украшения с юга России. РАНИОН, Труды отделения археологии, I, стр. 36, табл. VI) следует из числа недвиговских находок исключить. Ни в каких архивных материалах и, прежде всего, в описи находок Леонтьева (а фрагмент числится именно найденным Леонтьевым в 1853 г.) нет никаких упоминаний о находке такого предмета. Нет его и в ранних описях Исторического музея, близких предположительному времени находки фрагмента: указание на „может быть“ недвиговское происхождение его появляется значительно позже, и то со знаком вопроса.

² Ук. соч., стр. 415.

К числу такого рода изделий принадлежит прежде всего группа зеркал. Найденными в Недвиговском городище и некрополе зеркалами представлены следующие типы. 1) Зеркала в виде тонкого, плоского, с обеих сторон гладкого диска, имевшие прикрепленную гвоздями ручку; диаметр единственного принадлежащего данному типу экземпляра (Эрмитаж, ТН 253; в обломках) около 0.135 м. 2) Зеркала диам. около 0.10 м, с утолщенной каймой по краю; в силу фрагментарного состояния единственного зеркала данного типа (Эрмитаж, ТН 253) установить форму, в частности форму ручки, нет возможности.

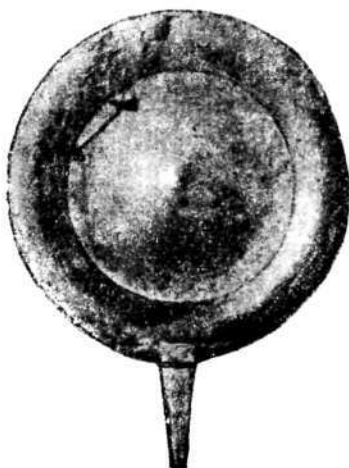

Рис. 12. Бронзовое зеркало. Тип 3.
(Исторический музей).

Рис. 13. Бронзовое зеркало с тамгообразным знаком. Тип 4. (Эрмитаж).

3) Зеркала маленькие (диам. не больше 0.07 м), с утолщенным краем и выступом в центре; ручка представляет короткий, заостряющийся книзу стержень, вероятно, входивший в деревянную или костяную оправу (рис. 12).¹ 4) Зеркала маленькие, круглые, с утолщенной каймой по краю и маленькой плоской ручкой; ручка не прикреплена, а вырезана из одного с диском куска и имеет отверстие. Из двух сохранившихся экземпляров данного типа особый интерес представляет зеркало из раскопок Н. И. Веселовского в 1908—1909 гг. (Эрмитаж, ТН 293), имеющее внутри рельефный тамгообразный знак (рис. 13): диам. зеркала 0.062 м, с ручкой — 0.083 м. Второе находится² в Новочеркасском музее; точные данные о его находке мне не известны; диам. его 0.066 м, с ручкой 0.090 м. 5) Зеркала маленькие, плоские, с плоской ручкой и рельефной

¹ Тип представлен двумя экземплярами: из них один (Исторический музей, № 631) найден в 1853 г., в могиле № 7 „восточных насыпей“, второй представляет фрагмент, найденный во время сбора на городище и по осыпям (находится в Областном краеведческом музее Ростова на Дону).

² Или находилось раньше: мною оно было описано в 1923 г., в 1938 г. я его в музее не видела.

орнаментацией на обратной стороне; бесспорно данному типу принадлежит фрагмент, изображенный на рис. 14, б, вероятно, также и изображенный на том же рисунке 14, а.¹ Диаметр последнего 0.041 м, первого — не больше 0.042 м. 6) Зеркала маленькие в виде плоского диска; на обратной стороне в центре маленькое ушко, вокруг него рельефная орнаментация в виде концентрических

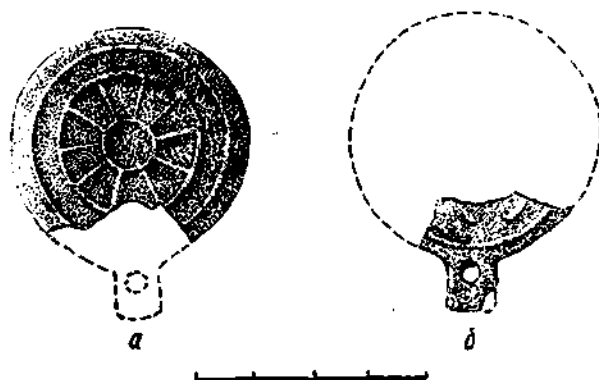

Рис. 14. Зеркало из белого сплава. Тип 5.

кругов, зигзагов и т. д. (рис. 15). Размеры зеркал типа 6² от 0.055 м до 0.071 м. 7) Зеркала четырехугольной формы; один экземпляр упоминается Леонтьевым в описи найденных на городище предметов под № 31. Среди вещей Исторического музея, куда оно должно было поступить, мне увидеть его не удалось.

Зеркала типов 1—4 сделаны все из бронзы обычного вида и оттенка, типов 5 и 6 — из совсем светлого беловатого сплава.

Первый из перечисленных типов восходит к форме в основе античной, хотя единственное недвиговское зеркало этого типа и представляет изделие мастерской скорее какого-либо из центров Северного Причерноморья, чем Греции. Уже второй тип имеет определенные черты, отличающие его от зеркал античных — выпуклая кайма по краю представляет, по видимому, деталь местную.³ Что касается типов 3, 4, 5 и 6 то они являются бесспорно местными, генетически восходящими к типам, не связанным с античным миром и широко распространенным на территории юга СССР.⁴ Особенно широкое распространение имели типы маленьких зеркал с боковой ручкой (наши типы 3—5: это наиболее распространенные формы зеркал в некрополях и поселениях Прикубанья первых веков н. э., также в области Нижнего Поволжья; но встречаются они и много западнее, вплоть до Подольщины.⁵ Менее обширен, по видимому, район распространения зеркал нашего типа 6 — за немногими

¹ Из них второй находится в Историческом музее (№ 36/1456); найден в 1867 г. в одной из ограбленных могил; первый находится в Областном краеведческом музее Ростова на Дону; точные обстоятельства его находки неизвестны.

² Тип представлен тремя фрагментами; все они найдены в 1867 г. в ограбленных могилах и все находятся в Историческом музее под № 36/1456.

³ См.: P. Rau. Die Hügelgräber Römischer Zeit an der unteren Wolga. Покровск, 1927, стр. 91.

⁴ Ср.: Рау, ук. соч., стр. 90 сл. К имеющейся у Рау сводке следует прибавить данные новейших раскопок в области среднего Прикубанья, см.: М. В. Покровский. Городища и могильники среднего Прикубанья, стр. 36; рис. 25 на стр. 31.

⁵ ОАК за 1913—1915 гг., стр. 201, рис. 255.

исключениями он ограничивается Кавказом, где та же форма, при некоторых изменениях в орнаменте и размерах, встречается также и в комплексах значительно более поздних.

Многочисленные аналогии позволяют установить, что зеркала типов 3—5 существовали в течение времени с I в. до н. э. и кончая III, быть может и IV в. н. э.¹ При этом типы 3 и 4 являются более ранними, не заходящими далее II в. н. э.,² в то время как зеркала типа 5 не известны мне в комплексах более ранних, чем II в. н. э., они заходят в III и IV вв.³ Несколько сложнее обстоит дело с датировкой типа 6. Как я уже упоминала, зеркала

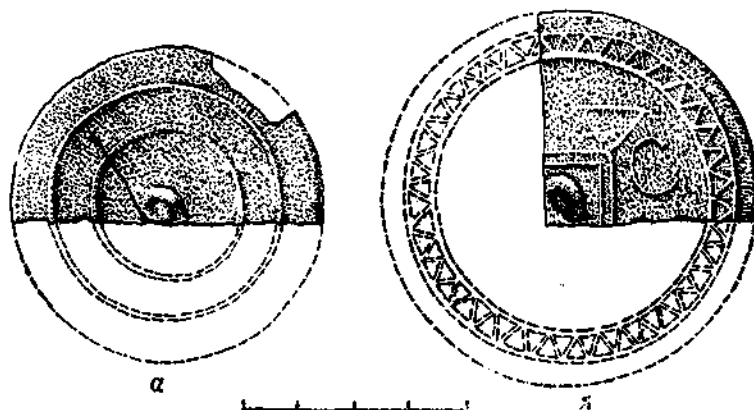

Рис. 15. Зеркало из белого сплава. Тип 6.

сходного типа, с петлеобразной ручкой и рельефной орнаментацией на обратной стороне, характерны для погребений более поздних: значительное количество их дают могильники, относимые исследователями к V—VIII вв. н. э.⁴ Отсюда делается и общий вывод о принадлежности данного типа эпохе, во всяком случае выходящей за пределы античности. Вопрос о датировке зеркал типа 6 приобретает, таким образом, особенный интерес; его решение связано также и с выяснением того, продолжалась ли на территории Недвиговского

¹ Раи, ук. соч., стр. 90 сл., также 68.

² Самым ранним комплексом, содержащим зеркало, близкое зеркалу нашего типа 4, является погребение в кургане № 2 Зубовского хутора (ИАК, вып. 1, стр. 102, рис. 25). Из других комплексов вспомним только что указывавшийся нами комплекс на Подольщине, где зеркало, аналогичное недвиговским зеркалам типа 3, встретилось, между прочим, с римским бронзовым ковшом I в. н. э.; также погребение, открытое Веселовским в 1903 г. близ Армавира (ОАК за 1903 г., стр. 61 сл.), но находкам принадлежащее скорее всего II в. н. э., с таким же зеркалом.

³ Раи, ук. соч., сводка на стр. 68.

⁴ Ср.: В. В. Саханев. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—12 гг. ИАК, вып. 56, стр. 133, табл. II, 5, 8; А. А. Миллер. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. ИАК, вып. 23, стр. 71 сл., рис. 22, 8 на стр. 91; А. А. Спицын. Могильник V в. в Черноморье. ИАК, вып. 23, стр. 104, рис. 6 и ми. др.

городища жизнь после IV в. н. э., засвидетельствованного уже и опубликованными находками.¹

К сожалению, дело осложняется тем, что ни для одного из недвиговских зеркал типа б не известен комплекс, в состав которого оно входило. Все они найдены в открытых в 1867 г. «могилах, разграбленных в древности»: я уже упоминала, что вещи из этих могил поступили в Исторический музей все вместе, без распределения их по комплексам, хотя бы неполным. Единственно, что можно установить, — что ни одна из поддающихся датировке находок в погребениях той же части некрополя не принадлежит времени позже III в. н. э. Приходится опираться на находки в других областях. Из них существенное значение имеет комплекс на горе Можары в Саратовской области, в котором было найдено также и зеркало того же типа.² По вопросу о времени, которому принадлежит этот комплекс, нет, правда, полного согласия между исследователями. М. И. Ростовцев³ склонен относить его ко времени «вряд ли позднее I в. по Р. Хр.»; Рау⁴ сопоставляет его с комплексами группы В, относимой им к III—IV вв. н. э. Как бы то ни было, а время этой находки не выходит за пределы античной эпохи. Весь инвентарь в целом и все вещи в отдельности типичны для римского времени; комплекс не включает ни одного предмета, который мог бы принадлежать времени более позднему, чем II—III вв. н. э. Отмечу только, что общее впечатление от инвентаря говорит все же за время более позднее, чем даваемая Ростовцевым дата: это скорее II, чем I в. н. э.

Количество такого рода примеров несомненно можно было бы увеличить. Упоминания о находках зеркал с рельефным орнаментом и петлеобразной ручкой в центре обратной стороны мне пришлось, например, встретить в неопубликованных отчетах о раскопках могильников I—III вв. в Прикубанье.⁵ Большое количество зеркал того же типа издано в «Материалах по археологии Кавказа»; некоторые из могильников, в которых бывали находимы такие зеркала, содержали значительное количество предметов первых веков н. э. При попытках использовать упомянутые публикации встречаешься с трудностями. Просматривая и описания изданных могильников, и иллюстрирующие их рисунки, убеждаешься с несомненностью, что издателями не были отделены группы ранних погребений от поздних: на основании нескольких найденных монет весь, иногда очень обширный могильник бывал относим к определенному времени, причем присутствие более ранних находок объяснялось или длительным бытованием некоторых категорий предметов, или пережитками более архаических мотивов в более позднее время. Повидимому, все эти комплексы могут быть введены в научный оборот только после большой работы по проверке и пересмотру их датировки: в мои задачи такая работа сейчас входить не может.

¹ Напомню о находке монеты императора Валента, см.: Леонтьев, *ук. соч.*, стр. 438.

² ОАК за 1893 г., стр. 77 сл.

³ Скифия и Боспор, стр. 591.

⁴ Ук. соч., стр. 69, прим. 3; стр. 70.

⁵ См. хранящуюся в архиве ИИМК рукопись М. В. Покровского «Пашковский» могильник № 2*.

Но даже и исключив кавказский материал, мы все же получим данные, вполне для нас достаточные. Существование зеркал типа б во II—III вв. н. э. можно, во всяком случае, считать установленным. А если так, то нет оснований предполагать более позднее время и для зеркал, найденных в Недвиговском некрополе, где, за единичными исключениями, о которых речь будет ниже, поддающиеся датировке вещи не выходили за пределы античного периода. Что касается более точной датировки недвиговских зеркал типа б, то для этого пока мы не располагаем данными. По соображениям типологического характера можно только предположить, что этот тип — самый поздний среди всех представленных в Танаисе форм зеркал.

Из других бронзовых изделий часты, особенно в погребениях некрополя Танаиса, находки фибул. Количество представленных здесь типов невелико. Подавляющее большинство найденных в Танаисе фибул принадлежит типу так называемой „лучковой фибулы“¹ в его наиболее распространенном в Причерноморье виде (тип 1; рис. 16, а). Другим вариантом того же типа являются фибулы, отличающиеся тем, что у них почти вся дужка покрыта спиральными оборотами проволоки (тип 1а; рис. 16, в). Кроме этого основного типа в Танаисе представлены еще тип 2 (рис. 16, б) и тип 3

(рис. 16, г). Все эти типы встречают аналогии в комплексах юга СССР. К сожалению, изданы фибулы лишь в небольшой их части: настоящее представление о степени распространения наших типов можно получить только при ознакомлении с коллекциями музеев, а также с отчетами о раскопках, частью неопубликованными. Из ознакомления с этим материалом мы выносим впечатление об особо широком распространении типа 1 на протяжении всей области юга СССР — как в античных колониях, так и в местных поселениях; при этом, во всяком случае в Придонуе и Прикубанье, он являлся бесспорно преобладающим.

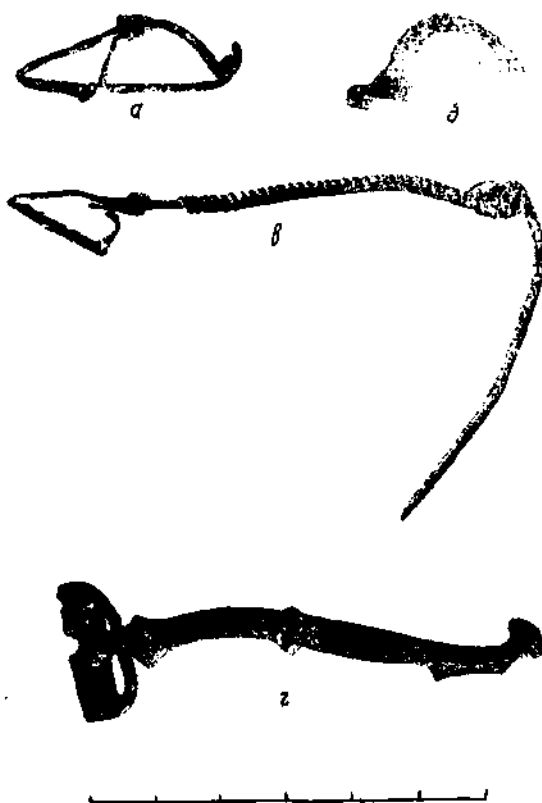

Рис. 16. Бронзовые фибулы (Эрмитаж).

¹ Об этом типе см.: O. Almgren, Studien über nordeuropäische Fibelformen. Стокгольм, 1897, стр. 71 сл. Типы, совершенно аналогичные нашим типам 1 и 1а, изданы там на табл. VI, 156-а и 157.

Встречают аналогии, хотя и не столь многочисленные, также и типы 2 и 3.

Датировать представленные в Танансе типы фибул можно лишь приблизительно. Самым ранним известным мне комплексом, содержащим фибулу нашего типа 1 является погребение в кургане № 4 В Марицынского некрополя: оно принадлежит второй половине I в. до н. э.¹ Уже ольвийское погребение 1901 г. № 101, с такой же фибулой, принадлежит несомненно более позднему времени, во всяком случае I в. н. э.² Далее этот тип мы встречаем в комплексах нижнего Поволжья и среднего Прикубанья; из них некоторые уже несомненно выходят за пределы I в. н. э.; и тот же тип, хотя и в форме несколько огрубелой, мы находим в датированных монетами III в. н. э. погребениях Пантикапейского некрополя.³ Самый тип, таким образом, имеет на юге СССР длительный период существования; что касается нашей разновидности (тип 1), то она, во всяком случае, может быть прослежена на протяжении времени от конца I в. до н. э. и до II в. н. э.⁴ Типы 2 и 3, являются, вероятно, более поздними. Тип 3 встречает довольно близкую аналогию в группе могил Пантикапейского некрополя, датируемых по монетным находкам III в. н. э.⁵ Комплексы, в которых были найдены фибулы, аналогичные типу 2, мне не известны.⁶

Очень распространены были в Танансе бронзовые браслеты: в наших музеях мне известно свыше 30 штук. Повидимому, они являлись особенно употребительным украшением, причем носили их и на руках, и на ногах, что можно проследить в некоторых хорошо сохранившихся погребениях (погребение № 19 1908 г.). Формы довольно разнообразны, о чем дает представление рис. 17; особенно часто встречаются браслеты, концы которых притягиваются к дужке спиральными оборотами проволоки (рис. 17, а). Все эти типы характерны для комплексов последних веков до н. э. — первых веков н. э.⁷ Брон-

¹ M. Ebert. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn, ч. II, Praehistorische Zeitschrift, т. V, вып. 1—2, 1913, стр. 78, рис. 87 о.

² ИАК, вып. 8, стр. 61, рис. 69. Датировка Б. В. Фармаковского (II—I в. до н. э.) является слишком ранней: изображенные на табл. V, 3 и 29 краснолаковые сосуды принадлежат бесспорно I в. н. э.

³ ОАК за 1894 г., стр. 89—91, рис. 152.

⁴ Границы периода существования данного типа может быть нужно еще раздвинуть. Б. В. Фармаковским упоминаются фибулы в эллинистических погребениях, но недостаток воспроизведений в отчетах о раскопках не дает возможности делать из этих указаний определенные выводы без ознакомления с самими вещами, тем более, что многие из датировок Фармаковского впоследствии оказались слишком ранними. В то же время некоторые из нижневожских погребений с фибулами того же типа относятся, по мнению Рау, к поздней группе (III—IV вв.): датировка эта, впрочем, не может считаться вполне установленной.

⁵ ОАК за 1894 г., стр. 89 сл., рис. 154.

⁶ Аналогичные фибулы известны мне в Прикубанье, см.: М. В. Покровский, ук. соч., стр. 30, рис. 24, сверху; также в хранящейся в архиве ИИМК рукописи Н. А. Захарова „Краснодарское городище“ совершенно идентичная танаидской фибула воспроизведена на приложенной к статье фотографии.

⁷ См., например, находки в Бори, МАР, вып. 34, табл. II и V к статье Е. М. Придика.

зовых перстней найдено меньше; типы их повторяют типы перстней золотых и серебряных (см. ниже). Часты находки пряжек (рис. 18); на некоторых из них (рис. 18, а) сохранились остатки поясного ремня.

Интересны по аналогиям, встречающимся в комплексах Прикубанья, бронзовые колокольчики; некоторые из них прорезные (рис. 19).¹ К числу элементов туземного обихода принадлежат и ворворки. Встречаются массивные

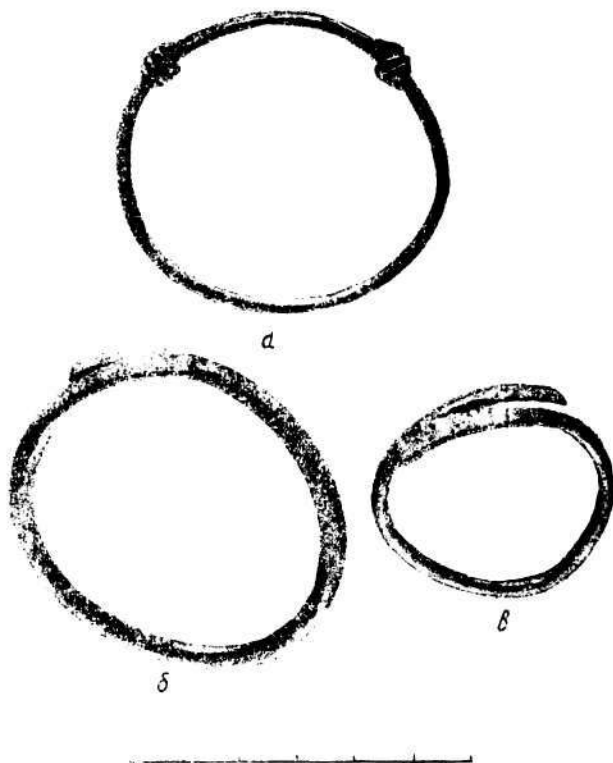

Рис. 17. Бронзовые браслеты (Эрмитаж).

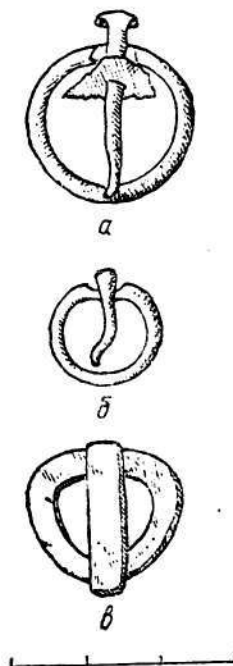

Рис. 18. Бронзовые пряжки.

кольца, иногда с бугорками. Наконец, упомянем находки гвоздей, указывающие, повидимому, на погребения в гробах.

Изделия из золота и серебра были, конечно, распространены в гораздо более ограниченном кругу населения Танаиса, чем менее ценные предметы из бронзы. Но в состоятельных слоях населения золотые украшения были, очевидно, весьма употребительны: в наших музеях имеется значительное количество золотых изделий из некрополя Танаиса, что приходится особо отметить, если учесть ограбление большинства богатых могил. Представление о целом наборе золотых украшений дает только один комплекс — погребение в урне № 3 1908 г., о котором уже была речь выше. Комплекс этот, содержащий большое количество предметов, глазным образом украшений (40 золотых

¹ Там же, табл. V.

штампованных нашивных бляшек с рельефными изображениями, 5 медальонов, 2 золотых перстня, золотая серьга с подвеской в виде фигуры Ники, браслет, большое количество мелких нашивных штампованных бляшек, подвески, серебряный сосуд и т. д.), описывался и издавался неоднократно;¹ сейчас я хочу остановиться на некоторых его особенностях. Интересно, что здесь мы имеем целый набор украшений с повторяющимися изображениями. Пять изображений (рис. 20) — бюст мужчины (Зевс?), бюст женщины с тимпаном (Кибела?), два различных бюста других богинь, бюст Афродиты с Эротом — повторяются на

Рис. 19. Бронзовый колокольчик (Эрмитаж).

бляшках, на медальонах и на одном из колец (Афродита с Эротом) в совершенно идентичном виде, не допускающем никаких сомнений в том, что для изготовления этих предметов применялись одни и те же штампы. Благодаря недавно сделанной интереснейшей находке мы получаем некоторые твердые данные для суждения о способе и месте изготовления наших бляшек и медальонов. Во время раскопок Тиритаки в 1937 г. был найден штамп для изготовления овальных пластинок с изображением женского бюста в высоком рельефе (рис. 21, а).² Большая близость изображений на танаидских бляшках и медальонах изображению на тиритакском штампе (см. рис. 21) делает несомненным производство упомянутых танаидских украшений в мастерской того же круга, т. е. скорее всего также в районе Пантикапея и во всяком случае на Боспоре. К сожалению, обстоятельства

находки штампа не дают точных сведений для его датировки. Как сообщает В. Ф. Гайдукевич, штамп был найден в слое, принадлежавшем классическому времени, но содержавшем, вследствие присутствия в нем более поздних яч, также материал и эллинистического и даже римского времени, до I в. н. э. включительно. Что касается золотых предметов из урны № 3, то имеющиеся аналогии принадлежат все эллинистическому периоду. Так, характерный и лучший экземпляр погребения — серьга с подвеской в виде фигуры Ники (Эрмитаж, ТН 194, рис. 22) встречает аналогии среди эллинистических ювелирных изделий и восходит к типу, известному в комплексах, стоящих на грани IV и III вв. до н. э.³ От ранне-эллинистических экземпляров

¹ ОАК за 1908 г., стр. 124 сл.; Н. И. Веселовский. Танаис Младший, стр. 250—251, рис. 4—6.

² В. Ф. Гайдукевич. Находка античного бронзового штампа в Тиритаке. СА, VI, стр. 298 сл.

³ Древности Боспора Киммерийского, табл. VII, 9—9-а и том I, стр. LXIV: серьги с подвесками в виде фигурок Эрота, найденные близ Керчи, в гробнице с монетами Филиппа II Македонского и Евмеля, также с поздней краснофигурной вазой. Ср. также: F. H. Marshall: Catalogue of the Jewellery Greek, Etruscan and Roman in the Departments of Antiquities, British Museum, Лондон, 1911, табл. XXXIII, 1889, 1890, 1914, 1915, 1919.

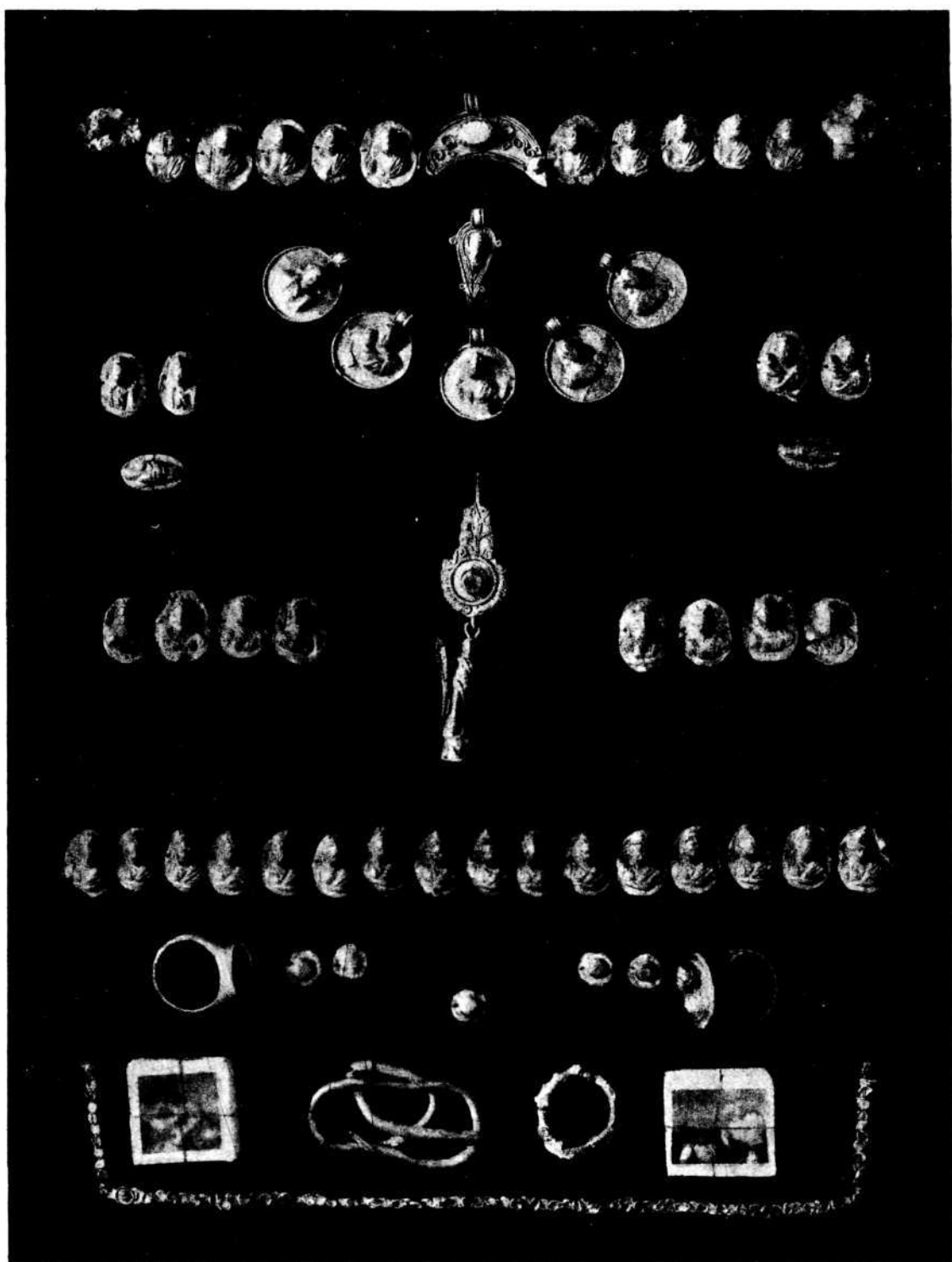
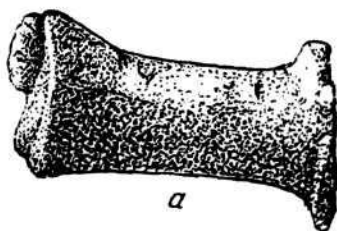

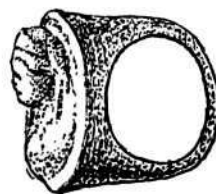
Рис. 20. Золотые бляшки и подвески из урны № 3 из раскопок Веселовского в 1908 г. (Эрмитаж).

данного типа наша серьга отличается некоторой упрощенностью, сказывающейся в исполнении как орнамента на серьге (обычная пальметка превратилась здесь в комбинацию спиралевидных завитков), так и фигуры Ники: это указывает на несколько более позднее время, но едва ли выходящее за пределы III, в крайнем случае II в. до н. э.¹ За эллинистический период говорят также формы перстней; все сколько-нибудь близкие аналогии принадлежат III—II вв. до н. э.² Наконец, вспомним, что и самые урны типа нашей урны № 3 принадлежат, как это достаточно убедительно выяснено М. И. Ростовцевым, позднеэллинистической эпохе.³ Сопоставляя все эти данные, мы должны будем отнести весь комплекс к последним векам до н. э., причем наиболее вероятным временем погребения будет II в. до н. э. Отдельные вещи, может быть и принадлежат более раннему времени: это нас не должно смущать — ценные украшения всегда имеют длительный период существования.

Описанный комплекс содержит единственный цельный набор золотых украшений. В дальнейшем мы будем иметь дело уже с отдельными предметами, иногда из сохранившихся полностью, но содержавших мало золота погребений, иногда из погребений ограбленных, хотя, может быть, и не уступавших по богатству погребению в урне № 3. Из числа этих предметов отметим прежде всего гривну с головками пантеры или львицы из погребения, открытого Смычковым в 1908 г. (см. рис. 5). Близких аналогий этой гривне я не знаю; по типу (полый внутри стержень, расширяющийся к концам, снабженным

а

б

Рис. 21.

а — бронзовый штамп из Тиритаки.
б — золотой перстень из урны № 3.

¹ Наиболее доказательными некоторые совпадения с вещами Артюховского кургана, датируемого на основании монетных находок временем не ранее второй половины III в. до н. э. Особенно убедительными представляются мне аналогичные выродившиеся пальметки со спиралевидными завитками на нашей серьге и на пластинках ожерелья Артюховского кургана (Атлас к ОАК за 1880 г., табл. II, 11). В комплексах первых веков н. э. подвески и серьги типа нашей серьги с Никой уже значительно отличаются от раннеэллинистических образцов, см.: Marshall. Catalogue of the Jewellery, табл. LII, 2374—5; здесь воспроизведены серьги II—III вв. н. э., лишь отдаленно связанные с эллинистическим типом. Ср. также суммарно трактованную подвеску в виде фигурки Эроты на ожерелье I в. н. э., там же, табл. LVI, 2694.

² Ср.: Marshall. Catalogue of the Finger Rings Greek, Etruscan and Roman in the Departments of Antiquities, British Museum. Лондон, 1907, стр. 20, рис. 24, № 97 (III—II в.); табл. XI, 265 (III в.); табл. XXXI, 1290 („hellenistic“) и 1275 (II в.) и др. Перстень, наиболее близкий нашему перстню с бюстом Афродиты с Эротом, имеющий на щитке бюст Афины в высоком рельефе (табл. VI, 224; конец IV—начало III в.), отличается от нашего как по более детализованному и тщательному изображению, так и по форме перстня: перстень с Афиной, очевидно, старше нашего.

³ Скифия и Боспор, стр. 213.

головками или фигурками животных) она заставляет вспомнить сибирские гривны или гривны Ставропольского клада.¹

Заслуживают внимания, далее, неоднократно встречавшиеся в погребениях серьги. Среди них на первом месте по художественности исполнения стоят серьги кольцевидной формы с головками рыси на концах из погребения № 1 1867 г. (Эрмитаж, ТН 102). Серьги такой формы, оканчивающиеся головками льва, рыси, грифона, дельфина и т. д., имели широкое распространение в эллинистический и римский периоды как в колониях Северного Причерноморья, так и вообще на территории всего античного мира:² тип этот прослеживается, во всяком случае, с V в. до н. э. до III в. н. э., претерпевая, однако, в течение указанного отрезка времени известные изменения. Наши серьги принадлежат времени не очень раннему — характер исполнения дужки, перевитой оборотами проволоки не сплошь, а с широкими промежутками, сближает их больше с экземплярами первых веков н. э., чем с типами IV—III в. до н. э. Очевидно, серьги принадлежат последним векам до н. э., не позже I в. н. э., хотя основной признак позднего времени — наличие камней — здесь отсутствует.³ Две серьги того же типа, но оканчивающиеся головками львов и отличающиеся менее совершенной выделкой, были найдены в том же 1867 г., вероятно, в ограбленных могилах (Исторический музей, № 1/1437). Судя по выполнению дужки и наличию характерной орнаментации, одна из них, во всяком случае, принадлежит эпохе эллинистической. Все остальные имеющиеся в наших музеях золотые серьги из некрополя Танаиса представляют простые проволочные серьги без орнаментации.⁴

Рис. 22. Золотая серьга с подвеской в виде фигурки Ники из урны № 3 (Эрмитаж).

Золотых браслетов найдено немного; кроме одного, тип которого не поддается определению в силу плохой сохранности, все они принадлежат к типу проволочных браслетов, с концами, спиралевидно закрученными вокруг стержня. На некоторых нанизаны бусы.⁵

¹ МАР, вып. 34, табл. к статье Е. М. Придика, VII, 6 и 7.

² Ср.: Marshall, Catalogue of Jewellery, табл. XXXI и LII, стр. 184 сл. и 285 сл. Большое количество серег указанного типа из находок в колониях Северного Причерноморья воспроизведено в отчетах о раскопках, напечатанных в различных выпусках ИАК, ОАК, ДБК и в других общих публикациях материала юга СССР. Ближайшая аналогия нашим — ДБК табл. VII, 3 (из Фанагория).

³ Ср. серьги, изданные у Маршалла (ук. соч., табл. LII, 2442—2443, I—II вв. н. э.); они впрочем, сложнее и богаче наших; также серьги с головками дельфинов, 2426—2427 и 2430—2431 на той же таблице. Упрощенность орнаментации наших серег, при очень хорошей работе, затрудняет точную их датировку.

⁴ Характерный образец — в погребении № 19/1908 г.: ОАК за 1908 г., стр. 127, рис. 184, сверху, и у нас на рис. 7.

⁵ См. то же погребение и тот же рисунок (ниже серег).

Очень характерны нашивные бляшки и нашивки — штампованные, из тонкого листового золота, обычно вырезанные по контуру. Представленные типы воспроизведены на рис. 23. Наличие таких бляшек представляет новую общую черту некрополей Танаиса и Прикубанья: очевидно также и в Танаисе был широко распространен обычай украшать бляшками одежду или покрывало погребенных. Отметим, что некоторые из танаидских бляшек совершенно идентичны кубанским.¹

От погребальных венков, очевидно, распространенных в богатых погребениях, остались только отдельные листочки. В одном случае² сохранилась налобная лента.

Остальные золотые изделия представляют различного рода подвески, пронизы, мелкие бусы. Среди них характерны типичные для первых веков н. э. украшения, в которых золото комбинируется с цветными камнями (халцедон, сердолик, яшма и т. д.); иногда камни заменены стеклом или стеклянной пастой. Образцы такого рода украшений имеются, например, все в том же неоднократно упоминавшемся у нас погребении № 19 1908 г. (рис. 7). Наконец, упомянем о маленьких удлиненных трубочках, иногда рубчатых, иногда гладких, из которых составлялись, как известно, сложные ожерелья.³

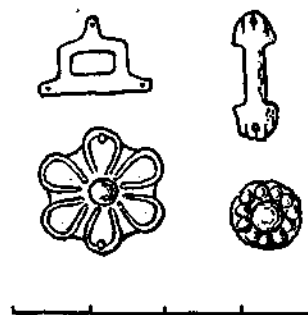

Рис. 23. Золотые нашивные бляшки (Эрмитаж).

По поводу перечисленных в представленном перечне категорий золотых изделий сказать можно лишь очень немного. Мастерские, производившие эти изделия (или, во всяком случае, большинство их), находились, несомненно, в пределах Боспорского царства: новым подтверждением этого мнения является, как мы видели, недавняя находка штампа. Но привезены ли найденные в Танаисе украшения из центральной части Боспора, или Танаис имел свои ювелирные мастерские, — сказать трудно.⁴ Следует отметить, что самые типы являются античными и были широко распространены также и в других районах вне Причерноморья; в этой области искусства колоний Северного Причерноморья в рассматриваемое сравнительно позднее время господствуют античные традиции. Черты местной культуры проявляются, таким образом, в данном случае не столько в характере вещей, сколько в обилии золота в богатых погребениях, в стремлении к роскоши, к блеску погребального убора; центральным областям античного мира такие тенденции были несомненно чужды. Что касается дати-

¹ Ср., например, бляшки в виде розеток, изображенные у нас на рис. 23 и в ОАК за 1895 г., рис. 94 на стр. 73, третий ряд, справа (станция Некрасовская).

² Погребение № 19 1903 г., рис. 7.

³ Ср.: Marshall. Catalogue of Jewellery, табл. LVI, 2694 и 2699.

⁴ Напомню, что производство золотых изделий в том же районе, но в более раннее время, является весьма вероятным, см.: Т. Н. Книпович. Опыт характеристики городища у станции Елизаветовской, стр. 177.

ровки имеющихся изделий, то большинство их принадлежит эллинистической эпохе, начиная со второй половины III в. до н. э., но и к первым трем векам н. э. относится целый ряд предметов (гривна из могилы, открытой в 1908 г. Смычковым; трубчатые пронизи от ожерелий; прорезные бляшки; подвески с цветными камнями и т. д.). Делать из факта преобладания в наших коллекциях материала эллинистической эпохи какие-либо общие выводы нельзя — материал, в значительной своей части представляющий забытые или потерянные грабителями вещи, слишком случаен.

Изделия из серебра крайне малочисленны. Найдено было несколько серебряных сосудов, но из них в состоянии, дающем представление о форме, сохранился только один — маленькая и низкая чашечка с округлыми стенками и дном из раскопок Н. И. Веселовского в 1908—1909 гг.; находится в Эрмитаже (ТН 394). Она отличается изящной и тонкой выделкой; орнаментирована концентрическими кругами, врезанными и рельефными. Кроме сосудов, имеется ряд браслетов и серег; формы их повторяют уже встречавшиеся нам среди украшений бронзовых и золотых.¹ Имеющиеся перстни принадлежат все типам последних веков до н. э. и первых веков н. э.²

Из числа металлических изделий заслуживает упоминания также найденная в 1870 г. в городище свинцовая гиля (Эрмитаж, ТН 137) обычной четырехугольной формы, весом в 205 г; на одной ее стороне, в центре какое-то неясное изображение в круге.

Довольно часты в мужских погребениях находки предметов вооружения. К сожалению, большинство их найдено в очень фрагментарном состоянии, что лишает нас возможности представить описание встречающихся типов. Из мечей хорошо восстанавливается только один тип — обычный для первых веков н. э. сравнительно короткий меч с прямой крестовиной и кольцеобразным навершием.³ Более сложную форму имел, повидимому, один из мечей из раскопок 1908—1909 гг., обломки которого хранятся в Эрмитаже: здесь рукоятка снабжена округлыми выступами. Наконечники копий имеют узкое лезвие и длинную, расширяющуюся книзу втулку (размеры сохранившегося лучше других наконечника: длина 0.30 м, втулка 0.12 м). Наконечники стрел все железные, трехгранные; исключение представляют два уже упоминавшихся бронзовых наконечника архаического типа. Характерны чешуйчатые панцыри; чешуйки все с трех сторон обрезаны прямолинейно, с четвертой округло, подобно чешуйкам некоторых кубанских панцырей.⁴ Следует вообще отметить

¹ Браслеты принадлежат двум типам — типу проволочного браслета с концами, закрепленными спиралевидными оборотами (рис. 17а, также погребение 19/1908 г., рис. 7) и типу браслета с плоскими концами, орнаментированными вдавленными точками (рис. 17б, а); серьги аналогичны золотым серьгам из погребения № 19/1908 г. или представляют простые дужки.

² Представлены типы, аналогичные воспроизведенным у Маршалла (Catalogue of the Finger Rings, табл. XII, 391 и 405; табл. XIV, 475).

³ Меч такой формы изображен у Рау (Hügelgräber Römischer Zeit an der unteren Wolga, стр. 29, рис. 33 А).

⁴ Ср.: Э. Э. Ленц. Описание оружия, найденного в 1901 г. в Кубанской области. ИАК вып. 4, стр. 125.

сходство оружия Танаиса с оружием все того же Прикубанья, на родство которого Танаису нам уже не раз приходилось указывать.¹

Перечень металлических изделий из Танаиса заключив указанием на многочисленные находки простейших изделий — скобок, скреп, гвоздей и т. д., преимущественно железных, реже бронзовых.

Из других групп материала к числу особенно многочисленных относится, как и везде, керамика. Начнем с групп привозных. Самыми ранними категориями привозной керамики, представленной в Недвиговском городище и некрополе, являются эллинистическая керамика, покрытая тусклым коричневым лаком, и так называемые „мегарские чашки“. К первой из этих двух групп относятся обломки типичного эллинистического канфара, найденные в 1908 г. в могиле № 20 (Эрмитаж, ТН 246); судя по сохранившейся нижней части и по обломку ручки, канфар имел форму, близкую двум ольвийским канфарам, изданным в отчете Фармаковского за 1901 г.;² к той же группе относится и ряд обломков, найденных в 1928 г. на поверхности городища и по осыпям.³ Все эти обломки принадлежат сосудам малоазийского, скорее всего пергамского производства, и все относятся к концу III и II вв. до н. э. Тем же временем датируются представленные недвиговскими находками типы „мегарских чашек“. Группа эта довольно хорошо представлена среди недвиговских находок; образцы найденных в Танаисе мегарских чашек изображены на рис. 24. В некрополе при раскопках 1908—1909 гг. был найден ряд фрагментов, принадлежащих не менее чем шести сосудам данной группы.⁴ Из них пять относятся к более поздней категории чашек, о чем свидетельствует разнообразие форм:⁵ они датируются, очевидно, уже II в. до н. э. (рис. 24, а, б). Только один (ТН 267—268, рис. 24, в) может принадлежать еще III в.⁶ Кроме мегарских чашек, происходящих из могил некрополя, целый ряд обломков был найден также и на городище. Орнаменты всех упомянутых экземпляров встречаются аналоги, иногда очень близкие, среди изданного материала.⁷ Но интересно, что по своим техническим особенностям большая часть найденных в Танаисе мегарских чашек составляет единую группу, несходную с мегарскими чашками, находимыми в других местностях, в том числе в других

¹ Ср.: Н. И. Веселовский. Курганы Кубанской области в период римского владычества на Северном Кавказе, стр. 13—15.

² ИАК, вып. 8, рис. 32 (стр. 33) и 34 (стр. 39).

³ Два из них изданы в „Опыте характеристики городища у ст. Елисаветовской“, рис. 58, 4 и 5.

⁴ Находятся в Эрмитаже: ТН 265, 266, 267, 268, 269, 270, 281.

⁵ Ср.: F. Courby. Les vases grecs à reliefs, Париж, 1922, стр. 397; форма — рис. 47, 2.

⁶ Courby, ук. соч., стр. 362; форма — рис. 47, 1.

⁷ Особенно у Курби (ук. соч.): ТН 265 имеет орнамент, аналогичный воспроизведенным на табл. IX *bd*, XII, 14; ТН 266 — табл. XII, 8 и XXX, 24; ТН 270 сходен, хотя не идентичен в орнаментации два с орнаментами на табл. XV; вроты и гирлянды ТН 263 аналогичны изображенным на стр. 319, рис. 72, 36; ТН 269 совершенно идентичен обломку, найденному в ОАК за 1878—1879 гг., стр. 173; имя мастера (Διμήτριου) приведено у Курби, стр. 393.

поселениях Северного Причерноморья. За немногими исключениями, представленные в Танансе мегарские чашки сделаны из серой глины, содержащей частицы слюды и иногда известняка. Эта глина близко напоминает глину распространенной на Боспоре в эллинистическое и римское время керамики простой и иногда снабженной так называемой акварельной росписью; боспорское происхождение этой керамики является вероятным, а иногда и бесспорным. В силу этого также и мегарские чашки Танаиса естественнее всего считать продукцией Боспора.

Распространенной группой посуды состоятельных слоев населения Танаиса была в первые века н. э. так называемая краснолаковая керамика. Имеющийся в наших собраниях материал дает возможность установить импорт этой керамики в течение всего римского периода, с I по IV вв. н. э. Вся привозная краснолаковая керамика Танаиса представляет изделия мастерских восточно-греческих, очевидно малоазийских центров. Итальянской керамики среди рассмотренного мною материала нет вовсе — вероятно, импорт итальянской керамики в Танаисе действительно или отсутствовал совсем или имел минимальные размеры: это тем более вероятно, что в находках из поселений Боспора, даже из крупнейших его городов, экземпляры итальянской керамики представляют исключение.¹

Типы представленной в Танансе краснолаковой керамики изображены на рис. 25 и 26. Эти рисунки требуют некоторых пояснений.

Мы должны, прежде всего, отметить присутствие здесь образцов, принадлежащих еще I в. до н. э. Это — два обломка сосудов (Эрмитаж, ТН 248 и № 39/180), украшенные орнаментом, исполненным по глазури белой краской, у ТН 248 — также резьбой. Оба эти обломка принадлежат группе, представляющей переход от поздне-эллинистической чернолаковой керамики к керамике краснолаковой.

Рядом экземпляров представлено начало I в. н. э. Из них три (№№ 39/101, 39/107, 39/109) принадлежат типам малоазийских (скорее всего пергамских) канфаров начала I в. н. э.:² у одного из них (№ 39/101) характерная для данной группы ручка,³ у другого (№ 39/107) не менее типичный орнамент в технике барботина. Тому же времени и центру принадлежит фрагментированная чашечка из раскопок Н. И. Веселовского 1908—1909 гг. (ТН 239; рис. 25, 7); несомненно, это ранняя разновидность типа, подобного типу 22-му из ближайшего к Пергаму местечка Чандарли (Tschandarli).⁴ Ближнему времени принадлежат

¹ В Ольвию итальянская керамика ввозилась (Т. Knipowitsch, Die Keramik römischer Zeit aus Olbia in der Sammlung der Ermitage. Materialien zur römisch-germanischen Keramik, IV, Frankfurt a/M., 1929), ввозилась и в Херсонес. Тем более останавливает внимание почти полное отсутствие итальянской керамики в собранных на Боспоре находках, среди которых имеется много образцов краснолаковой малоазийской керамики; до сих пор мне известен только один экземпляр итальянского сосуда, найденный в 1937 г. в Мирмекии. Впечатление мое основано на просмотре всего материала не только Эрмитажа, но и музеев Керченского, Таманского, Темрюкского, также материала Таманской экспедиции ГАИМК 1930—1931 гг.

² Knipowitsch, ук. соч., вторая малоазийская группа С, стр. 21 сл., табл. I, 12—18 и табл. IV, 4.

³ Knipowitsch, ук. соч., табл. I, 15 и 18.

⁴ S. Loeschcke, Sigillata-Töpferelen in Tschandarli. AM, XXXVII (1912), табл. XXVIII, 22.

и два типа чашечек, воспроизведенные на рисунке 25, 2 (по обломку из собрания музея в Ростове на Дону) и на рис. 25, 3 (по обломку № 39/100).

Остальные изображенные на рисунках 25 и 26 типы принадлежат более позднему времени. Большая часть их повторяет типы, хорошо известные по находкам Ольвии и Боспора, в чем легко убедиться, сопоставляя, например,

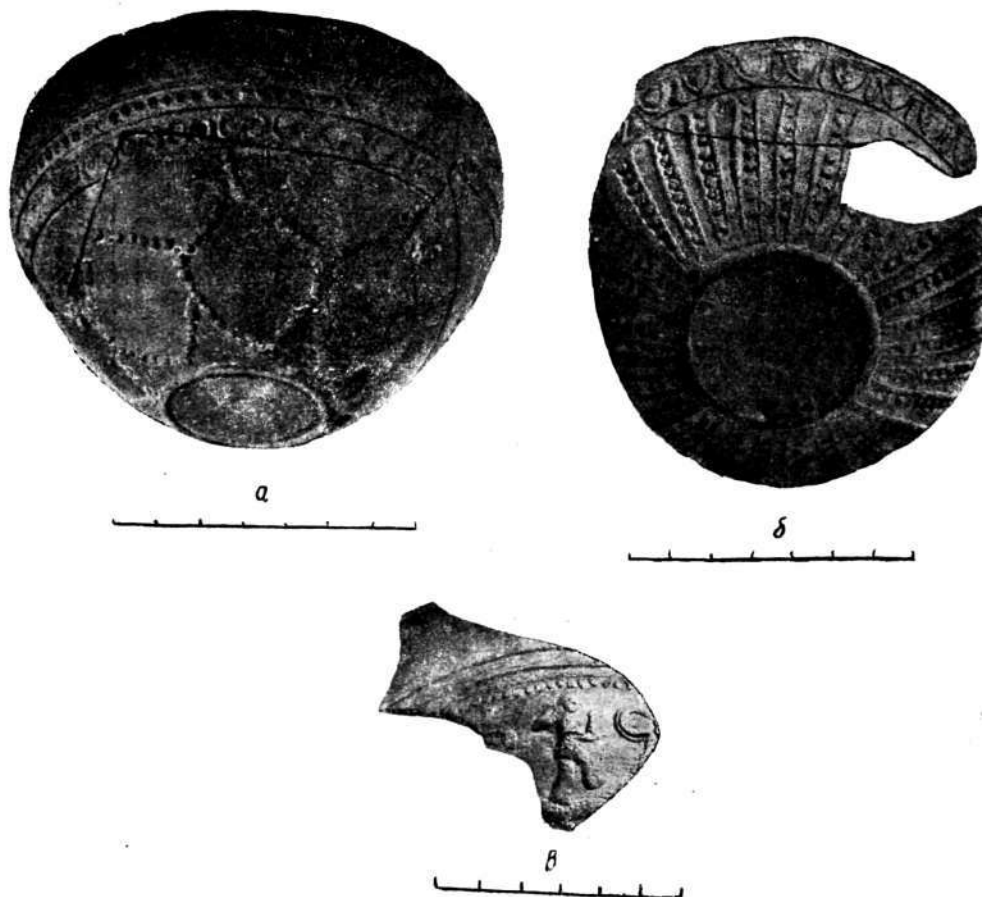

Рис. 24. Образцы „мегарских чашек“ (Эрмитаж).

наши типы с ольвийскими типами эрмитажной коллекции; есть в Танаисе и такие типы, которые среди изданных ольвийских находок не встречаются (например, рис. 25, 5; рис. 26, 5 и 6). Я не буду здесь давать полного перечня и описания представленной в Танаисе краснолаковой керамики. Остановлюсь лишь на некоторых моментах. Прежде всего, интересно обилие распространенных в Танаисе типов и разновидностей типов: оно особенно бросается в глаза, если сравнить недвиговские находки этой группы с находками той же керамики из других поселений района нижнего Дона (например, из городищ Кобякова или Гниловского), где постоянно повторяются одни и те же излюбленные

формы. Далее, следует отметить, что материал этот включает образцы I, II и III вв. н. э. в значительном количестве и единичные экземпляры IV в.: принадлежащие IV в. типы, изображенные на рис. 26, 5 и 26, 6, представлены первый двумя экземплярами, второй — одним. Было бы, конечно, рискованно

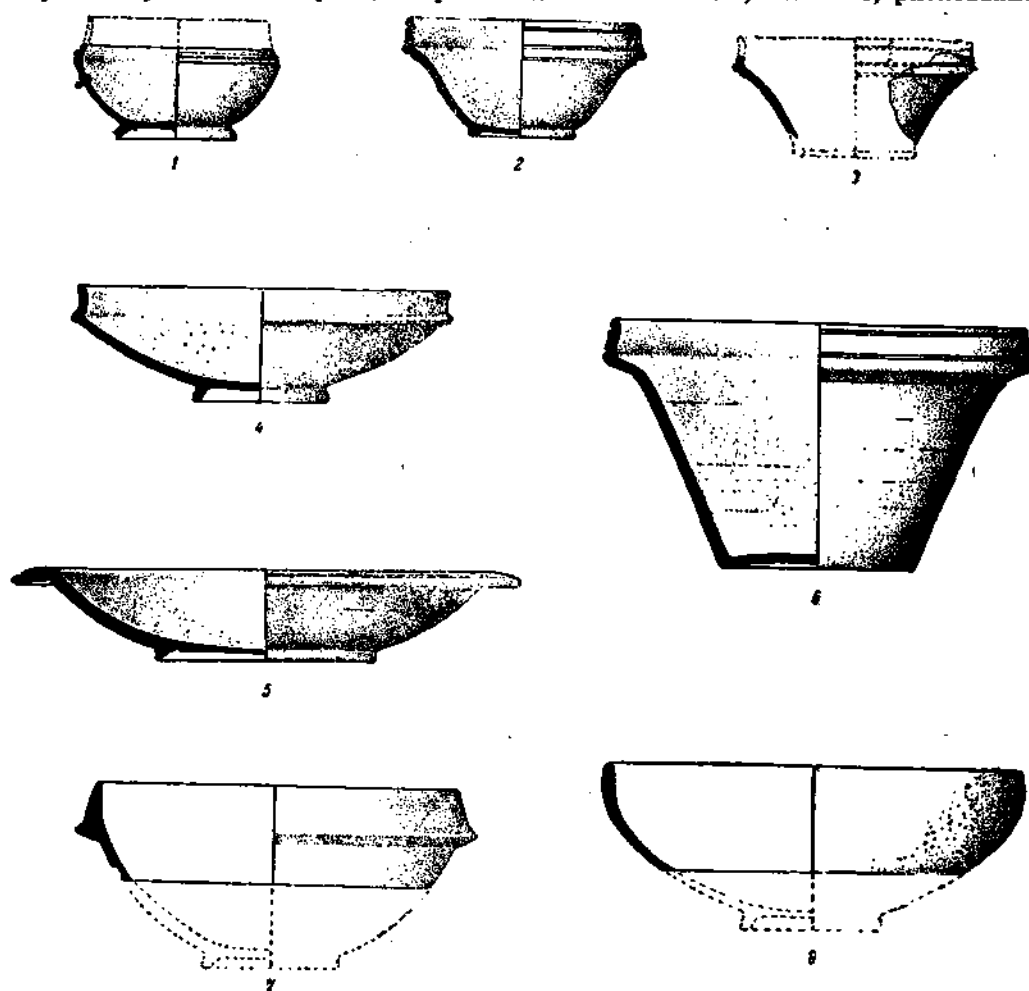

Рис. 25. Типы краснолаковой керамики.

делать сколько-нибудь уверенные обобщения на основании материала, добытого при настолько случайных обстоятельствах. Но при подведении итогов всему просмотру материала мы учтем и эти наблюдения.

К группе привозной керамики относится и большая часть найденных в Недвиговском городище светильников.¹ Эллинистическому времени принадле-

¹ Для Танаиса эти светильники были, во всяком случае, привозными, поскольку их глина не имеет ничего общего с характерной глиной области Придонья. Вообще же вопрос о месте производства многих групп светильников эллинистического и римского времени разработан весьма недостаточно; неясной остается, в частности, локализация так называемых южнорусских групп.

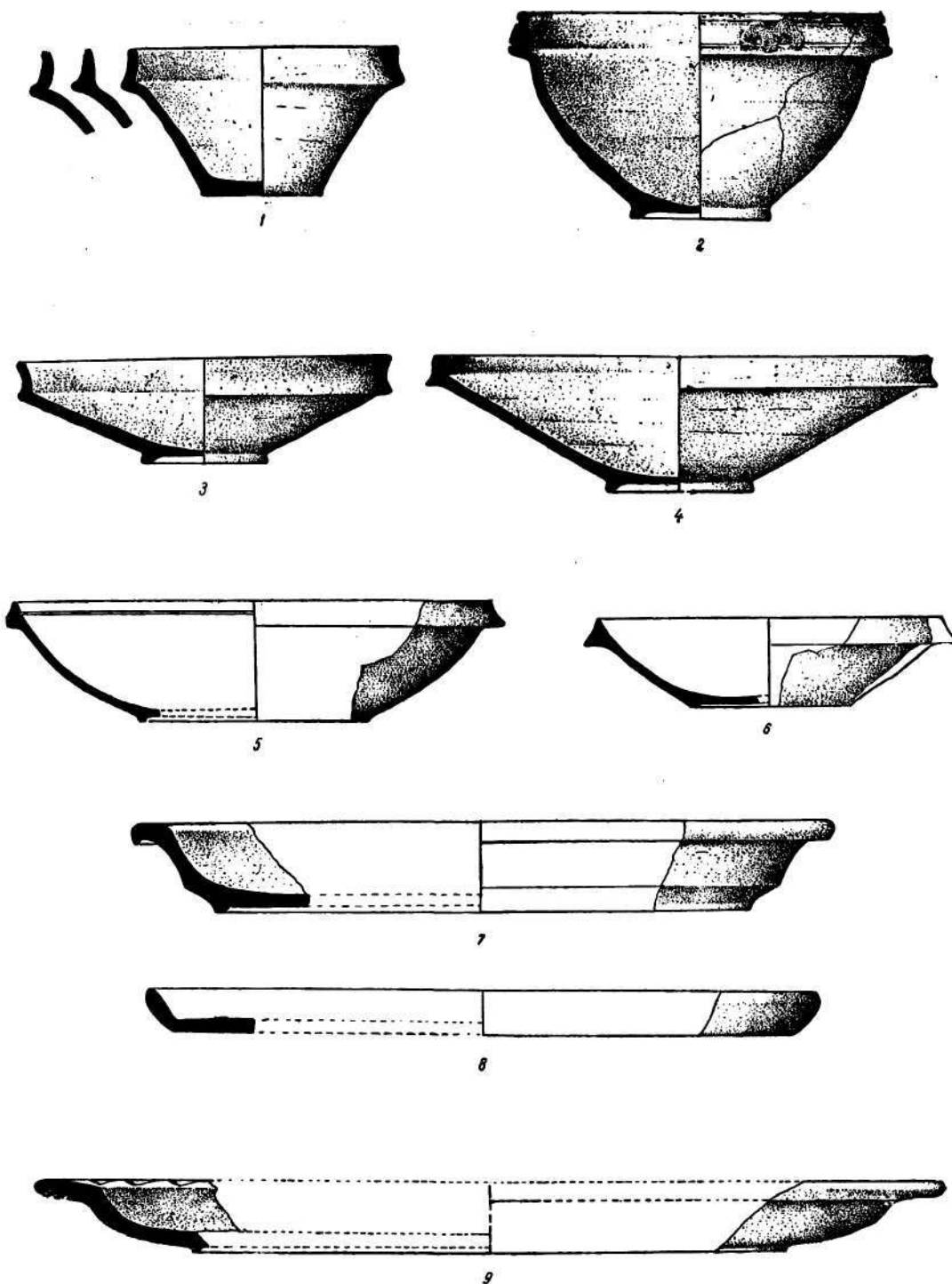

Рис. 26. Типы краснолаковой керамики.

жит очень небольшое количество экземпляров: это, прежде всего, фрагмент светильника с головой в остроконечной шапке (Эрмитаж, ТН 142, рис. 27)¹ и два фрагмента, найденные при разведочных работах 1928 г.² Судя по техническим особенностям, все они представляют скорее всего изделия боспорских мастерских. Остальные светильники принадлежат римскому времени. Среди них преобладает тип „южно-русских светильников с сердцевидным или круглым

Рис. 27. Светильник из раскопок 1870 г. (Эрмитаж).

рожком“, относимый О. Ф. Вальдгауером к III в. н. э.;³ частые находки таких светильников вместе с материалом первых веков н. э. заставляют отодвинуть начало производства этого типа, во всяком случае во II в., если даже не в конце I в. н. э. Четыре светильника⁴ близки типу, обозначенному у Вальдгауера Д-З и датируемому III в. н. э.⁵ Наконец, один⁶ совершенно идентичен светильнику в руках человеческой фигуры, изданной на табл. XVIII, 507 у Вальдгауера. Статуэтка эта найдена в Италии; тип светильника определен как „поздний“, „христианского времени“ (IV век?).

Хорошо представлена среди недвиговских находок группа остродонных амфор. В Эрмитаже имеется всего 12 амфор, все из раскопок Леонтьева в 1853 г.; к ним присоединяется еще ряд целых или почти целых амфор, хранящихся в музеях Ростова на Дону и Новочеркасска. Особняком во всей этой серии стоит родосская амфора конца III — начала II в. до н. э. (Эрмитаж, ТН 87, рис. 2) с круглыми клеймами на обеих ручках: это единственная найденная в Недвиговском городище целая амфора эллинистической эпохи. Все остальные амфоры⁷ принадлежат первым векам н. э. Большинство их (образцы

их см. рис. 28 А, а, б, в,) очень близко между собой по типу и представляет небольшие сосуды (выс. от 0.37 до 0.42 м) с туловом яйцевидной формы,

¹ Издан у О. Ф. Вальдгауера (Античные глиняные светильники, табл. VIII, 95).

² Один из них воспроизведен в „Опыте характеристики городища у станицы Елисаветовской“ (стр. 194, рис. 58, 1).

³ Вальдгауер, ук. соч., стр. 51, табл. XXXV—XXXVII.

⁴ Исторический музей: два из серии светильников, найденных в 1853 г. № 672, два из раскопок 1867 г., №№ 42/1458 и 43/1458.

⁵ Ук. соч., табл. XXXVIII, 387—390 и III, 551; стр. 51.

⁶ Исторический музей, также из серии № 672, 1853 г.

⁷ В Эрмитаже к числу таких амфор относятся ТН 68—75.

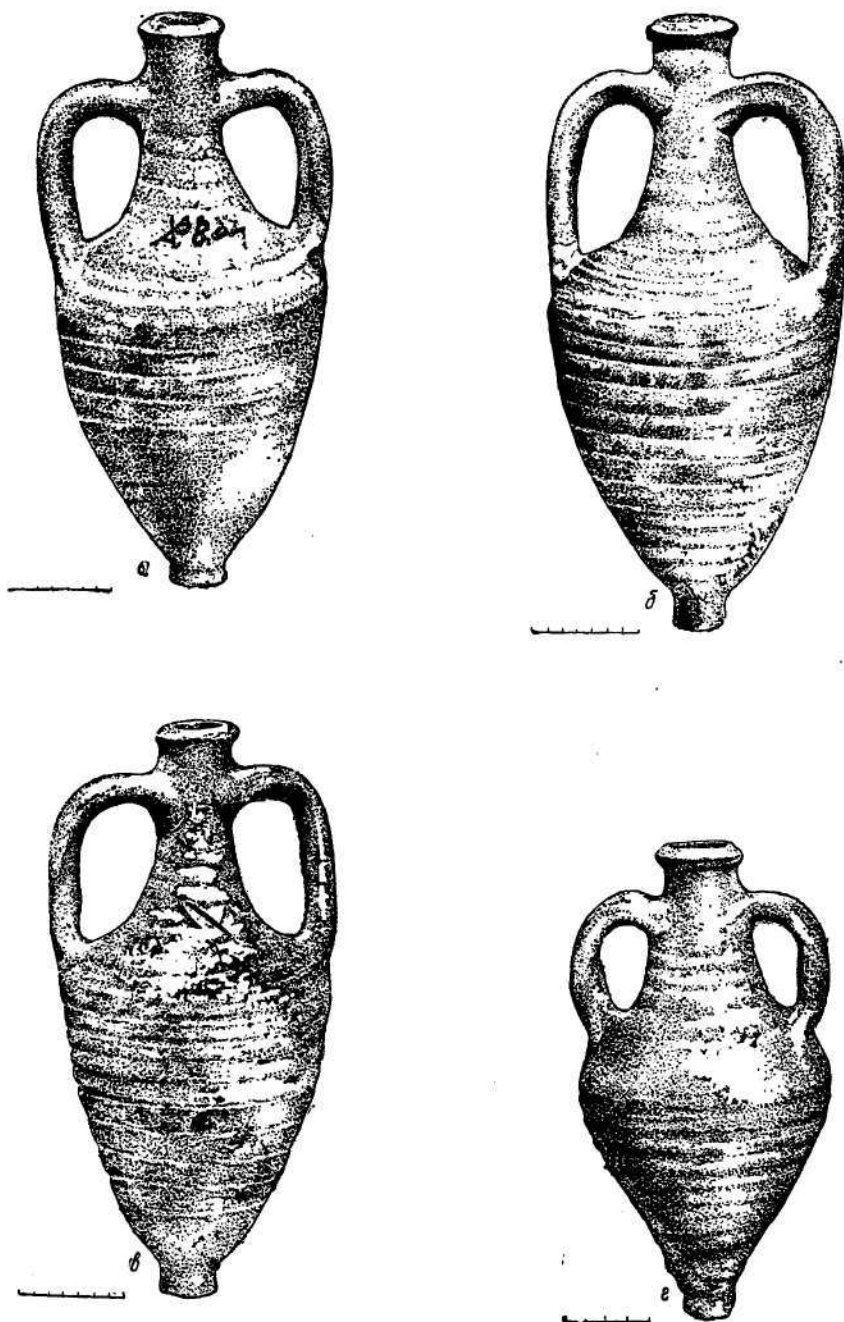

Рис. 28 А. Остродонные амфоры III в. н. э. из раскопок 1853 г. (Эрмитаж).

узким, расширяющимся книзу горлом и далеко отстоящими от тулова реберчатыми ручками; на поверхности поперечные желобки; почти у всех на плечах красные буквы или знаки, о которых у нас была уже речь выше (рис. 29). Одна из находящихся в Эрмитаже амфор (ТН 76, рис. 28 А, 2) принадлежит тому же типу, но отличается значительно меньшими размерами (выс.

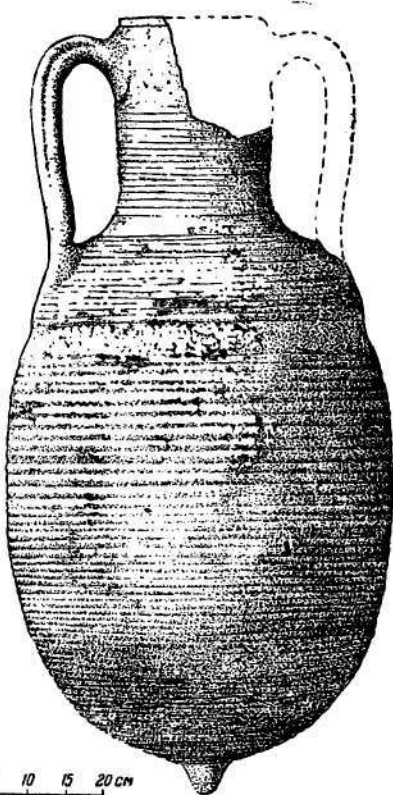

Рис. 28 Б. Остродонная амфора III—IV вв. н. э. из раскопок 1853 г. (Эрмитаж).

около 0.24 м). Амфоры данного типа принадлежат концу II и III вв. н. э., что засвидетельствовано многочисленными находками обломков краснолаковой керамики и стеклянной посуды указанного времени вместе с фрагментами таких амфор. Иную форму имеют и, очевидно, принадлежат более позднему времени две большие амфоры, также найденные в 1853 г. (Эрмитаж, ТН 66 и 67). Это большие (выс. 0.93 и 0.97 м) сосуды с заостряющимся дном и массивными ручками; амфора ТН 66 имеет узкое горло, гладкие стенки, овальное тулово; амфора ТН 67 (рис. 28 Б)—горло более широкое, тулово более вытянутое; поверхность ее вся покрыта поперечными желобками.¹ Оба сосуда (особенно амфора ТН 67) близки амфоре из Мирмекия, изданной О. Э. Ланговой,² а также амфоре того же типа из Харакса.³ Как и два указанных сосуда, они принадлежат концу III—IV в. н. э.

Кроме перечисленных целых сосудов, мы имеем также значительное количество фрагментов амфор. Особенно интересна коллекция фрагментов с клеймами — главным образом на ручках, реже на горлышках.⁴ Преобладают клейма родосские, второй половины III и II в. до н. э.; значительно меньше экземпляров „астиномных“

¹ Воспроизведена в „Извлечении из всеподданнейшего отчета“, стр. 101, рис. 47.

² О. Э. Ланговая. Позднеримская амфора из Мирмекия. СА, VII, стр. 289, рис. на стр. 290.

³ В. Д. Блаватский. Раскопки Харакса в 1931, 1932 и 1933 гг. ВДИ, № 2 (3), 1938, стр. 327—323.

⁴ Большая часть их издана у Е. М. Придика (Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Пгр., 1917. Сводка материала из Недвиговки помещена на стр. 188).

синопских;¹ единичны находки „эпиграфических“, т. е., по определению Б. Н. Гракова, гераклеиских клейм.² Несомненным является, таким образом, факт оживленных торговых сношений Танаиса эллинистической эпохи с Родосом. Родос отодвигает в данный момент на второй план все другие

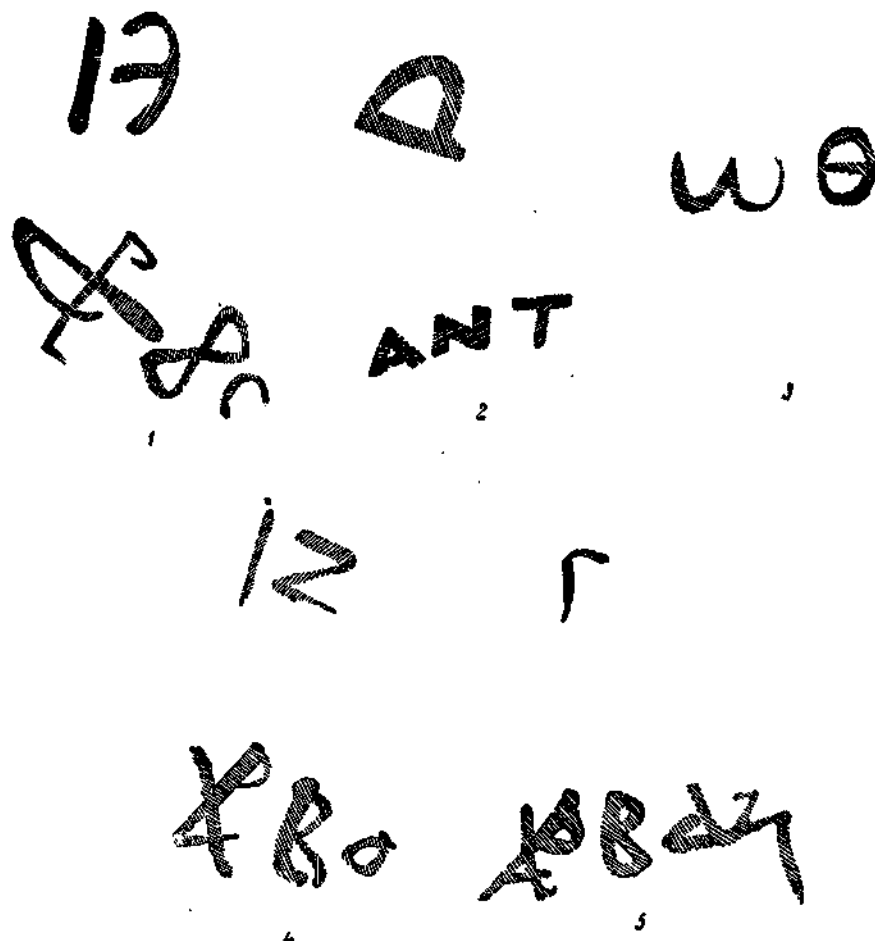

Рис. 29. Надписи на амфорах римского времени.

центры, хорошо представленные в той же области в несколько более раннее время. Наконец, три обломка (Эрмитаж, ТН 65, ТН 124 и ТН 307) принадле-

¹ Б. Н. Граков. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. РАНИОН М., 1928. — В изданной в 1935 г. неоднократно упоминавшейся моей работе о Елисаветовском городище я высказывала неуверенность в правильности точки зрения Б. Н. Гракова о синопском происхождении данной группы амфор. В дальнейшей моей работе над материалом из раскопок я вполне убедилась в обоснованности мнения Б. Н. Гракова, заявить о чем считаю своим долгом.

² Б. Н. Граков. Эпиграфические клейма на горлах некоторых эллинистических остроногих амфор. Труды Гос. Исторического музея, т. I, М., 1926, стр. 165—206.

жат амфорам римского времени с рельефными клеймами на горле.¹ Следует отметить, что на эту группу амфор с клеймами до настоящего времени обращалось как-то особенно мало внимания; невыясненным остается и центр их производства.

Мы можем, далее, установить также и в Танаисе данной эпохи наличие той группы простой красноглиняной и сероглиняной керамики боспорского производства, которую мы встречали в Елисаветовском городище.² В Недвиговском городище эта группа представлена меньшим количеством находок,

a

б

Рис. 30. Боспорская керамика. Типы кувшина и энохой (Эрмитаж).

Рис. 31. Боспорская керамика. Кувшин (Эрмитаж).

чем в Елисаветовском; едва ли, впрочем, это отражает действительно малое распространение боспорской керамики в Танаисе — как раз простые сосуды не привлекали внимания прежних раскопщиков. Среди имеющихся в наших коллекциях экземпляров некоторые безусловно связаны по типу с елисаветовскими; таковы наиболее распространенный в нашем материале тип кувшина (рис. 30, а и 31),³ также тип миски с носиком и ручкой (рис. 32).⁴ Здесь, впрочем, эти типы приобретают особенности, свойственные более позднему

¹ Изданы в ДБК, т. II, стр. 338, 58, 59 и у Е. М. Придика: ук. соч., стр. 122 (22) и 123 (75); в последнем случае ошибочно вместо Танаиса указан Таманский полуостров. — Обломки амфор с аналогичными клеймами были найдены при расследованиях 1933—1940 гг. некрополя городища у станицы Гвиловской. См.: Памятники древности на Дону, I. Ростов н/Д, 1940, стр. 34, рис. 2.

² Опыт характеристики..., стр. 148.

³ Там же, стр. 147, рис. 39 и стр. 149, рис. 40.

⁴ Там же, стр. 151, рис. 42.

времени.¹ Кроме кувшинов с круглым устьем, представлена форма энохой (рис. 30, б); имеется один маленький, расширяющийся книзу горшочек. Вероятно, к числу боспорских изделий следует также отнести три светильника эллинистического типа; об одном из них (ТН 142, рис. 27) у нас уже была речь выше, два других² родственны ему по типу, но имеют форму более простую. Близость формы, также некоторые характерные детали (налепные кружки) делают вероятной принадлежность всех их одному производственному центру, хотя технически светильник ТН 142 и лучше двух других. Наконец, к той же группе боспорской керамики принадлежат и большие сосуды, служившие погребальными урнами, о которых уже была речь выше.

Если все рассматривавшиеся до сих пор группы найденной в Танаисе керамики принадлежали к числу групп, ближайшим образом связанных с античной посудой, то совсем иное впечатление производят две оставшиеся группы — лепная местная керамика и керамика „лощенная“: это группы местные, в которых доминирующими являются черты негреческие, возникшие именно на почве юга СССР.

Рис. 32. Боспорская керамика. Миска с ручкой и носиком (Эрмитаж).

Та группа лепной керамики, которая представлена находками в Недвиговском городище, является прямым и непосредственным продолжением керамики, о которой мне приходилось много говорить в работе о Елисаветовском городище. Там мы могли уловить самый момент создания этой группы в том виде, в каком мы ее находим во всех охваченных колонизацией районах. Мы видели, что грубость и примитивность ее выделки есть явление, так сказать, вторичное, эти черты возникли в результате порчи качества местной посуды, не выдержавшей конкуренции с более совершенной привозной античной керамикой. Мы убедились там в наличии целого ряда элементов, сохранившихся у лепной керамики античной эпохи от групп более ранних и являющихся

¹ К числу деталей позднего времени следует, повидимому, отнести ручки, прикрепленные верхним концом не к венчику кувшина, а несколько ниже; поддающиеся датировке комплексы с местными сосудами, имеющими данную деталь, принадлежат все последним векам до н. э. — первым векам н. э. (Ср.: ИАК, вып. 8, табл. V, №№ 45—47, 49). Характерны для более поздних сосудов также витые ручки; отличия наблюдаются в общих очертаниях туловища.

² Оба найдены в 1853 г. и входят в уже упоминавшуюся нами серию, обозначенную № 672 (в Историческом музее).

доказательством непрерывности той линии развития, которая идет от эпохи доскифской через периоды скифский и сарматский.

Тот крайне немногочисленный материал этой группы, который у нас имеется в результате исследований Недвиговского городища (ряд сосудов из раскопанных Н. И. Веселовским погребений; ряд обломков, собранных на территории городища экспедициями ГАИМК и Ростовского музея), характеризует следующую ступень в развитии этой группы. Как и в елисаветовских находках верхнего слоя, глина здесь грубая, плохо промытая, выделка сосудов небрежная, и вся эта керамика производит впечатление грубой кухонной утвари, а не той тщательно и хорошо выделанной посуды универсального назначения,

Рис. 33. Горшки лепные (Эрмитаж).

которую мы встречаем в „архаических“ слоях поселений нижнего Дона; более того, здесь это впечатление еще ярче, чем от керамики Елисаветовского городища. Орнамент, в Елисаветовском городище встречающийся на большинстве сосудов, здесь представляет почти исключение — большая часть сосудов не украшена ничем. Типы, даже разновидности типов повторя-

ются с большим однообразием. Преобладавший и в Елисаветовском городище тип горшка с отогнутым наружу венчиком (елисаветовский тип I) является здесь чуть ли не единственным типом простого горшка; этот тип здесь несколько изменен (см. рис. 33) — резче, почти под углом отогнут венчик, бока менее округлы, как бы сдавлены; профилировка и верхней и нижней части упрощена — так, выступ стенок у самого дна, обычный у данного типа в „архаических“ культурах и нередко встречающийся и в елисаветовских находках, в материале Недвиговского городища не попался мне ни разу. Из других елисаветовских типов продолжает существовать и в это время тип простой чашки, с прямыми, расходящимися кверху стенками; на найденной в 1908—1909 гг. чаше ТН 232 стенки украшены процарапанным орнаментом ломаной линии (рис. 34, в). Наряду с этими формами, встречаются и новые — простые „ладьеобразные“ светильники (рис. 34, б) с ручкой и без ручек и плоские чашечки на ножке — форма, свойственная позднему времени; среди последних интересна чашечка на трех ножках (Эрмитаж, ТН 294), найденная Н. И. Веселовским в одной из могил некрополя (рис. 34, а).

Интересно отметить, что при всех чертах крайней упрощенности этой лепной керамики здесь продолжают встречаться некоторые очень древние детали, как, например, маленькие выступы, заменяющие (или заменявшие

раньше) ручки, или рельефный поясок, охватывающий сосуд в месте перехода плеч в венчик.

Мы можем, таким образом, рассматривать эту группу, как по существу то же самое, что и елисаветовская лепная керамика: это тоже местная керамика, деградирующая под влиянием конкуренции импортной посуды; и в соответствии с более поздним временем, которому принадлежат находки Недвиговского городища, деградация ее здесь зашла дальше.

Нечто иное, хотя также чисто местное, представляет другая группа — так называемая лощеная керамика, т. е. керамика, поверхность которой подвергнута особому процессу полировки, „лощения“.¹ Эта „лощенная“ или „сарматская“ керамика представляет группу, которая в Танаисе в первые века н. э.

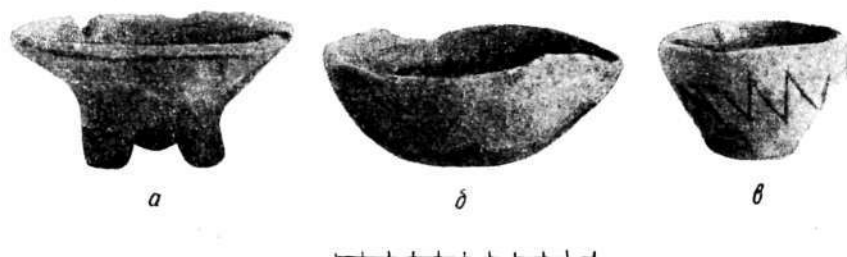

Рис. 34. Сосуды лепные. Чашки и светильник (Эрмитаж).

была особенно распространена. В коллекциях Эрмитажа и Исторического музея имеется сравнительно небольшое количество сосудов этой группы (ряд экземпляров из раскопок Веселовского в 1908 и 1909 гг. изображен на рис. 35, 36, 37 и 38); пополнить представление о встречающихся в Недвиговском городище типах дает возможность собранный на поверхности городища материал, имеющийся в ИИМК и в Областном краеведческом музее Ростова на Дону. Формы, представленные этим материалом, очень разнообразны. Здесь встречаются, прежде всего, различного рода кувшины с одной ручкой (рис. 35, а), реже без ручки (рис. 35, б) — то с круглым венчиком, то с венчиком, напоминающим греческие энохи, то широкогорлые, то узкогорлые; среди них есть сосуды с очень длинным горлом, сильно развернутым венчиком и низким округлым туловом, близко напоминающие некоторые из кавказских типов. Не менее распространены различного рода горшки без ручек. Особенно характерны горшочки почти сферической формы, со слегка отогнутым венчиком (Эрмитаж, ТН 285; рис. 36);² наряду с ними встречаются горшки с очертаниями более угловатыми. Из чашек или мисок наиболее распространена форма большой низкой миски, обычно плоскодонной, реже имеющей кольце-

¹ Этот процесс состоит в заглаживании поверхности горячим камнем или костью; происходящее при этом на поверхности сосуда оплавление силиката придает поверхности особую гладкость, блеск и более интенсивную окраску.

² Горшочки сходного типа имеются среди находок в области Нижней Волги; см.: П. Р. М. О. В. Суловский курганный могильник. Саратов, 1925, рис. 47, 58, 60.

образную подставку; характерными чертами этого типа являются отвесный бортик с горизонтальными желобками и скошенные стенки.¹ Типичными следует считать также одноручные сосуды в форме кружки с отогнутым под тупым углом венчиком; на сгибе обычно имеется рельефный поясок (Исторический музей, № 677).² Целыми или почти целыми экземплярами представлены еще следующие типы: тип сосуда с шаровидным туловом и длинным носиком, с орнаментом косых желобков на тулове и вдавленными колечками на плечах (Эрмитаж, ТН 262); тип чашечки на ножке с отвесными стенками (Эрмитаж,

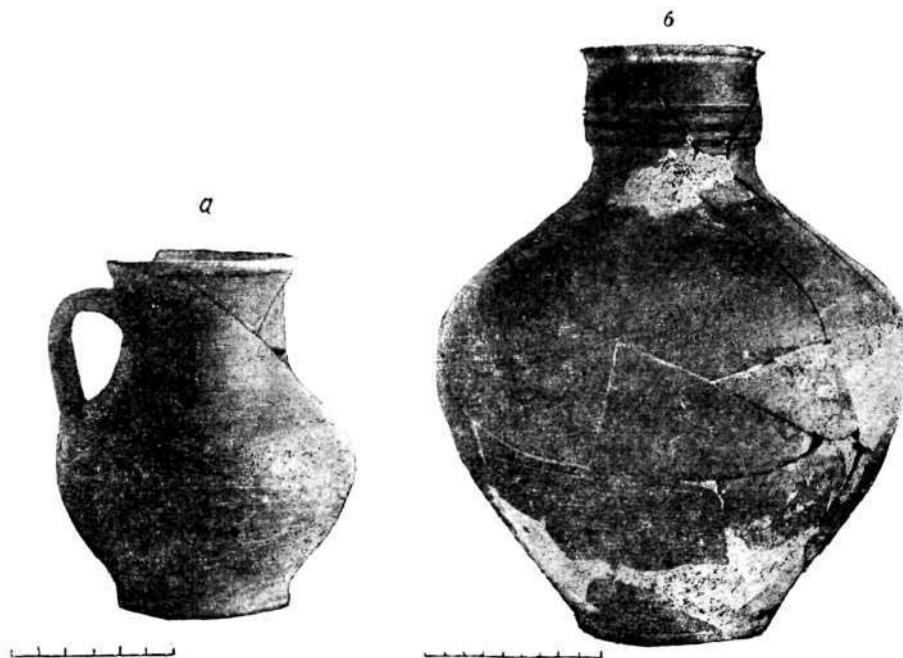

Рис. 35. Лощеная керамика. Кувшины (Эрмитаж).

ТН 144; рис. 37).³ В той же технике выполнен сосуд ТН 264 (рис. 38), относящийся, несомненно, к более позднему времени; о нем будет речь ниже.

Среди многочисленных обломков лощеной керамики, собранных на поверхности Недвиговского городища экспедициями ГАИМК и Ростовского музея, некоторые дают возможность дополнить наш перечень представленных в Танаисе типов или разновидностей типов. Мы встречаем здесь горшки с почти вертикальным горлом;⁴ плоские блюда с низкими отвесными стенками; сосуды, имитирующие, судя по сохранившейся верхней части, формы привозных красно-

¹ Форму см.: Рыков, ук. соч., рис. 43.

² Аналогичную форму имеют некоторые сосуды, найденные в области среднего Прикубанья, см.: Покровский. Городища и могильники среднего Прикубанья, стр. 29, рис. 23.

³ Ту же форму имеет чашечка из могильника № 2 станицы Пашковской, см.: Покровский, ук. соч., стр. 29, рис. 23.

⁴ Форма, как у Рыкова (ук. соч., рис. 37).

лаковых чашек или тарелок. Из уже упоминавшихся типов особенно распространенными были, повидимому, различного рода кувшины и миски с отвесным желобчатым бортиком. Использование в качестве орнамента рядов поперечных желобков является вообще характерной чертой группы.

В характере выделки между сосудами данной группы, объединенными нами по признаку лощения, нет полного однообразия. Большинство их сделано на гончарном круге; но ряд сосудов вылеплен от руки, правда, очень тщательно. Интересно, что и та, и другая техника выделки встречается у сосудов совершенно идентичных форм. Несомненно, что техника выделки лощеных сосудов на гончарном круге является более поздней, сменившей более раннюю и примитивную лепку от руки; но отмеченное нами сходство некоторых типов сосудов, изготовленных в разной технике, заставляет предположить, что в течение определенного отрезка времени оба способа существовали одновременно. Мы испытываем впечатление, что здесь перед нами — переходный период в производстве этой керамики, когда гончарный круг входит в употребление, но еще не везде.

Мы уже указывали, что материал, собранный на поверхности и по осыпям городища, свидетельствует о широком применении лощеных сосудов в обиходе

Рис. 36. Лощеная керамика. Шаровидный горшочек (Эрмитаж).

Рис. 37. Лощеная керамика. Чашечка на ножке (Эрмитаж).

Рис. 33. Лощеная керамика. Кувшин (Эрмитаж).

населения Танаиса. Следует к тому же учесть, что отбирались только те фрагменты, которые могут дать понятие или о форме сосуда, или о его орнаментации. При просмотре же на месте всех культурных остатков, усеивающих поверхность городища, количество лощеной керамики не может не остановить внимания; она безусловно и далеко превосходит все остальные группы, кроме,

может быть, амфор. Очевидно, в это время именно лощеная керамика становится той группой обиходной посуды, которая применяется во всех или почти во всех слоях населения, заменяя в значительной степени как керамику привозную из античных центров и Боспора, так и местные лепные горшки, в Недвиговском городище распространенные, повидимому, значительно слабее, чем в Елисаветовском. Этот факт заслуживает особого внимания. Рассматривая изделия из металла, мы уже имели возможность убедиться в существовании в Танаисе некоторых типичных местных категорий, как, например, маленькие зеркала наших типов 3—6. Лощеная керамика представляет группу того же рода, группу несомненно местную, возникшую в местной среде и отражающую местные вкусы.¹ наличие некоторых античных элементов, выражающихся главным образом в формах сосудов, имитирующих античные типы, не меняет дела; к тому же эти античные черты выражены в просмотренном материале крайне слабо.² Интересно, что ближайшие аналоги найденным в Танаисе лощеным сосудам встречаются все в тех же местностях, на которые нам уже неоднократно приходилось ссылаться, — это область среднего Прикубанья и область нижнего Поволжья, где мы встретили при рассмотрении представленных в Танаисе типов лощеной керамики целый ряд близких повторений.

Мы рассмотрели две наиболее многочисленные группы недвиговских находок — группу металлических изделий и группу керамики. Коснемся вкратце остальных групп найденного там же материала.

Сосуды из стекла были, повидимому, распространены в обиходе населения Танаиса гораздо меньше, чем металлические, и, особенно, глиняные. В собраниях Эрмитажа и Исторического музея имеется всего лишь несколько экземпляров данной категории посуды. Из них отметим обломки чашки сферической формы из прозрачного белого стекла с шлифованным орнаментом кружков и верен,³ II или III в. н. э.; чашка эта обращает на себя внимание прекрасной выделкой. Остальной имеющийся налицо материал состоит из рядовых экземпляров — двух бальзамариев, одного II—III, другого I в. н. э., нескольких обломков мелких флаконов и чашек.⁴ Ряд обломков стеклянных сосудов I, II, III и IV вв. н. э., найденных на поверхности и по обнажениям городища, свидетельствует все же о применении в Танаисе также и этой группы посуды; но едва ли она была распространена сколько-нибудь значительно, подобно

¹ Местный характер лощеной керамики проявляется особенно ярко в типах, пока не встречавшихся в Танаисе — в различного рода сосудах с ручками в виде зверьков. Отсутствие такого рода сосудов в находках из Танаиса является, очевидно, случайным; уже в ближайших к Танаису поселениях (например Гниловское городище) был найден ряд сосудов или фрагментов сосудов такого типа.

² Характерно, что в лощеной керамике центральной части Боспора влияние античных типов прослеживается гораздо значительнее. Из района Керчи имеется, например, целый ряд лощеных сосудов, воспроизводящих характерный тип поздне-эллинистического лагиноса или ранне-римской тарелки с отвесным бортиком.

³ Исторический музей, №№ 653, 654, 655.

⁴ Отмеченных в описи Леонтьева под № 123 «фрагментов большого блюда из разноцветного стекла» мне обнаружить в Эрмитаже не удалось.

тому, как в Пантикапее и других городах Боспора. В погребениях Танаиса стеклянные сосуды очень редки.

Находки в Танаисе памятников скульптуры очень немногочисленны. На первом месте стоит фрагмент женской мраморной головки, принадлежавшей очевидно, рельефу (Эрмитаж, ТН 305, рис. 39 и 40, а); фрагмент найден в 1853 г. в одном из „разрезов“, проведенных Леонтьевым в городище.

В настоящей сводке едва ли уместно давать подробный стилистический анализ, которого заслуживал бы этот исключительный для данного района экземпляр. Ограничусь лишь самым необходимым, без чего не может быть оценено значение данной находки.¹

К сожалению, описываемый памятник дошел до нас в очень печальном состоянии. Сохранилась только часть головки (размеры 0.18×0.161 м), и то с большими повреждениями: сбита вся передняя часть — волосы, поверхность лба, нос; на месте нижней части носа — глубокая ямка, причиненная, несомненно, умышленно; рот и подбородок не сохранились; затылочная часть сбита; вся поверхность сильно повреждена, античная эпидерма не сохранилась нигде. Значительно пострадал и самый мрамор — он приобрел серый оттенок, выкрашивается, вероятно от пребывания в огне. Для определения даты и стиля рельефа приходится опираться только на более удовлетворительно сохранившуюся левую сторону, дающую представление о трактовке волос, щеки, виска и глаза.

На рельефе головка была помещена в три четверти; вся обратная сторона стесана плоско. Изображение выполнено в высоком рельефе (наибольшая высота рельефа 0.09 м).

Для суждения о рельефе следует обратить внимание на ряд особенностей. Отметим, прежде всего, самый тип прически: разделенные пробором волосы перехвачены повязкой, закрывают верхние части ушей и дальше подняты кверху, образуя над шеей округлый выступ. Поврежденность головы в этой части не дает возможности решить, имелся ли здесь обычный выступающий

Рис. 39. Фрагмент мраморного рельефа из раскопок 1853 г. (Эрмитаж).

¹ Леонтьев, оценивший „хорошую работу“ фрагмента (см.: Проппеи, IV, стр. 416) и издавший его в „Извлечении из всеподданнейшего отчета“ (стр. 76, рис. 37), не определяет его хронологически и, повидимому, не выделяет из общей серии памятников римского времени.

узел волос. Очень характерна при этом трактовка прядей волос, обозначенных резкими глубокими штрихами. В выполнении виска и щеки наблюдается большая мягкость, округлость; глаз сильно углублен.

Аналогии всем отмеченным особенностям ведут нас в область восточно-греческого искусства эллинистической эпохи, при этом в определенный его круг. В этот круг входят такие памятники, как рельеф Архелая Приенского¹ и ряд александрийских скульптур,² к числу которых принадлежат также и найденные в 1902 г. в Ольвии головки Асклепия, Гигиен (или Афродиты) и Эрота.³ Время существования этой группы определяется, на основании вполне убедительно установленной Ватцингером датировки рельефа Архелая Приенского, концом III в. до н. э.⁴

Наш фрагмент обнаруживает безусловную близость скульптурам указанной серии как раз в отмеченных нами характерных деталях. Особенно доказательны совпадения в трактовке волос: у муз и у Арсинои на рельефе Архелая Приенского, у ряда женских головок — у найденной в Мемфисе, у базельской, у неаполитанской,⁵ у ольвийской головки Гигиен или Афродиты — везде мы встречаем все ту же характерную схематическую передачу волос резкими, глубоко врезанными штрихами, часто и ту же прическу (ср. рис. 40). Сходство проявляется также и в мягкой моделировке женского лица.⁶ Принадлежность танаисского фрагмента тому же художественному кругу и тому же приблизительно времени — вне сомнений. Что касается более точной датировки и локализации, то они затруднены плохой сохранностью фрагмента. Ограничимся указанием, что рельеф, которому он принадлежал, едва ли может выходить за пределы второй половины III в. до н. э.; место его производства — один из восточно-греческих центров.

Отметим, что такого рода рельефы в пределах Северного Причерноморья вообще неизвестны. Танаис эллинистической эпохи не только поддерживал оживленные торговые сношения с античным миром — он получал из античных центров и выдающиеся памятники искусства.

Вторым памятником скульптуры является хорошо известный и многократно воспроизводившийся рельеф Трифона с посвятельной надписью и изображением посвятившего в виде вооруженного всадника в чешуйчатом панцире, шлеме и плаще, с копьем в руках (Эрмитаж, ТН 304, рис. 41).⁷ Судя по надписи, рельеф принадлежит началу III в. н. э.; эта датировка вполне под-

¹ C. Watzinger. *Das Relief des Archelaos von Priene*. Берлин, 1903, табл. I, также рис. 8, 9 на стр. 19.

² W. Amelung. *Dell'arte Alessandrina a proposito di due teste rinvenute in Roma*. *Bulletino della Commissione Archeologica Comunale di Roma*, серия V, год XXV, Рим, 1897, стр. 110 сл., рис. 2, 3, 8, 9, 10.

³ ИАК, вып. XIII, стр. 191 сл., рис. 151—156, табл. I—III.

⁴ Watzinger, *ук. соч.*, стр. 20.

⁵ Amelung, *ук. соч.*, рис. 2—3, 8—9 и 10.

⁶ Это сходство наблюдается также и в тех александрийских скульптурах, которые отличаются от нашей по трактовке волос, см.: Amelung, *ук. соч.*, стр. 135, рис. 12 и 13.

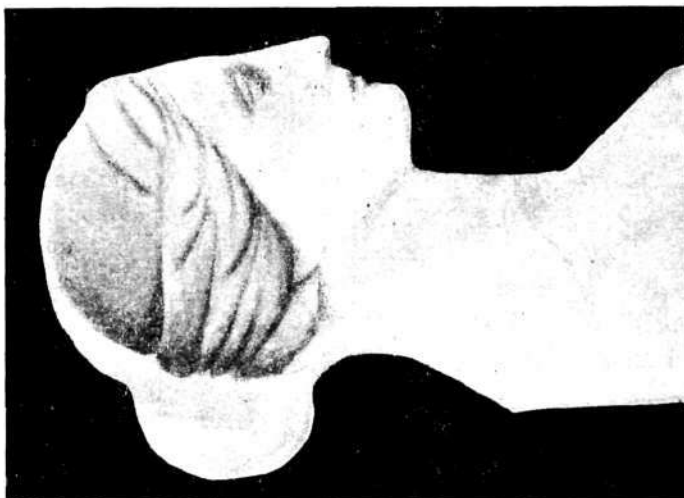
⁷ О надписи см.: ИРЭ I, стр. 231, № 424.

а

б

в

Рис. 40.

а — фрагмент мраморного рельефа из раскопок 1853 г.; б, в — две мраморные головки того же времени и круга — ермитажная головка из Ольвии (б) и базальтовая (в).

тверждается и стилистическими особенностями изображения. В противоположность рельефу, которому принадлежала только что рассматривавшаяся мраморная головка, рельеф Трифона типичен именно как произведение искусства Северного Причерноморья, при этом бесспорно выдающееся.

Рельеф вырезан на плите из мелкозернистого плотного мрамора желтоватого цвета; размеры его 0.335×0.40 м, толщина неравномерна, она колеблется от 0.06 до 0.08 м. Для рельефа несомненно употреблена часть какого-то другого более древнего памятника, на что указывает обратная сторона: сохранилась часть рамки с необработанной поверхностью, очерчивающей выравненный прямоугольник значительно больших размеров, чем рельеф Трифона. Поверхность, на которой вырезан рельеф, значительно углублена, оставлена лишь узенькая рамка; представляющая фон для рельефа поверхность очень неровная, лежит в различных плоскостях и везде сильно понижается к фигуре всадника.

Являясь типичным образцом поздней скульптуры (это особенно сказывается в пропорциях приземистой фигуры Трифона), при этом именно скульптуры местной причерноморской, рельеф в то же время выделяется достоинствами своей работы. В ряде особенностей — в типе лица, в развевающемся плаще, в общей композиции — ярко выражены традиции античного искусства; останавливает внимание прекрасная передача деталей фигуры коня (ноги; изображенная в три четверти грудь с выступающими костями и мускулами, свидетельствующая о хорошем знании анатомии); хорошо передана охватывающая копые рука всадника. Фигура полна экспрессии — передача быстрого движения удалась скульптору, что вообще свойственно искусству Северного Причерноморья. Наряду с этим, отдельные части даны совсем схематично (плоско обрисованная левая нога). Все вместе создает впечатление весьма своеобразное, делающее описываемый памятник одним из интереснейших образцов поздней скульптуры Северного Причерноморья.

Интересен рельеф и с другой стороны — для представления о костюме и вооружении воина-сармата: шлем, панцырь, низкие мягкие сапоги на ногах заставляют вспомнить о находках оружия и частей костюма в погребениях Боспора и Прикубанья.

В нижней части рельефа надпись: $\text{Τρίφων Ἀνδρομέου ἀνέθηκε}$ = 'Посвятил я, Трифон, сын Андромена'.

Нечто аналогичное данному памятнику, представляя, повидимому, также и другой рельеф, упоминаемый Леонтьевым со слов местного любителя древностей Мартынова.¹ К приведенному у Леонтьева описанию приходится, впрочем, относиться осторожно, так как Мартынов описывает его по памяти,

¹ Леонтьев, ук. соч., стр. 491: „Рельефное изображение всадника в воинском костюме с малою пикой и на ней как бы флюгер, а на голове металлический и лавровый венки, одет мантией и тогою и, как могу припомнить, с некоторыми буквами“ (ср.: Записки СКОИР, вып. 5—6, стр. 26—27, прим. 5).

Рис. 41. Мраморный посвятельный рельеф Трифона (Эрмитаж).

Рис. 42. Рельеф из известняка с изображением льва (Эрмитаж).

а видел он его за двадцать лет до того. Где в настоящее время находится рельеф, неизвестно.¹

Совершенно иным стилем и характером отличается четвертый известный нам танайский рельеф — плита из грубого местного известняка размером 0.43×0.56 м с исключительно примитивным изображением льва, попирающего лапой голову быка (Эрмитаж, ТН 306, рис. 42). Плохая сохранность поверхности рельефа не дает возможности составить ясного представления об изображении; но характер выполнения ясен. Рельеф высечен рукой совершенно неумелой — голова льва несоразмерно велика и не похожа по своим очертаниям ни на одну голову существующего в действительности животного, лапы большие, неправильной и неодинаковой формы, туловище чрезмерно узкое и короткое. Плита найдена в одной из проведенных Леонтьевым траншей, в слоях городища, вместе с материалом античной эпохи; поэтому совершенно неправдоподобно предположение Леонтьева, приписывающего этот памятник эпохе итальянской Таны и желающего объяснить грубость и примитивность его выполнения принадлежностью позднему времени. Вероятно, рельеф по времени близок, например, рельефу Трифона; но он представляет произведение другой группы населения Танаиса, стоящей на иной, более низкой ступени художественного развития.

Рис. 43. Обломок черепицы с клеймом (Эрмитаж).

Архитектурных фрагментов из камня в Танаисе было найдено очень мало, и из них мне не удалось увидеть ни одного. В описи Леонтьева, включающей вещи, пересланные в Петербург и позже поступившие в Эрмитаж и Исторический музей, значатся следующие архитектурные фрагменты: под № 13 — «мраморная плита с карнизными частями и головой грифа, как орнаментом»; под № 14 — «капитель и часть стержня»; под № 15 — «мраморная воронка» (?). В отчете Леонтьева в «Прописях» (стр. 415) упоминается еще «база из простого камня, отделки весьма грубой», поступившая в Новочеркасскую гимназию, а в дальнейшем, вероятно, переданная в Новочеркасский музей. В настоящее время ни одну из этих вещей не удалось пока обнаружить в коллекциях Эрмитажа, Исторического музея и Новочеркасского музея. Единственным экземпляром наших коллекций, принадлежащим к числу остатков строительных сооружений, является фрагмент плоской черепицы с клеймом — XPHCTO [V]-Христос (Эрмитаж, ТН 123, рис. 43). Характер букв, в частности лунарная сигма, говорит за принадлежность черепицы скорее всего II в. до н. э., во всяком случае, не ранее конца III в. до н. э.²

Постоянно встречаются и в слоях городища, и, особенно, в погребениях различные бусы, подвески и т. д. Среди подвесок останавливает внимание

¹ Это было неизвестно уже и Леонтьеву. Мартынов еще задолго до того отдал его коллекционеру древностей помещику Лукьянову; но все поиски Леонтьева, обращавшегося по этому поводу к сыну умершего Лукьянова, не привели ни к чему.

² Ср.: В. Ф. Гайдукевич. Строительные керамические материалы Боспора. Сб. «Из истории Боспора», ИГАИМК, вып. 104, 1935, стр. 292;

большое количество египетских амулетов в виде скарабеев, птицы Ба, Беса, фалалов, виноградных кистей и т. д.; все они сделаны из египетского фаянса бледнозеленого, голубого и желтого цветов. В эпоху существования Недвиговского городища главным центром производства таких предметов являлась, очевидно, Александрия. Факт значительного распространения египетских амулетов свидетельствует о наличии торговых сношений с областью Египта; роль египетских элементов в существовавших в то время в Танаисе религиозных представлениях не следует, однако, преувеличивать.¹ Употребление египетских амулетов имеет место не в одном только Танаисе; аналогичные находки встречаются в большом количестве также и в других местностях Северного Причерноморья — как в греческих колониях, так и в некрополях и поселениях местных; здесь мы опять-таки встретимся с особенно широким их применением все в той же области Прикубанья.²

Бусы в качестве украшения, применяемого во всех группах населения, имели в Танаисе, как мы уже могли это видеть при ознакомлении с материалом некрополя, самое широкое распространение. Бусы и подвески из цветных камней, как сердолик, яшма, агат, хацедон, являлись принадлежностью состоятельных слоев населения; зато действительно широко распространенными во всех группах населения были ожерелья из бус стеклянных и из стеклянной пасты, янтаря и лигнита. Особенно многочисленны и разнообразны ожерелья из стеклянных бус. Здесь мы встречаемся с интересным явлением имитации украшений из более дорогого материала — золото заменяется стеклом с позолотой, цветные камни — окрашенным стеклом. Характерны бусы с „глазками“, очень различные по окраске и величине; часто встречаются и бусы „финикийской“ техники; новым явлением следует считать стеклянные бусы мозаичной техники. Интересна комбинация в одном ожерелье бус из лигнита с резной орнаментацией и стеклянных волоочных бус. Бусы и подвески из янтаря и лигнита представляют явление несомненно местное; среди них следует особо отметить подвески в виде фигурок животных, как, например, подвески в форме фигурки или головы барана из погребения № 19 1908 г. (см. рис. 7). Эти подвески являются произведением местного сарматского искусства; они выполнены в совершенно том же стиле, что и ручки в виде зверьков на лощеных сосудах, о которых мы уже говорили. Подвески такого типа встречаются близкие аналогии в области Прикубанья;³ известны случаи находок таких изделий и в Пантикапее.⁴

¹ Б. Б. Пиотровский (Египетские предметы в Северокавказском крае, СГАИМК, 1931, № 6, стр. 28) несомненно правильно отметил, что в это время египетские изделия получают значение древних местных амулетов, „во многих случаях даже совершенно не связанных с египетскими культами“.

² О распространении египетских подвесок в области Прикубанья см. в указанной статье Б. Б. Пиотровского; ср. также: Веселовский. Курганы Кубанской обл., стр. 16—18, Покровский, ук. соч., стр. 21 и др.

³ ОАК за 1903 г., стр. 62—63, рис. 98 и 101 (Армавир).

⁴ ИАК, вып. 9, стр. 64, рис. 5.

Из оставшегося нерассмотренным вещественного материала отметим частые находки различных грузил и пряслиц. В наши музеи попала, конечно, лишь небольшая часть найденных в Недвиговском городище предметов такого рода; все же мы имеем целый ряд глиняных пряслиц и одно костяное, несколько грузил обычной пирамидальной формы, одно грузило из грубого местного известняка.

Этим исчерпывается представленный у нас вещественный материал. Имеется еще несколько отдельных предметов, в силу своей фрагментарности пока не поддающихся определению. Напомню о фрагментах костяных пластинок с изображениями Диониса, Эроса, крыльев, орнаментов растительного характера и т. д. из одного из погребений 1908 г. (Эрмитаж, ТН 155—158 и 216—219).¹ С точки зрения художественной промышленности первых веков н. э. пластинки эти безусловно интересны; но предмет, которому они принадлежали, пока остается мне неясным. Отмечу, далее, фрагмент глиняного изделия, фигурирующий в описях как „форма“ (Эрмитаж, ТН 282); до окончания производящегося специального его исследования, я воздержусь о нем высказываться.

Мы рассмотрели обширный, хотя в силу самого характера исследований, довольно случайный материал из Недвиговского городища и некрополя; при этом у нас накопился целый ряд наблюдений, имеющих существенное значение для представления о культуре Танаиса. От общих выводов я пока воздержусь — они будут более уместны после обзора материала эпиграфического, являющегося по своему значению основным, а также нумизматического. Пока ограничусь сводкой того, что непосредственно следует из прошедших перед нами находок.

Рассмотренный материал принадлежит довольно длинному отрезку времени — со второй половины III в. до н. э. по IV в. н. э. Специального внимания заслуживают в связи с развившейся в литературе дискуссией о времени существования Танаиса наиболее ранние находки. В противоположность высказывавшимся в литературе мнениям,² мы констатировали значительное количество найденных в Недвиговском городище и некрополе предметов эллинистического времени, начиная со второй половины III в. до н. э. Этими находками устанавливается не только существование здесь в последние века до н. э. какого-то поселения: они говорят о городе, развившем деятельные торговые сношения с Боспором, а также — может быть, через тот же Боспор — и с более отдаленными областями античного мира (Родос, Пергам и др.); в составе населения этого города имелись состоятельные группы, в обиходе своем пользовавшиеся прекрасными античными изделиями и хоронившие своих членов в богатых золотых уборах.

¹ Весселовский. Танаис Младший, стр. 251—252, рис. 8 и 9; ОАК за 1908 г., стр. 125, рис. 122, 123.

² А. А. Миллер. Краткий отчет о работах Северокавказской экспедиции в 1924 и 1925 гг. СГАИМК, т. I, Л., 1926, стр. 102.

Чтобы представить себе, действительно ли есть основания считать находки III в. до н. э. самыми ранними в данном поселении, интересно попытаться выяснить, из каких слоев происходит этот материал. Конечно, ни у Леонтьева, ни у Хицунова нет ни описания последовательных наслоений, ни точного обозначения глубины залегания находок. Но кое-какие наблюдения все же можно сделать. Из отчетов о раскопках мы узнаем, прежде всего, что и Леонтьев, и Хицунов доводили свои раскопы до материка; следовательно, наличный материал собран не только в поверхностных наслоениях, а во всей толще культурного слоя. В рукописном отчете Хицунова есть и более точные данные о некоторых интересных для нас находках. Все амфорные ручки с клеймами из раскопок 1870 г. были найдены в пяти местах: 1) в раскопе № 2, близ юго-восточного угла, «в золе на значительной глубине»; раскоп доведен до материка; 2) в раскопе № 6, близ печи; печь здесь обнаружена на глубине 1 сажени (2.13 м), она составляет, повидимому, один комплекс с печью раскопа № 5, открытой в самом нижнем слое и врезающейся в материк; 3) при исследовании раскопа № 6, касавшемся, очевидно, наиболее глубоких слоев: здесь был найден ряд обломков ручек с клеймами (родосскими); 4) в насыпной земле раскопов №№ 8 и 9; 5) в насыпном холме, расположенном к югу от внутренней ограды городища.

Эти скудные сведения все же кое-что дают. Если четвертое и пятое места находок амфорных ручек с клеймами не дают возможности сделать каких-либо заключений, то первое, второе и третье безусловно свидетельствуют о находках амфорных ручек эллинистического времени в наиболее глубоких слоях; из них второе и третье места находки (раскоп № 6) принадлежат слою, лежащему непосредственно над материком.

Дополнения к этому дает сбор в городище в 1928 г. В одном месте, а именно — в южной части городища, где подошва холма прорезана новейшей канавой, нам удалось открыть обнажение слоя, лежащего, повидимому, непосредственно над материком. В этом слое были найдены обломок чернолакового эллинистического сосуда конца III—II в. до н. э. и обломок мегарской чашки того же времени.

Рядом характерных находок представлены и следующие века — II и I вв. до н. э., I, II, III и IV вв. н. э. Никакой заметной лакуны не наблюдается. К I в. н. э., когда, как думает Леонтьев, в Танаисе вообще замерла всякая жизнь, относятся некоторые из бронзовых изделий, также ряд экземпляров краснолаковой керамики и стеклянных сосудов; аналогичные находки имеются и для следующих веков, что свидетельствует не только о непрерывной жизни Танаиса, но и о непрекращающихся его сношениях с другими областями античного мира.

Что касается характера всех этих изделий, то о нем мы много говорили в нашем обзоре. Бросается в глаза прежде всего значительное количество привозного материала, свидетельствующего о широко развернувшейся торговле Танаиса; ряд изделий (художественная бронза) позволяет предположить, что в число областей, ввозивших в Танаис свои изделия, входила и Италия. Цен-

ность многих из найденных в Танансе предметов говорит о большой обеспеченности верхних слоев населения этого города, строения которого поражали раскопщиков грубой и примитивной работой. Особенно интересны те аналогии, которые встретил целый ряд найденных в Танансе предметов в обстановке помпейских домов. Но наряду с этим впечатлением мы сразу же испытываем и совершенно иное. Все упомянутые группы античного материала уживаются в Танансе с группами чисто местными, как некоторые из металлических изделий, как лощеная „сарматская“ керамика, как характерные подвески из аггнита в виде зверьков. Все это вновь и вновь создает впечатление о культуре, насыщенной местными элементами в такой степени, какой мы не знаем ни в одной из расположенных ближе к Черному морю греческих колоний. Предстоящее рассмотрение эпиграфических находок позволит нам яснее представить, в какие формы вылилась жизнь этого города.

Глава VI

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ И НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ НАХОДКИ

Если вспомнить, как производились расследования Недвиговского городища и как мало в общем добыто там находок, количество найденных недвиговских надписей придется признать очень значительным. Общее количество изданных надписей равно в настоящее время 58. Большая их часть вошла во II и IV томы сборника Латышева;¹ к ним следует присоединить две надписи, найденные в 1912 г. и изданные Канским,² и три фрагмента, изданные в сравнительно недавнее время А. Ф. Семеновым.³ Некоторое количество неизданных надписей имеется в музеях Ростова на Дону и Новочеркасска. В настоящем исследовании этот материал сможет быть использован только частично. Из находящихся в Новочеркасском музее неизданных надписей мне удалось ознакомиться лишь с одной, правда, представляющей интерес совершенно особенный; о ней я еще буду говорить. Остальные или были недоступны, или недостоверным являлось самое их происхождение из Недвиговского городища.

Содержащийся в надписях Танаиса богатый материал естественно вызвал большой интерес к ним у историков древнего мира. Их значение, преимущественное перед всеми недвиговскими находками, подчеркивает уже Леонтьев, делающий первую попытку исторически объяснить и использовать этот материал.⁴ За Леонтьевым следуют публикации Стефани в „Древностях Босфора Киммерийского“ и в „Отчетах Археологической комиссии“, в которых частью переиздается уже опубликованный Леонтьевым материал,⁵ частью издаются новые находки;⁶ те же новые находки послужили материалом для специального исследования Помяловскому.⁷ А когда недвиговские надписи,

¹ IPE, II, стр. 225—287, №№ 421—467; IPE, IV, стр. 255—259, №№ 446—451.

² В. А. Канский. Вновь найденные недвиговские плиты. ЗРДО, II, Ростов на Дону, 1914, стр. 137—139.

³ А. Ф. Семенов. Эпиграфические мелочи из Недвиговского городища. Записки СКОАИЭ, кн. I (т. III), вып. 3—4, Ростов на Дону, 1928, стр. 4 сл.

⁴ Проппев, т. IV, стр. 431 сл.

⁵ ДБК, II, стр. 94 сл., надписи LXX—LXXVIII.

⁶ ОАК за 1870/71 г., стр. 228 сл.

⁷ И. В. Помяловский. О танаитских коллегиях. Тр. VI АС в Одессе, 1884 г., т. II, стр. 24 сл.¹

ранее лишь в небольшой части опубликованные в „Corpus inscriptionum Graecarum“, были с прибавлением еще и новых находок вновь изданы и обработаны В. В. Латышевым в сборнике надписей Северного Причерноморья, надписи Танаиса начали привлекать внимание также и иностранных ученых. Выросла значительная литература, в которой надписи Танаиса то привлекались в связи с каким-либо общим вопросом истории древнего мира, то составляли специальный предмет исследования. Особенно много внимания было уделено как в русской, так и в иностранной литературе вопросу о союзах Танаиса; но и другие вопросы — политическое и экономическое устройство, этнический состав населения и т. д. — неоднократно затрагивались исследователями в связи или не в связи с вопросом о союзах. Круг вопросов, охваченных надписями Танаиса, оказывался, как видим, достаточно обширным, а вопросы часто весьма сложными.

Из сказанного ясно, что при работе над данной частью материала я находилась в условиях, существенно отличавшихся от условий моей работы над памятниками вещественными. За немногими исключениями, надписи изданы, и изданы авторитетнейшим специалистом. Это избавляет меня от необходимости давать их описание и определение, как это приходилось делать с каждой из групп вещественных находок, и дает возможность сразу же перейти к систематическому изложению содержащихся в надписях данных.

У Латышева надписи Танаиса распределены по четырем группам — *tituli dedicatorii* (посвятительные надписи), *tituli honorarii* (надписи, поставленные в честь какого-либо лица), *tituli aedificiorum* (надписи, говорящие о городских постройках) и *tituli conlegiorum* (надписи, поставленные членами союзов и содержащие списки этих членов). Из не вошедших в латышевские сборники надписей некоторые принадлежат тем же группам,¹ одна дает возможность дополнить установленную классификацию не представленной раньше группой надгробий.²

Весь этот материал дает важные данные об особенностях государственного устройства Танаиса, о составе его населения, о чертах распространенной в Танаисе религии. Я начну с краткого изложения особенностей государственного строя Танаиса, каким его рисуют надписи.

Первое, что мы узнаем из недвижимых надписей, это то, что во II—III вв. н. э. зависимость Танаиса от Боспорского царства уже прочно установилась: дата танаидских надписей обозначается именем царствующего боспорского царя, а среди должностных лиц Танаиса первое место занимает назначаемый

¹ К группе надписей, сообщающих о постройках, относится одна из надписей, опубликованных Канским (ук. соч., № 3), и один из фрагментов, изданных Семеновым (ук. соч., фрагмент С); ср.: П. Н. Черняков. К вопросу о чтении фрагмента танаидской надписи, хранящейся в Северокавказском краевом обществе археологии, истории и этнографии. Записки СКОАИЭ, кн. I (т. III), вып. 3—4, стр. 5.

² Канский, ук. соч., № 1. Считать установленным существование еще каких-либо групп не могу. В двух первых фрагментах: из числа изданных Семеновым сохранились настолько незначительные части надписей, что предположенное автором их содержание является весьма гипотетическим.

боспорским царем легат — *πρεσβευτής, πρεσβευτής βασιλέως*.¹ Главенствующая роль легата проявляется уже в том месте, которое он занимает в надписях: он стоит впереди всех остальных танаидских магистратов, впереди него стоит только боспорский царь.

Откуда, из каких слоев общества назначались легаты? Надписи указывают на две возможности. Первая из них — назначение легата из числа известных и знатных боспорцев, деятельность которых ранее протекала в центральных районах Боспора. Так, посланник Юлий Менестрат (IRE, II, № 428) является по весьма вероятному предположению Латышева, тем же самым лицом, которое, занимая должность хлларха, поставило в Тамани статую царя Савромата II;² интересно, что, состоя легатом в Танаисе, он в то же время носит придворное звание *ἀρχοκλιμένετης*. Интересен, далее, случай совмещения Зеноном, сыном Фанны, должности легата с должностью *ὁ ἐπὶ τῶν Ἀσπουργιανῶν*, т. е. наместника земли аспургянов на Таманском полуострове.³ Наконец, легат Зенон, сын Зенона и внук Дады — сын лица, занимавшего во время войны с местными племенами должность *στρατηγὸς πολιτῶν*.⁴

Другого рода случай мы имеем с легатом Хофразмом, сыном Форгабака. Задолго, по меньшей мере за 16 лет до того, как он занял место царского легата, мы уже встречаем его в надписях Танаиса; при этом уже тогда он занимает несомненно заметное место в верхах общества Танаиса. Я приведу ряд небезинтересных моментов его *curriculum vitae*. В первый раз мы, повидимому, встречаемся с ним в одной из надписей, принадлежащих царствованию Савромата II (175—211 гг.).⁵ среди членов религиозного союза, в должности *παράφιλάρχος*; следовательно уже тогда он представлял — если в надписи упомянут действительно он⁶ — нечто большее, чем рядовой член такого союза. В другой надписи,⁷ принадлежащей царствованию Рискупорида II (211—219 гг.), он упомянут без указания какой-либо занимаемой им должности, но среди высших магистратов Танаиса, сразу же после легата. Также рядом с высшими магистратами Танаиса — на этот раз после следующих за посланником архонтов танаитов — упомянут он и в другой надписи, датирующейся 220 г. н. э.

¹ Кроме обозначения *πρεσβευτής*, мы встречаем *πρεσβευτὴς* (IRE, II, № 428) и *ἐκπρεβυτής ὑπὸ βασιλέως εἰς τὸ ἐμπόριον* (IRE, II, № 423). Эти два случая нельзя рассматривать как примеры других названий той же должности, как нельзя считать, например, что рядом с названием *βασιλεύς* есть другое обозначение *βασιλεύων*.

² IRE, II, № 357. Приводимые в настоящей главе сведения, касающиеся различных граждан Танаиса, можно проверить в помещенном в „Приложении II“ списке имен.

³ IRE, II, № 431—431 bis.

⁴ IRE, II, № 423. С. А. Жебелев (Боспорские этюды, стр. 43) считает должность стратега граждан танаидской. Но это не следует из текста надписи, где речь идет о событиях, частью происходящих далеко за пределами области Танаиса: „сделано свободным для мореплавателей“ море в Вифинии и Понте, присоединена Таврика. Очевидно, здесь описываются действия боспорского царя, в которых принимал участие в должности *στρατηγὸς πολιτῶν* отец лица, самое назначение которого в Танаис в качестве легата могло быть одной из наград ему и его отцу.

⁵ IRE, II, № 445. Точная дата не сохранилась.

⁶ В надписи сохранилось ясно только отчество, имя восстановлено.

⁷ IRE, II, № 431—431 bis.

(IRE, II, № 430). К сожалению, нет возможности установить, почему и в качестве кого фигурирует Хофразм, сын Форгабака, в последних двух надписях. Обе надписи принадлежат к числу надписей о постройках; из них первая говорит о построении стены, вторая — о восстановлении агоры. Участвовал ли Хофразм в данных предприятиях, внося, например, определенную сумму на их осуществление, или он упоминается как лицо, занимавшее в городе определенный пост, неясно; как бы то ни было, вне сомнения его высокое и влиятельное положение в Танаисе начала III в. н. э.¹ Далее, в двух надписях, принадлежащих 220 г. (IRE, II, № 446) и 225 г. н. э. (IRE, II, № 447), Хофразм, сын Форгабака, выступает в качестве жреца союза — высшего из должностных лиц союза. И, наконец, в 236 г. н. э. (IRE, II, № 434) он уже *πρεσβυτῆς ἀρχιερέως Ἰνγυζαίου*, иначе говоря, он достиг высшей должности в Танаисе.

Этот своеобразный и любопытный *cursum honorum* одного из представителей верхнего слоя населения Танаиса дает нам представление о втором варианте назначения легатов: царь Иннифимей назначил легата не из состава своих придворных, не из должностных лиц, действовавших до того в центральной части Боспора, а из среды местной знати Танаиса.

Второе после легата место занимают в надписях Танаиса архонты — должность, хорошо известная как высшая магистратура греческих городов. Но в Танаисе эта должность приобретает черты, в которых сразу же проявляется своеобразный характер данного города. Мы встречаем здесь две должности — должность архонта танаитов или архонта Танаиса (*ἄρχων Ταναϊτῶν*, *ἄρχων Τανάκας*) и должность эллинарха (*ἑλληναρχῆς*); та и другая должности постоянно встречаются во второй половине II и первой половине III вв. н. э.² Обычно упоминается один эллинарх и один архонт танаитов; но в одной из надписей архонтов танаитов упомянуто четыре сразу.³ С. А. Жебелев,⁴ а до него Леонтьев⁵ и Помяловский,⁶ предполагали что надпись эта содержит указание на обычное количество одновременно существовавших архонтов танаитов, причем один из них был архонтом-эпонимом: надписи, содержащие указания только на одного архонта, имеют в виду именно этого архонта-эпонима.

¹ Ошибочно Леонтьев (ук. соч., стр. 432) и Минин (*Scythians and Greeks*, стр. 625) говорят, что Хофразм, сын Форгабака, был эллинархом в 220 г. н. э. В надписях IRE, II, №№ 430, 431, 431 bis (Минин прямо ссылается на них, и, несомненно, их же имеет в виду и Леонтьев) имя Хофразма стоит перед именем Басилеида, сына Теоника, эллинарха; но везде слово „эллинарх“ имеет окончание единственного числа, с чем согласуется и глагольная форма *ἀπεκρίβετο* надписи № 430; что эллинархом был именно Басилейд, сын Теоника, вытекает из этих надписей с полной несомненностью. Недоумение вызывает то обстоятельство, что оба автора правильно считают, что эллинарх бывал всегда только один; при этом из данных Леонтьевым переводов всех надписей никак не следует, что Хофразм, сын Форгабака, был эллинархом.

² IRE, II, №№ 423, 427, 428, 430, 431 bis, 432, 433, 434.

³ IRE, II, № 430.

⁴ Боспорские влады, стр. 43, прим. 3.

⁵ Леонтьев, ук. соч., стр. 432.

⁶ Помяловский, ук. соч., стр. 25.

Сколько-нибудь точных данных о круге деятельности танаидских архонтов мы не имеем. Большая часть надписей, содержащих имена эллинарха и архонтов танаитов, относится к разряду надписей о постройках; эллинарх и архонты танаитов упоминаются здесь или в дате надписи, или как лица, осуществлявшие эти работы и дававшие на них средства. Мы видим, таким образом, что одной из главных функций обеих должностей была забота о городском благоустройстве. Интересно, что какого-либо противоположения одной должности другой, какого-либо отграничения одних от других здесь не наблюдается вовсе; есть надписи (IRE, II, № 427), где архонт танаитов и эллинарх сообща выполняют определенную строительную работу, выступая как два представителя городской магистратуры. Имеющиеся надписи позволяют сделать только то наблюдение, что эллинарх особенно часто оказывается лицом, осуществляющим на свои средства ту или иную работу; но, как мы уже указывали, иногда с ним рядом упоминается и архонт танаитов — а бывают случаи, когда работа субсидируется лицом, не занимающим, повидимому, никакой определенной должности и носящим наименование „танаит“. К вопросу об отношениях между эллинархом и архонтами танаитов, мы, впрочем, еще вернемся.

Были ли эти две должности равны по достоинству, или одна из них стояла над другой, с уверенностью сказать нельзя. Там, где эллинарх и архонт танаитов упоминаются вместе, архонт танаитов стоит перед эллинархом (IRE, II, №№ 423 и 427); с другой стороны, есть надпись (IRE, II, № 434), где в дате после легата упомянут один эллинарх, а архонт танаитов не упомянут вовсе. Для твердых выводов материал этот слишком скуден.

Совершенно не поддающейся определению является должность диадоха. Она встречается один раз (IRE, II, № 434), в перечислении эпонимов, где упомянуты легат, эллинарх и диадох;¹ надпись относится к 236 г. Наконец, в надписи царствования Котиса III (227/8—233/4) упоминается должность *προσδοχός*, прежде отправлявшаяся эллинархом Меннем, сыном Харитона (IRE, II, № 432). Из самого названия вытекает финансовый характер этой должности, больше мы о ней ничего не можем сказать.

Перечисленным исчерпываются известные нам регулярные магистраты Танаиса. Должностными лицами, назначаемыми *ad hoc*, были эпимелеты, заведывавшие выполнением разных общественных сооружений в Танаисе. Такое заведывание подобного рода работами считалось, повидимому, в Танаисе почетным поручением; имена эпимелетов помещались в надписях, увековечивающих выполнение данной работы, перед именем архитектора; и среди эпимелетов мы находим лиц, занимающих в Танаисе видное место — по богатству или по принадлежности — в высшей городской магистратуре. Так, Димитрий, сын Аполлония, выполнявший обязанность эпимелета во время восстановления городской стены в первой половине царствования Рискупорида II (IRE, II, № 431—431 bis), занимает в это и в следующее за тем время видные должности в объединявших

¹ Леонтьев (ук. соч., стр. 433) и Помяловский (ук. соч., стр. 5) считают, что диадох был кандидатом в эллинархи.

танаидскую знать союзах (IRE, II, №№ 445 и 451), а в 236 г. он смог даже осуществить на свои средства восстановление городской башни (IRE II, № 433); Родон, сын Фазинама, руководивший в 192 г. н. э. в качестве одного из эпимелетов восстановлением городской башни, до того, в 188 г. н. э., исполнял должность эллинарха (IRE, II, № 427); а другой эпимелет, участвовавший в той же работе по восстановлению городской башни, Родон, сын Харитона, стал эллинархом годом позже, в 193 г. н. э. (IRE, II, №№ 428 и 423). Наконец, есть случаи, когда в числе эпимелетов мы даже встречаем легата (IRE, II, № 430). Интересно, что почетный характер положения эпимелетов свойствен и другим городам Боспора (примеры см. IRE, II, №№ 48 и 50).

Чтобы закончить перечень встречающихся в надписях категорий участвующих в управлении и заботах о благоустройстве Танаиса лиц, упомянем еще об архитекторах, имена которых указываются в большинстве сохранившихся полностью надписей о постройках.¹ В надписях о строительных работах первой половины III века н. э. мы постоянно встречаем одного и того же архитектора, действовавшего вместе с двумя другими только в одном случае, когда, очевидно, сложность работы (восстановление агоры) потребовала помощников (IRE, II, № 430). Интересно, что этот главный архитектор носит чисто римское имя *Aurélius*; *Aurélianos*; римские имена в Танаисе вообще встречаются очень редко.

Наиболее интересным и своеобразным во всей выясняющейся из этого материала организации является двойственность в управлении, засвидетельствованная наличием особых правителей у каждой из двух групп населения — у «эллинов» и «танаитов». Отмечу, что в надписях есть и иные указания на две данные группы в составе населения Танаиса: в одной надписи, относящейся к 192 г. н. э. (IRE, II, № 428), читаем, что «эллины и танаиты» (*Ἕλληνες καὶ Ταναίται*) сообща восстановили поврежденную временем башню; в другой (IRE, II, № 433) сообщается, что Димитрий, сын Аполлония, танаит, на свой счет осуществил работу по восстановлению какого-то заброшенного городского сооружения, вероятно, башни.

Указанная особенность организации естественным образом привлекла внимание всех историков Танаиса; во всяком посвященном Танаису историческом очерке мы встретим указание на существование в Танаисе двух этнических групп, образовавших две общины с особыми магистратами. Не касаясь всех старых работ, я ограничусь упоминанием тех, с которыми нам более всего приходится иметь дело. Очень схематично излагает эту сторону Латышев в вводной части к надписям Боспорского царства (IRE, II, стр. LVI), в русском переводе переизданной в «Понтика»: ² «В торжище жили греки и варвары;

¹ Из надписей о постройках, принадлежащих первой половине III в. (IRE, II, №№ 429—436), имя архитектора или архитекторов содержат все, где конец надписи сохранился полностью, кроме одной (IRE, II, № 432); в надписях более ранних, второй половины II в., указания на архитекторов отсутствуют (IRE, II, №№ 427, 428; IRE, IV, № 447).

² В. В. Латышев, *Понтика*. СПб., 1909, стр. 123.

последние собственно и назывались танантами: Ἕλληνες καὶ Ταναεῖται ясно различаются в надписи № 428; быть может, то же самое значение имеет формула: ἡ πόλις καὶ οἱ ἑμποροί, встречающаяся во многих надписях: οἱ ἑμποροί, может быть, греческие купцы, а выражение ἡ πόλις тождественно с выражением οἱ πολῖται или οἱ Ταναεῖται. Греки составляли отдельную общину, начальником которой была Ἑλληναρχὴς ... Начальником танантов был ἄρχων Ταναέων или Ταναετῶν (№ 427) ..."

Те же указания на существование двух отдельных общин, эллинов и танантов, и те же попытки провести параллель между этими двумя общинами, с одной стороны, и формулой τῇ πόλει καὶ τοῖς ἑμποροῖς — с другой, мы встречаем в целом ряде исследований, так или иначе затрагивающих вопросы государственного устройства Танаиса. При этом одни из исследователей проводят эту параллель так же, как Латышев, сопоставляя πόλις с Ταναεῖται, ἑμποροί с Ἕλληνες, другие склоняются к обратной точке зрения, т. е. Ἕλληνες / них соответствует πόλις, Ταναεῖται — ἑμποροί.

Меня во всем этом интересует не столько соотношение между указанными двумя формулами, между которыми, и на мой взгляд, действительно нет надобности проводить строгую параллель,¹ сколько решение вопроса об эллинах и танантах по существу. Поэтому я не буду углубляться в рассмотрение многочисленных высказываний авторов о соотношении между этими двумя формулами,² а перейду к попытке выяснить сущность и происхождение данной особенности организации Танаиса.

Первое впечатление от этого сопоставления „эллинов“ и „танантов“ — что здесь действительно противопоставляются греки варварам, как об этом говорит Латышев и как повторяют за ним многие другие исследователи. Это подтверждается тем фактом, что танантов мы знаем среди местных племен, населявших область реки Танаиса — о них встречается ряд упоминаний и у древних авторов,³ и в эпиграфическом материале.⁴ Получается впечатление о своеобразном дуализме, когда в городе живут две этнические группы, каждая со своим управлением, живут в течение ряда веков, причем эллины, как говорит Леонтьев, „виднo заботливо отличали себя от танантов, как полуварваров“.⁵

Такое параллельное существование двух неслившихся этнических групп уже а priori невероятно; а обращаясь к материалу, мы убеждаемся в том, что оно расходится и с фактами. Мы уже говорили о том, что некрополь, дающий известное представление о населении Танаиса, совершенно не отражает наличия обособленных этнических групп. К тому же заключению мы

¹ К. М. Колобова. К вопросу о судоправлении в древней Греции. ИГАИМК, вып. 61, стр. 70.

² О высказываниях различных исследователей по этому вопросу см.: К. М. Колобова ук. соч., стр. 68 сл.

³ Plin. Nat. Hist., VI, 22; Ptol., III, 5, 24; Amm. Marc., XXXI, 3, 1.

⁴ IRE, II, № 36, где читаем об Аспурге: βασιλεύοντα παντός Βοσπόρου Θεοδοσίης καὶ Σανδῶν καὶ Μυτῶν καὶ Ταρпейῶν καὶ Τορετῶν, Ψησῶν τε καὶ Ταναετῶν ...

⁵ Ук. соч., стр. 432.

придем, если обратимся к именам обитателей Танаиса.¹ Имена чисто греческие и чисто римские, имена местные и имена, представляющие сочетания греческих имен с местными, причем греческим является то имя, то отчество,² наконец, в отдельных случаях даже персидские и еврейские имена³ попеременно фигурируют во всех надписях Танаиса, создавая впечатление такого же смешения равнородных элементов, какое мы могли констатировать при рассмотрении некрополя Танаиса или при ознакомлении с предметами, бывшими в употреблении у его населения: как там, так и здесь нет никакой возможности усмотреть во всем этом смешении равнородных элементов наличия каких-либо резко отделенных друг от друга этнических групп. Для нас особенно интересно, что это смешение обнаруживается также и среди самих эллинов и танайтов: мы встречаем двух эллинархов, т. е. несомненно членов группы „эллинов“, имеющих отцов с негреческими именами,⁴ а один из танайтов носит чисто греческое имя Димитрия, сына Аполлония.⁵ Следует, впрочем, отметить несомненное преобладание имен греческих в группе эллинов и местных в группе танайтов; особенно характерно, что все архонты танайтов имеют негреческие имена. Этим подтверждается предположение, что первоначально здесь шла речь именно о двух этнических группах.⁶

Итак, имена обитателей Танаиса не отражают вполне отчетливого деления на эллинов и танайтов. Не найдем мы такого отчетливого членения на эллинов и танайтов также и в немногих сохранившихся данных о жизни города. Мы уже отмечали, что эллинарх и архонты танайтов, а в одной надписи эллины и танайты, сообща выступают в одних и тех же общественных предприятиях; прибавим, что и среди эпимелетов, заведовавших осуществлением той или иной работы, мы можем найти как тех, кто носит имя эллинов, так и называющихся танайтами. Так, в числе эпимелетов встречаются лица, бывшие недавно или ставшие позднее эллинархами,⁷ т. е. несомненные эллины, встречаются также лица, носящие обозначение „танайт“.⁸ Наконец, то же смешение греческих

¹ Вопрос этот уже вполне хорошо освещен в литературе; см., например: С. А. Жебелев. Восточные этюды, стр. 44; К. М. Колобова. К вопросу о судоправлении в древней Греции, стр. 74; E. Ziebarth. Das griechische Völkertum, Лейпциг, 1896, стр. 210 и мн. др.

² Например: Ἀρδάρωχος Τρύφωνος (IRE, II, № 427), Ἰραδάδης Δημητρίου (IRE, II, № 447) и обратное сочетание — Μύρων Οὐάρα (IRE, II, № 428).

³ См., например: IRE, II, № 454 Ἀζαρίων Δημητρίου; IRE, II, № 455 Ἐγγόδης Ἀχαμένους; № 438 Ἀχαιμένης Θ...λου и др.

⁴ IRE, II, № 427: Ῥόδων Φαζινάμου; № 434: Ψυχάρων Φιδάνα.

⁵ IRE, II, № 433.

⁶ Вот перечень имеющихся имен: эллинархи — Ῥόδων Φαζινάμου, Ῥόδων Χαρίτωνος, Βασιλίδης Θεωνίου, Ψυχάρων Φιδάνα, Μήνιος Χαρίτωνος; архонты танайтов — Διδυμόδαρδος Χοδαίου, Βόραστος Βάβου, Βάβος Βασοράστου, Νιβλόβωρος Δοσυμόδαρδου, Χοράδος Σανδαρίου; известны кроме того Δημήτριος Ἀπολλωνίου Τακκίτης.

⁷ Например, Родон, сын Харитона, в 192 г. выступает в качестве эпимелета (IRE, II, № 428), а в 193 г. делается эллинархом. Родон, сын Фазинама, бывший эллинархом в 183 г. (IRE, II, № 427), в 192 г. выступает как эпимелет (IRE, II, № 428).

⁸ IRE, II, №№ 431—431 bis и 433.

и местных имен, и то же совместное участие лиц, обозначаемых как „эллины“, с теми, кто называется „танантами“, мы найдем и в списках членов союзов, сохранившихся в многочисленных *tituli conlegiorum*. Об этих союзах речь будет ниже.

Подведем итоги сделанным наблюдениям. Надписи Танаиса свидетельствуют о том, что в Танаисе II—III вв. н. э. деление на различные этнические группы не проводится четко ни в одной из известных нам областей жизни этого города; срастание греков с местными жителями достигает такой степени, что, за немногими исключениями (архонты танантов), становится затруднительным определение этнического происхождения кого-либо из упоминаемых обитателей Танаиса. Также и засвидетельствованное надписями административное деление на эллинов и танантов ни в коем случае не приводит к резко выраженному отграничению этих групп друг от друга. Представители обеих категорий сообща осуществляют городские постройки, причем и тех и других мы видим в числе эпимелетов; эллины и тананты участвуют в одних и тех же религиозных объединениях. Если подчинение эллинов эллинарху, а танантов архонтам танантов и является реальным, а не только формально установленным, то, повторяю, к замкнутости каждой из этих общин, о которой говорят некоторые из исследователей, оно ни в коем случае не ведет.

Чтобы лучше разобраться в этой особенности организации Танаиса, обратимся к данным письменных источников.

Страбон (XI, 493) сообщает, что Танаис — создание (*κτίσμα*) владеющих Боспором эллинов; в том же тексте он характеризует его как „общий эмпорий азиатских и европейских кочевников и плывущих с Боспора по озеру“ (Мэотийскому, т. е. Азовскому морю), в другом (VII, 310) указывает, что Танаис был „самым большим после Пантикапея варварским эмпорием“. Для понимания того, как складывались дальнейшие судьбы Танаиса, особенно важен следующий текст, который я и приведу целиком (XI, 495): „Из всех азиатских мэотов одни подчинялись владельцам эмпория на Танаисе, другие — боспорцам; иногда отпадали то одни, то другие. Но часто боспорские правители владели также и территорией до Танаиса, в особенности последние, Фарнак, Асандр и Полемон“. Наконец, у того же Страбона мы находим известие о недавнем разрушении Танаиса царем Полемоном за неповиновение (XI, 493).

Приведенные сведения представляют несомненный интерес. Нам прежде всего бросается в глаза, что Танаис, хотя и основанный боспорскими эллинами, не является в глазах Страбона греческим городом, а характеризуется как „общий эмпорий“ греков и варваров. Далее, мы узнаем, что в этот период отношения Танаиса к боспорским царям не были еще установившимися в том виде, какой приобретают они во II и III вв. н. э. Территорией до Танаиса боспорские правители владели часто — но, значит, не всегда; подчинение устанавливается в I в. до н. э., при царях Фарнаке, Асандре и Полемоне, причем со стороны населения Танаиса, очевидно, имеют место попытки оказать неповиновение новой власти; одна из таких попыток вызывает разрушение города Полемоном.

На последнем вопросе — о разрушении Танаиса Полемоном — я останавливаться не буду: этот вопрос детально исследован С. А. Жебелевым.¹ Отмечу лишь одно, что этот эпизод завершает собой ту борьбу, которая развивалась в данный период между правительством Боспора, стремящимся окончательно подчинить своей власти важную для него область Танаиса, и не желавшим подчиниться Боспору Танаисом. Очевидно, именно эта борьба, окончившаяся подчинением Танаиса, и привела в конечном итоге к той форме, с которой мы встречаемся в надписях II и III вв. н. э. и которая выражается в назначении боспорским царем пресбевта — высшего правителя Танаиса. Интересно, что и преемник Полемона, Аспург, также владел территорией Танаиса: среди подчиненных власти Аспурга племен, перечисленных в одной пантикапейской надписи (IRE, II, № 36), названы и танаиты — племя, обитавшее по реке Танаису.

Кроме этой борьбы Танаиса с Боспором, в тех же известиях имеются отголоски и другой борьбы — борьбы Танаиса с окрестными племенами: подчиненные „владельцам эмпория на Танаисе“ маоты по временам, как мы видели, отпадали от него.

Все эти данные ясно свидетельствуют о том, в какой беспокойной обстановке складывалась жизнь Танаиса. Здесь налицо, конечно, не восстания поработенных племен: идет борьба за власть над данной областью, и претендентами на господство выступают, с одной стороны, представители господствующих слоев местного населения района Придонья, с другой — господствующий класс Танаиса, с третьей — правительство Боспора, желающее прочно захватить в свои руки основанную им колонию. Несомненно, что к этому мы должны еще прибавить наличие борьбы и внутри самого Танаиса, где господствовать хотели и выселившиеся с Боспора греки, и высшие слои местного населения.

Что правительство Боспора в своих притязаниях одержало полную победу, добившись подчинения Танаиса своей власти, это мы видели. Что же касается борьбы между верхушками двух групп, местной и греческой, то именно в результате ее и сложилось, очевидно, то деление на эллинов и танаитов, которое мы встречаем в надписях римского времени. Это деление на две административно обособленные группы, начальники которых пользуются приблизительно равными правами и равным почетом (см. упоминание тех и других в датах надписей), явилось тем компромиссом, на котором могли сговориться две группы. Из этих групп ни одна не хотела уступить господство другой, но вместе с тем они были связаны друг с другом общностью торговых интересов.

В тот момент, когда сложилась эта организация, она, очевидно, еще отражала членение, реально существующее. Но наличие общности интересов

¹ С. А. Жебелев. Боспорские этюды, гл. III. Был ли Танаис разрушен Полемоном? ИГАИМК, вып. 104, стр. 37 сл.

в дальнейшем естественно привело не к углублению первоначально разделявшей эти две группы пропасти, а к постепенному ее уничтожению. А результат — тот, который мы уже видели: город живет единой, общей жизнью, и эллины отличаются от тананитов более всего по названию. Учтем при этом еще одно обстоятельство, содействовавшее такому сближению первоначально антагонистических групп: «эллины» Тананиса были выходцами из Босфора, где они жили уже некоторое время в тесном общении с местными племенами и сами не могли никак сохранить чистоту эллинского происхождения и эллинских обычаев. Все это доказывает, с какими бесконечными оговорками должны мы подходить к «эллинам» Тананиса даже в начальные моменты жизни данного города, а тем более тогда, когда прошел целый ряд веков их жизни в данной области.

В заключение я коснусь все же вопроса о соотношении между сопоставлением эллинов с тананитами и формулой *τῇ πόλει καὶ τοῖς ἐμπόροις*. Я уже высказывала свою солидарность с мнением К. М. Колобовой, что нет надобности проводить строгую параллель между этими двумя сопоставлениями. Но не могу согласиться с соображениями К. М. Колобовой о происхождении раздельного упоминания *πόλις* и *ἐμπόροις*. К. М. Колобова считает, что в основе этой формулы лежит территориальная обособленность города (*πόλις*), огороженного стенами, от места торгового сношения с приезжими купцами (*ἐμπόριον*), лежащего вне городских стен, у реки: в этом она примыкает к Леманну-Гартлебену,¹ который, приводя ряд соображений, подтверждающих наличие в Тананисе выделенного за стены города эмпория, дает интересное и убедительное объяснение того типа поселения, который представлен Тананисом.

Наличие в Тананисе такого выделенного за стены города места торгового сношения весьма вероятно, и особенно интересно, что оно находит подтверждение в находках монет как раз на том месте, где, очевидно, находилось это место торгового сношения. Но не думаю, чтобы этот факт был каким бы то ни было образом связан с указанной формулой. В самом деле, о чем говорится в содержащих эту формулу надписях? О городских постройках, постройках, находящихся внутри города — городских стенах, башнях, рыночной площади, источнике. Все эти сооружения нужны и полезны всем, кто живет в городе, но не имеют отношения к тому месту торгового сношения, к выделению которого из стен города говорят Леманн-Гартлебен и К. М. Колобова.

Кстати отмечу, что в надписях Тананиса не только не наблюдается противопоставления *πόλις* и *ἐμπόριον*, но наоборот — слово *ἐμπόριον* употребляется как совершенно равнозначное слову *πόλις*. Так, в двух надписях о постройках (IRE, II, №№ 427 и 428) вместо формулы *τῇ πόλει καὶ τοῖς ἐμπόροις* стоит

¹ Lehmann-Hartleben. Die antiken Hafenlagen des Mittelmeeres. (Klio. Beiträge zur alten Geschichte, XIV, прилож., стр. 30 сл.).

просто τῇ ἐμπορίῃ; несомненно, что в обоих этих случаях подразумевается восстановление башен на пользу города Танаиса, а никак не выделенного за черту города места торгового.¹ Далее, в надписи № 423 читаем, что Зенон, сын Зенона и внук Дады, был послан царем εἰς τὸ ἐμπόριον, под чем опять-таки безусловно подразумевается Танаис в целом. Мне кажется, что формулу „τῇ πόλει καὶ τοῖς ἐμπορίοις“ надо понимать гораздо проще — в ней имеется в виду, что та или иная постройка осуществлена на пользу всем, живущим в Танаисе, постоянному его населению — τῇ πόλει-τοῖς πολίταις и тем, кто, не принадлежа к составу этого постоянного населения, приезжает в город — τοῖς ἐμπορίοις. В этом особом упоминании проявляется то значение, которое имели в Танаисе ἐμποροί, о чем правильно говорит и Колобова; интересно, что, встречая аналогичные по структуре формулы и в других городах Северного Причерноморья,² мы нигде не встречаем подобного выделения ἐμποροί.

Перехожу к вопросу, представляющему, пожалуй, больше всего трудностей из всех вопросов, возникающих при исследовании надписей Танаиса: я имею в виду вопрос о религиозных объединениях, получивших широкое распространение в Танаисе первых веков н. э.

Количество надписей, говорящих об этих объединениях, далеко превышает число надписей остальных групп. Надписи эти распадаются на две основные категории. Все, кроме одной, говорят о союзах, почитающих „бога высочайшего“ (θεὸς ὑψίστος); одна сообщает об объединении, празднующем „день Танаиса“. Мы рассмотрим сначала надписи первой группы.

По содержанию надписи союзов, почитающих „бога высочайшего“, очень однородны. Каждая из них говорит о том, что данное объединение — эти объединения чаще всего обозначаются словом „синад“ (σύνδος) — в составе таких-то должностных лиц и таких-то членов (διασώται, реже συνωδεῖται) поставило памятник (τελεῖται) „богу высочайшему“ или „богу высочайшему милостивому“, написав на нем свои имена. Варианты крайне незначительны. Полная формула указывает, что синад в таком-то составе воздвиг богу памятник, написав на нем свои имена; сокращенная содержит только упоминание бога и список поставивших памятник. Более существенно различие в обозначении объединений. Все они определяются описательно;³ но в этих описательных определениях иногда употребляется слово σύνδος (собственно „сход“), иногда (таких случаев всего четыре) поставившие памятник обозначаются

¹ К. М. Колобова (ук. соч., стр. 71) видит в этих двух надписях опять-таки противопоставление города торжищу: город, включающий в свои стены как эллинов, так и танаев, отстроил башню торжищу.

² Ср., например, постоянную формулу ольвийских посвятельных надписей ὑπὲρ τῆς πόλεως καὶ τῆς αὐτῶν ὑγιείας или ὑπὲρ τῆς πόλεως σωτηρίας καὶ τῆς αὐτῶν ὑγιείας.

³ Т. е. не имеют определенных названий, вроде греческих Ἀσκληπιασταί, Σαπριασταί, Διογениσταί и т. д.

наванием *ἐπισκοπτοὶ ἀδελφοί*.¹ Бог, которому посвящен памятник, нигде не назван по имени, а везде упоминается, как „бог высочайший“, или „бог высочайший милостивый“.

Постоянное упоминание в этих надписях должностных лиц союза, называемых всегда, за единичными исключениями, в одной и той же последовательности, дает нам возможность установить иерархию должностей. На первом месте стоит жрец, *ιερεὺς*, за которым следуют *συνχωγός*, *φιλάγαθος*, *παραφιλάγαθος*, *γυμνασιάρχης*, *νεμισκάρχης*, *γραμματεὺς*, *πατὴρ συνόδου*. Не все должности перечислены непременно в каждом списке: *πατὴρ συνόδου* встречается менее чем в половине сохранившихся полностью списков, *γραμματεὺς* (секретарь) чаще отсутствует, чем присутствует. Далее, в надписях объединений, обозначаемых словами *ἐπισκοπτοὶ ἀδελφοί*, вообще нет перечисления должностных лиц, а указываются только *πρεσβύτερος* — „старший“ — и *ἐπισκοпτοὶ ἀδελφοί* — „братья“.

Упомянутой последовательности, в которой перечисляются должности в списках союзов, соответствует, повидимому, также и порядок занятия должностей тем или иным лицом. На основании многочисленных примеров мы убеждаемся в том, что эта последовательность выдерживалась с большим постоянством. Нет ни одного случая, чтобы лицо, занимавшее в союзе какую-либо должность, позднее оказалось бы в должности более низкой; более того, нет ни одного случая, чтобы лицо, занимавшее в союзе какую бы то ни было должность, появилось бы затем в качестве простого члена — *θιςώτης*. Напротив, примеры, когда простой *θιςώτης* через известное время оказывается *γυμνασιάρχης*, *φιλάγαθος* или *παραφιλάγαθος* или когда, например, *παραφιλάγαθος* через несколько лет фигурирует в должности *ιερεὺς*, достаточно многочисленны.²

О функциях и значении каждой из упомянутых должностей я говорить не буду — мне пришлось бы повторять то, что сказано другими исследователями, особенно Поландом, сопоставившим в своем труде громадный материал

¹ Встречаются следующие формулы: 1) Ἦ σύνδος ἡ περὶ θεὸν ὕψιστον καὶ ἱερεῖα καὶ... (следует перечень должностных лиц и членов союза, с именами их всех). 2) Ἦ σύνδος ἡ περὶ ἱερεῖα... καὶ... (следует аналогичный перечень должностных лиц и членов союза). 3) Ἐπισκοпτοὶ ἀδελφοὶ σεβόμενοι θεὸν ὕψιστον περὶ πρεσβύτερον... (следует имя „старшего“, также имена всех „братьев“). Ἐθιςός ἀδελφῶν τῶν περὶ ἱερεῖα καὶ... — О последней формуле мы не можем говорить с уверенностью. Она засвидетельствована всего одной надписью (IRE, II, № 453), сохранившейся плохо. Слово *θιςός* восстановлено.

² Приведу ряд наиболее характерных примеров. Антимак, сын Паснона, упоминаемый в надписи 220 г. (IRE, II, № 446) как *θιςώτης*, в надписи 225 г. (IRE, II, № 447) — *φιλάγαθος*; Балодис, сын Димитрия, в надписи 209 г. (IRE, II, № 444) *θιςώτης*, в надписи 225 г. (IRE, II, № 447) — *γυμνασιάρχης*; Димитрий, сын Аполлония, в надписи, падающей на время до 211 г. (IRE, II, № 445), *νεμισκάρχης*, в надписи 228 г. (№ 451) — *ιερεὺς*; Эвий, сын Родона, в той же надписи времени не позднее 211 г. *θιςώτης*, в 220 г. (IRE, II, № 446) — *παραφιλάγαθος*; Эвексмон, сын Менофила, в 209 г. (IRE, II, № 444) *θιςώτης*, в 228 г. (IRE, II, № 451) — *φιλάγαθος*; Ханзабогас, сын Ходонака, в 225 г. (IRE, II, № 448) *θιςώτης*, в 230 г. (IRE, II, № 453) — *παραφιλάγαθος*; Хофразм, сын Форгабака, в надписи времени, предшествующего 211 г. (IRE, II, № 445), *παραφιλάγαθος*, в 220 г. (№ 446) — *ιερεὺς*; в этой же должности он встречается пять лет спустя (IRE, II, № 447).

обо всех союзах Греции и греческих колоний.¹ Ограничусь немногими замечаниями. Большинство перечисленных должностей не является характерными только для Танаиса или хотя бы для Боспора, а встречается ряд аналогий, также и в других областях, родство которых Боспору выражено в целом ряде сторон их жизни. Эти области — Фракия, колонии северо-западного побережья Черного моря, в меньшей степени некоторые районы Малой Азии. Единственной должностью, не повторяющейся, повидимому, в других областях, является должность неанискарха. Поланд² правильно считает, что неанискарх — тот же гимнаснарх, но обучающий младших членов союза, и сопоставляет эту должность с встречающейся иногда должностью второго гимнаснарха. Постоянство в упоминании гимнаснарха и неанискарха заслуживает внимания. Очевидно, союзы не ограничивались выполнением чисто культовых функций, а играли определенную роль и в деле воспитания граждан Танаиса. К этому вопросу мы еще вернемся.

Особое положение занимают четыре надписи, где посвятившие памятник обозначены как *εἰσποιητοὶ ἀδελφοὶ σφόδρηνος θεῶν ὑφιστάτων παρὶ προεβύταρον* и где отсутствуют остальные должностные лица. Что такое *εἰσποιητοὶ ἀδελφοὶ*? Латышев,³ высказывает предположение, что под ними подразумевались члены, вошедшие в состав союза в самое последнее время; временно они находились под началом одного из старших членов союза, *προεβύταρος*. Гипотеза Латышева, принятая и другими исследователями,⁴ производит на первый взгляд впечатление весьма правдоподобной; однако при внимательном ознакомлении с содержанием надписей мы убеждаемся в безусловной ее неправильности. В ряде случаев мы видим, что определенное лицо сначала упоминается под названием *δικαίωτης*, а позднее оказывается среди *εἰσποιητοὶ ἀδελφοὶ*. Так, в надписи 225 г. (IRE, II, № 447) мы встречаем среди *δικαίωται* Далосака, сына Симфора, Эвтиха, сына Антимаха, Аристона, сына Менестрата; а тремя годами позднее, в 228 г. (IRE, II, № 452) те же лица носят название *εἰσποιητοὶ ἀδελφοὶ*. Также Совомен, сын Стирана, упомянут как *δικαίωτης* в надписи 228 г., месяца Лоя (IRE, II, № 451), а месяцем позже, в месяце Горпинэе того же года (IRE, II, № 452) он *εἰσποιητὸς ἀδελφός*. Вместе с тем, ни разу не встречается случая, чтобы то или иное лицо было сначала *εἰσποιητὸς ἀδελφός*, затем *δικαίωτης*.

Более убедительное толкование обозначения *εἰσποιητοὶ ἀδελφοὶ* было предложено С. А. Жебелевым.⁵ Понятие *εἰσποιητὸς ἀδελφός* он противопоставляет понятию *γνήσιος*, встречающемуся в одной из пантикапейских надписей. В результате детального анализа обоих терминов и их применения в греческом праве

¹ Fr. Poland, *Geschichte des griechischen Vereinswesens*, Leipzig, 1909. Preisschriften, gekrönt und herausgegeben von d. Jablonowskischen Gesellschaft zu Leipzig. № XXIII d. historisch-nationalökonomischen Sektion, XXXVIII.

² Ук. соч., стр. 402.

³ IRE, II, стр. 247.

⁴ Poland, ук. соч., стр. 284.

⁵ С. А. Жебелев, Танаисские „братья-приемимши“. Краткие сообщения ИИМК, V, 1940, стр. 47 сл.

С. А. Жебелев толкует термин *εἰσποιητός* как „приемный“, термин *γνήσιος* как „законный“, рожденный законно. Сопоставляя танаидские надписи с надписью, содержащей устав новакхов, С. А. Жебелев предполагает, что *εἰσποιητοὶ ἀδελφοί* — члены союза, отцы которых не входили в состав этого союза, *γνήσιοι* — сыновья членов союза. Судя по надписи новакхов, две упомянутые категории членов (*ἀπὸ πατρός* и *μὴ ἀπὸ πατρός*) были в составе союза не в одинаковом положении, чем может объясняться и составление в некоторых случаях особых списков *εἰσποιητοὶ ἀδελφοί*.

Как я уже упоминала, о синадах Танаиса создавалась довольно обширная литература.¹ При этом типичное для танаидских надписей отсутствие точных данных о характере союзов, о круге их деятельности, также о почитаемом в них божестве естественным образом вызвало большое разнообразие в высказываниях исследователей по всем этим вопросам.

Первый и самый основной вопрос — что представляли собой союзы Танаиса, были ли они только культовыми объединениями или чем-то иным? До недавнего времени безусловно преобладающим был взгляд на них, как на объединения в основе религиозные, но с функциями более широкими и значением более общим, чем то, которое имели культовые союзы в тесном смысле слова. Так, все исследователи обращали внимание на должности гимнасиарха и неанискаرخа, бесспорно говорящие о включении в круг деятельности танаидских синадов также и заботы о физическом воспитании и физической тренировке их членов; этим последним функциям исследователи придавали то большее, то меньшее значение. Но был высказан и другой взгляд. К. М. Колобова в своей работе о судовладении в древней Греции отстаивает мнение, что союзы Танаиса, как и вообще союзы Боспора, представляют в основе торговые объединения, объединения навклеров и эмпоров. Мнение о том, что основание союзов произошло в среде разбогатевших греческих эмпоров Танаиса, было высказано еще много раньше Цибартом.² К. М. Колобова идет дальше: для нее союзы Танаиса не только состояли преимущественно из эмпоров и навклеров, но и цели преследовали, главным образом, торговые. Обращая внимание на наличие общих черт в союзах Пантикапея и Танаиса, Колобова считает, что те и другие возникли на почве общности торговых интересов двух городов: „они создались как общественной потребностью в регулярности торговых сношений между Танаисом и Пантикапеем, так и в целях более планомерной эксплуатации танаидского сырьевого рынка, что имело несомненную выгоду как для купцов Танаиса, так и для купцов Пантикапея. Возможно даже, что один из этих союзов был филиалом другого.

¹ О союзах Танаиса, кроме уже упомянутых публикаций Леонтьева, Стефани и Латышева, см. также: Помяловский И. О танаидских коллегиях. Тр. VIAC, т. II, стр. 24; E. Ziebarth. Das griechische Vereinswesen. Leipzig, 1896. Preisschriften gekrönt und herausgegeben von d. Jablonowskischen Gesellschaft, № XXI der historisch-nationalökonomischen Sektion, № XXXIV; Poland, ук. соч.; Миная, ук. соч., стр. 621; Н. И. Новосадский. Боспорские фшасы. РАНИОН, Труды секции археологии, М., 1928; К. М. Колобова. К вопросу о судовладении в древней Греции, ИГАИМК, вып. 61, 1933, стр. 68 сл.

² Ук. соч., стр. 210.

Возможно и то, что в Пантикапее главным образом и происходили захоронения членов, желавших покоем ближе к греческой земле и, уж во всяком случае, в гораздо более греческом городе¹.

Приводимые К. М. Колобовой при изложении этой концепции соображения о торговом характере Танаиса, при котором естественно ожидать возникновения купеческих объединений, конечно, вполне правильны. Но из того соображения, что существование купеческих объединений вполне вязалось бы с общим характером города, еще не следует, что те союзы, с которыми мы встречаемся в Танаисе, непременно являются такими торговыми объединениями; для такого утверждения нужно что-то, что доказывало бы это. Между тем доказательства, приводимые К. М. Колобовой, несомненно недостаточны. Ход ее рассуждений таков: среди пантикапейских погребений есть два, где на стенах склепа изображены корабли; эти изображения, вполне реалистически воспроизводящие торговые корабли, свидетельствуют о захоронении здесь богатых судовладельцев — торговцев (навклеров-эмпоров); а так как, по весьма вероятному предположению Ростовцева, в этих склепах были похоронены члены религиозного синода или фиаса, то это определяет и вообще состав членов пантикапейского синода, как принадлежащих к слою торговой и судовладельческой знати. Подтверждением торгового характера пантикапейского синода (Колобова считает, что в Пантикапее был всего один только синод) является его близость к синоду танаидскому (в Танаисе опять-таки предполагается один синод), последний же, уже в силу торгового характера Танаиса, должен был быть союзом торговым.

Мы уже видели, что надписи Танаиса не содержат никаких данных, которые могли бы дать конкретное представление о деятельности и задачах синода. В частности нет и таких прямых и конкретных данных, которые могли бы подтвердить или опровергнуть представление о них К. М. Колобовой — кроме того, пожалуй, что предполагаемый торговый характер союзов никак не отражен в их названиях. Но обратимся к тому, что дают надписи по вопросу о составе союзов.

Просматривая списки должностных лиц и членов танаидских объединений, мы встречаем в них прежде всего большое количество уже известных нам лиц — легата царя Рискупорида Зенона, сына Фанны (IPE, II, № 446), легата царя Ининфимея Хофразма, сына Форгабака (IPE, II, №№ 445, 446, 447), эллинархов Басилеида, сына Теоника (IPE, II, № 445), и Психариона, сына Фидана (IPE, II, №№ 448 и 450), архонта танаитов Ниблора, сына Досимоксарта (IPE, II, № 451), диадоха Гераклеида, сына Атты (IPE, II, №№ 445 и 450), двух архитекторов — Аврелия Антонина (IPE, II, № 451) и Навака, сына Мевака (IPE, II, № 448), наконец, ряд эпимелетов. Иначе говоря, в этих объединениях участвуют представители всех крупных правительственных должностей, а также и лица, близкие к правительственным кругам и привлекаемые иногда к участию в общих предприятиях в качестве „эпимелетов“, выполняющих ответственные специальные поручения, или в качестве архитекторов. Интересно, что эти лица,

¹ Колобова, ук. соч., стр. 75.

занимавшие высокое общественное положение в Танаисе, часто и в синодах оказываются в высших должностях — жреца, синагога, „отца синода“ и т. д.¹

Если к сказанному прибавить, что в списках синодов упоминается целый ряд имен, принадлежавших, повидимому, сыновьям, отцам или другим родственникам лиц, высокое общественное положение которых засвидетельствовано, нам станет вполне ясен состав этих объединений. Несомненно, здесь мы встречаемся с самыми высшими слоями общества Танаиса, образующими вокруг правящего кружка сплоченную группу, объединенную общими интересами, интересами господствующего класса. Этнически эта группа представляет результат смешения целого ряда племен. Среди имен встречаются и греческие, и римские, и местные — их больше всего — и даже в отдельных случаях имена еврейские и персидские. Отсутствие границ, разделяющих все эти народности, сказывается в большом количестве смешанных имен.

Весьма вероятно, что значительная часть членов этих объединений принадлежала к купеческим кругам; засвидетельствованное другими надписями богатство многих из членов союзов скорее всего могло быть приобретено именно в связи с торговыми операциями. Вообще, если вспомнить всю историю возникновения и роста Танаиса, этого эмпория по преимуществу, то предположение, что круг вершащих дела Танаиса лиц создавался, главным образом, из торговых слоев, становится весьма правдоподобным. В этом я вполне солидарна и с Цибартом, и с К. М. Колобовой. Но К. М. Колобова говорит не только это. Для нее синоды (или синод) Танаиса имеют, хотя, может быть, относительную, профессиональную замкнутость,² а возникновение их вызвано „общественной потребностью в регулярности торговых сношений“, целями „планомерной эксплуатации танаидского сырьевого рынка“,³ — одним словом, они представляют объединения профессиональные. Вот этой-то профессиональной замкнутости, а равным образом и вообще выраженного профессионального характера союза я ни в коем случае не усматриваю в имеющемся материале. Необоснованным представляется также и утверждение, что в фиасах Танаиса должен был преобладать слой чисто торгового населения, тогда как в фиасе Горгишнии на первый план выступают члены правящего класса:⁴ мы как раз видели, что в состав танаидских союзов входит целый ряд представителей всех правительственных должностей Танаиса; при этом некоторые из них носят чины высшего боспорского правительства, как Ζήνων Φάννης, занимавший одну из высших должностей ὁ ἐπὶ τῶν Ἀσποργιανῶν.⁵

Подведем итоги. Никаких конкретных указаний на профессиональный торговый характер танаидских синодов мы не имеем; состав их складывается

¹ Так, легата Хофравма, сына Фортабака, мы встречаем раньше, чем он сделался легатом, в должностях *καρατάχτης* и дважды — *ἱερέως*; архонта танантов Ниблобора, сына Досимоксарты в должности *κατὰρ συνόδου*; эллинарха Психархона, сына Фидана, в должности синагога и т. д.

² Ук. соч., стр. 79.

³ Ук. соч., стр. 75.

⁴ Ук. соч., стр. 87.

⁵ IPE, II, №№ 431 и 431 bis.

из представителей верхушки Танаиса, с главной ролью правящей группы; участие в них лиц, никак не связанных с торговлей (например архитекторов), говорит против какой бы то ни было профессиональной замкнутости этих объединений. Имеющиеся аналогичные союзы, известные как объединения людей, связанных с торговлей, не подтверждают, а скорее опровергают концепцию К. М. Колобовой. Так, единственный известный в области Боспора союз навклеров и эмпоров, во-первых, так и называется „фиасом навклеров“, во-вторых, посвящает свою надпись не „богу высочайшему“, а обычному божеству моряков Посейдону.¹ Итак, находящийся в нашем распоряжении материал не подтверждает гипотезы о профессиональном торговом характере танаиских объединений и заставляет нас видеть в них объединения все же жуповые, но получившие большое общественное значение в силу сплоченности в них представителей господствующего класса.

Несколько слов об этой сплоченности. Мы видели, в какой обстановке борьбы развивалась жизнь Танаиса. Если в дальнейшем сознание общности интересов привело к объединению в один правящий класс две прежде враждовавшие и боровшиеся за власть в Танаисе группы — группу колонистов и группу представителей верхушки местного общества, — то это еще не свидетельствует о наступлении полного успокоения. С развитием значения Танаиса как центра земледельческой области в сферу его внимания вовлекаются обширные районы Придонья. Население этих районов, по свидетельству авторов, никогда не отличалось мирными наклонностями и едва ли всегда покорно сносило (что иногда не сносило, мы знаем, см. стр. 100) тенденции Танаиса наложить руку на производимые им продукты. Вместо антагонизма двух верхушек, греческой и местной, вырастает другой антагонизм, антагонизм между местным населением, производящим нужный Танаису экспортный продукт, и сконцентрированным в Танаисе господствующим слоем. И достаточно взглянуть на план Танаиса, достаточно вспомнить о производившихся в первые века н. э. работах по восстановлению и укреплению как раз более всего оборонительных сооружений (стены, сторожевые башни), чтобы почувствовать беспокойную обстановку, в которой жил этот город.

Тем, что нами сказано о характере и составе танаиских синодов, далеко не исчерпаны вопросы, связанные с этими объединениями. Остается целый ряд моментов, которые придется затронуть хотя бы вкратце.

Первый и основной из этих вопросов — вопрос о почитаемом в танаиских союзах божестве, которое, как мы видели, нигде не названо по имени. Вопросы о θεός ὕψιστος касались так или иначе все исследователи, занимавшиеся надписями Танаиса. Отсутствие в надписях имени этого бога заставляло исследователей обращаться к аналогиям в других областях; приходилось исследовать самые эпитеты ὕψιστος и ἐπιταρχος и анализировать формулы и содержание всех надписей, содержащих упоминание данного бога. В результате и здесь мы имеем обширную литературу, где участвуют виднейшие специалисты по истории религии.

¹ ИАК, вып. 37, стр. 38 сл.

Я коснусь данного вопроса лишь вкратце. Я не могу подвергать пересмотру этот сложный вопрос, не могу прежде всего потому, что это потребовало бы ознакомления со всем параллельным материалом из религий иудейской, христианской, армянской и других, что недоступно мне прежде всего в силу необходимости для этого овладения рядом неизвестных мне языков. Ограничусь лишь краткой характеристикой положения вопроса и скажу о своем впечатлении, вынесенном из ознакомления с материалом.

В культе Ζεὺς ὕψιστος все исследователи, с теми или иными оттенками, видят один из культов, создавшихся в результате свойственного религии данного времени синкретизма. В этом боге видят в основе представление то о греческом Зевсе,¹ то о Сабазии,² указывая на наложение на эти первоначальные представления черт, объясняющихся влиянием иудейской³ и христианской⁴ религий. В выяснении этих влияний особенно много сделано Шюрером, давшим на основе привлечения громадного параллельного материала новое объяснение танаидских объединений. Танаидские синоды, по мнению Шюрера, — продукт иудейской пропаганды в отдаленной области античного мира, где античные элементы все же слишком сильны, чтобы дать возможность привиться чисто иудейским представлениям: религия членов этих объединений — не язычество и не иудаизм, а нейтрализация их обоих.⁵

Дело представляется очень сложным. Что в некоторых случаях под Ζεὺς ὕψιστος подразумевается Сабазий, несомненно: известная надпись из Пирота в Болгарии, представляющая посвящение Ζεῦ ἱερχόφ ὕψιστῳ , содержит, после списка членов, обозначение союза Νίκαος Σεβαζιανός .⁶ Эта надпись заставила М. И. Ростовцева видеть в пантикапейских склепах, на стенах которых встречаются изображения бога, напоминающего Сабазия, погребения членов синодов, почитающих „бога высочайшего“.⁷ Даже если и принять это предположение, оно не решает еще вопроса о том, всегда ли культ „бога высочайшего“ имел в основе данное представление. В частности для Танаиса наличие на некоторых плитах с надписями синодов атрибута Зевса — орла указывает как будто на какие-то, может быть, слабые, reminiscences о главном боге греческого пантеона. Но важно не это. Для религий, развивающихся в удаленных от центральных районов античного мира областях, особенно характерно, что появление нового имени бога, имени,

¹ Помяловский, ук. соч., стр. 25 сл. — Стефани, ОАК за 1870—1871 гг., стр. 229, — Новосадский, Боспорские фивы, стр. 57 сл. и др.

² IRE, II, стр. 246. — М. И. Ростовцев, Античная декоративная живопись, стр. 431—432. — С. А. Жебелев, Боспорские этюды, стр. 44. — Winkler, Archiv für Religionswissenschaft, XXVII, 1929, стр. 363.

³ E. Schürer, Die Juden im Bosphorischen Reiche und die Genossenschaften der $\text{εὐδομανοὶ θεῶν ὕψιστων}$ ebendasselbst. Sitzungsberichte d. K. Pr. Akademie der Wissenschaften zu Berlin, т. XII—XIII, вып. 4, март 1897, стр. 200 сл.

⁴ Новосадский, Боспорские фивы, стр. 63 сл.

⁵ Schürer, ук. соч., стр. 221 и 255.

⁶ Domaszewsky, Arch.-Epigr. Mitteilungen aus Oesterreich, т. X, 1886, стр. 238, № 2.

⁷ М. И. Ростовцев, Античная декоративная живопись, текст, стр. 428—434.

пришедшего извне, часто не указывает на действительное принятие нового культа, а свидетельствует лишь о новом имени, под которым почитают местного бога. Так было, вероятно, с культом Сабазия во Фракии; так могло быть и на Боспоре. И заключать по имени, а тем более по эпитету о действительном тождестве развивающихся в разных местах культов совершенно невозможно.¹

К сожалению, у нас крайне мало данных для конкретного представления как о той форме, которую культ „бога высочайшего“ приобрел в Танаисе, так и вообще о религии населения Танаиса. Попробуем все же собрать все имеющиеся у нас случайные и обрывочные сведения по этому вопросу.

Мы, во-первых, должны констатировать, что известий о почитании в Танаисе богов греческого пантеона сохранилось очень мало. Только три надписи (IRE, II, №№ 423, 424, 425) содержат имена греческих богов: надпись 133 г. н. э. представляет посвящение богине Артемиде Парфенокла, сына Эрота, успешно выполнившего данный им обет;² надпись царствования Тиберия Юлия Евпатора говорит о посвящении богу Аполлону легата Антимаха, сына Харитона; надпись 193 г. н. э. представляет посвящение легата Зенона, сына Зенона и внука Дады, богам Зевсу, Аресу и Афродите. Этим исчерпываются все имеющиеся у нас данные о культе греческих богов в Танаисе. Ничего к этому не прибавляют также и вещественные находки. Не найдено ни одного памятника, который мы могли бы с уверенностью связать с каким-либо из греческих богов; не найдено даже широко распространенных в античных центрах терракотовых статуэток, изображающих тех же богов. Характерно притом, что из трех известных нам лиц, поставивших надписи с посвящениями греческим богам, двое занимают должность легатов, легаты же, как мы видели, по большей части присылались в Танаис из центральных областей Боспора;³ таким образом, даже и приведенные немногочисленные надписи не могут характеризовать распространенных в Танаисе культов, так как в некоторых случаях поставлены лицами, лишь недавно явившимися в Танаис.

Этим немногочисленным известиям о греческих культах — культах, которые к тому же едва ли и сами сохранились в чистом виде, — мы должны противопоставить материал совсем иного рода. Наличие на могилах Танаидского

¹ Ярким примером в пользу высказанного суждения могут служить сопоставления Шюрера. Если основываться только на совпадении приводимых им эпитетов и формул, мы должны были бы сделать вывод, что союзы Танаиса представляют такие же общины, какие были распространены в областях, где была особенно развита иудейская религия; не являясь чисто иудейскими, последние общины стояли в теснейшей связи с иудейством; *συνάγωγαι θεῶν ὁρίστων* — название, определяющее группы почитателей иудейского бога, не признававших икон и других изображений божества и выполнявших некоторые из обрядов и обычаев иудейской религии, не становясь в то же время в ряды правоверных иудеев. Поставить знак равенства между этими общинами и танаидскими синагогами безусловно невозможно.

² Принадлежность надписи к числу памятников Танаиса под вопросом. Она найдена близ Ростова и могла попасть туда и не из Танаиса.

³ Из двух поставивших надписи посланников один — *Ζήνων β' τοῦ Δάδα* — был бесспорно прислан из центральных районов Боспора, как это видно из текста надписи (IRE, II, № 423).

некрополя в качестве надгробных памятников воткнутых в землю предметов вооружения или грубых антропоморфных изваяний свидетельствует о том, что для массы населения должны были быть характерны представления весьма примитивные, гораздо более примитивные, чем и античные и иудейские верования, наслоившиеся на эти первоначальные представления. Все это не могло не отразиться и на культе *ἑὸς ὕψιτος*, привившемся и развившемся здесь: вероятно этот культ был в Танаисе больше, чем в других местах, насыщен чертами самой примитивной религии. Далее, мог ли быть здесь этот культ продуктом еврейской пропаганды? Вообще говоря, невозможного здесь нет: среди встречающихся в надписях Танаиса имен некоторые являлись, повидимому, иудейскими.¹ Но трудно предположить, чтобы это влияние было действительно значительным; никаких данных, говорящих о значительном проценте иудеев среди населения Танаиса, у нас нет. При таких условиях могли быть скорее усвоены внешние формы религии чужой, но во многом аналогичной той, которая существовала здесь ранее, чем была действительно перенята новая религия.

Насколько широки были круги населения Танаиса, охваченные культом „бога высочайшего“, мы не знаем. В имевшем здесь место пестром смешении представлений, свойственных местным верованиям, религиям античной и иудейской, а частью и другим восточным (ср. египетские амулеты, часто находимые в погребениях Танандского некрополя), нелегко разобраться. Ведь общество Танаиса, несомненно, не было единым в смысле социальном, и различные группы имели, конечно, и различную идеологию. При настоящем состоянии наших знаний о Танаисе мы видим, что культ „высочайшего бога“ был религией высших слоев, поскольку созданные для почитания этого бога союзы состояли из представителей знати Танаиса. Весьма возможно, что это было именно так, т. е. что монотеистическая религия, религия „высочайшего бога“ была религией верхушки общества Танаиса, а у массы населения преобладали верования гораздо более примитивные. Но это приходится пока ставить лишь как вопрос, достаточных доказательств в пользу сказанного мы еще не имеем.

В заключение нашего затянувшегося ознакомления с союзами, почитающими „бога высочайшего“, мы должны коснуться вопроса о количестве таких союзов в Танаисе. Здесь мы опять встречаемся с рядом затруднений. Мы неоднократно указывали на то, какой однородный характер имеет большинство *tituli conlegiorum* Танаиса: везде фигурирует одно и то же божество, нигде союз не имеет точного обозначения, везде встречаются представители верхних слоев Танаиса, выдвигающиеся или в силу имущественной обеспеченности, или по принадлежности к правящей группе. Естественно возникает вопрос, был ли в Танаисе один такой союз или ряд вполне аналогичных объединений? И если не один, можем ли мы сгруппировать надписи, принадлежащие определенным объединениям и таким образом выяснить количество известных нам союзов?

¹ Шюрер (указ. соч., стр. 218) считает иудейскими имена *Σαββατίων* (IPE, II, №№ 434, 446, 447, 448, 451) и *Ἀζαρίων* (IPE, II, №№ 446 и 454).

При попытке решить эти вопросы, исследователь встречается с рядом затруднений. Некоторые надписи можно было бы объединить с другими по наличию в них повторяющихся имен, притом не только имен членов, а иногда и имен должностных лиц (IPE, II, №№ 454 и 455; 446 и 447; 448 и 450 и др.); естественно возникает предположение о принадлежности их одному объединению. В то же время некоторые из надписей, датированных одним годом и одним месяцем (IPE, II, №№ 447 и 448), содержат совершенно различный состав и членов, и должностных лиц и в силу этого никак не могут принадлежать одному союзу. Предпосылки для распределения надписей по союзам как будто, таким образом, имеются. Но вопрос оказывается более сложным. Даже в тех немногочисленных надписях, которые имели такие совпадения и, казалось бы, могли быть отнесены к одному объединению, совпадающих имен встречалось обычно много меньше, чем имен, принадлежащих только одному из списков. К сожалению, о двух надписях, принадлежность которых одному союзу наиболее вероятна (№№ 454 и 455), нельзя вынести полного впечатления: из них одна (№ 455) сохранилась только в небольшой части, и полного списка членов мы не знаем. Но, например, в надписях №№ 446 и 447, имеющих одно и то же имя жреца, повторяются, кроме жреца, только два имени (из них один $\Theta\alpha\lambda\omega\tau\eta\varsigma$ и здесь и там, другой, упомянутый как $\Theta\alpha\lambda\omega\tau\eta\varsigma$ в более ранней надписи № 446, в надписи № 447 занимает должность $\phi\iota\lambda\acute{\alpha}\chi\alpha\delta\omicron\varsigma$). Надписи отделены друг от друга промежутком времени в пять лет: почти полная перемена состава союза не может не вызывать недоумений. Еще меньше совпадений оказывается между другими списками. В любом или почти любом списке встречаются имена, повторяющиеся в других списках; но повторения эти не настолько многочисленны, чтобы давать повод для заключения о принадлежности каких-либо хотя бы двух списков одному союзу. Не помогают и формулы. Если мы будем исходить из двух имеющихся у нас обозначений танаидских синодов ($\eta\ \sigma\upsilon\nu\omicron\delta\omicron\varsigma\ \eta\ \pi\epsilon\rho\iota\ \iota\epsilon\rho\acute{\epsilon}\alpha\ \kappa\alpha\iota\ldots$ и $\eta\ \sigma\upsilon\nu\omicron\delta\omicron\varsigma\ \eta\ \pi\epsilon\rho\iota\ \theta\epsilon\omicron\nu\ \upsilon\phi\eta\tau\omicron\nu\ \kappa\alpha\iota\ \iota\epsilon\rho\acute{\epsilon}\alpha\ \kappa\alpha\iota\ldots$) и предположим, что две эти формулы свидетельствуют о двух союзах, мы при рассмотрении материала должны будем отказаться и от этого предположения. Как раз среди надписей, начинающихся одинаковой формулой, есть такие, которые наиболее различаются между собой по составу членов. Наиболее яркий пример представляют уже упоминавшиеся нами надписи №№ 447 и 448, датированные одним годом и одним месяцем и имеющие совершенно одинаковое обозначение объединения, но совершенно различный состав и должностных лиц, и фисотов. Приходится, таким образом, или признать наличие какой-то громадной текучести состава союзов, или считать, что, за немногими исключениями, каждая надпись принадлежит особому союзу. К последнему выводу приходит Цибарт, считающий, на основании приведенных соображений, что союзы в Танаисе имелись „в большом множестве“ („in grosser Menge“).¹ Еще дальше идет Поланд; он вообще ставит под сомнение возможность рассматривать синоды Танаиса как настоящие, постоянно действующие союзы и склоняется

¹ Ziebarth, ук. соч., стр. 209.

к мнению, что они представляли скорее временные объединения для празднования определенных религиозных празднеств, „Festvereine“.¹ Следует, впрочем, отметить, что свое предположение Поланд высказывает очень осторожно, не в виде утверждения, а лишь как возможность.

Из рассмотрения материала следует с несомненностью, что об одном союзе в Танаисе речи быть не может: имелся безусловно ряд объединений. Но дальше вопрос о танаидских синадах остается открытым. Наличный материал не дает ничего, что могло бы подтвердить или опровергнуть высказанное Поландом предположение; а сами по себе соображения Поланда недостаточны. То обстоятельство, что в надписях говорится только о посвящении членами „синада“ надписи богу высочайшему, не дает нам еще права предполагать, что в этом состояла вся деятельность танаидских объединений:² именно основная, повседневная их работа могла не признаваться достойной фиксации на мраморной плите. Серьезнее соображения об изменчивости состава синадов, действительно наводящей на мысль о возникновении объединений каждый раз заново, на короткое время. Но соображения, так сказать, косвенные, говорят против Поланда. Из этих соображений главное — несомненная аналогичность танаидским синадам объединений других городов Боспора, особенно Пантикапея; последние же объединения никак не могут рассматриваться как временные объединения, основанные для проведения религиозных празднеств.

Все до сих пор найденные надписи пантикапейских объединений представляют надгробия, поставленные синадом своему сочлену; как и танаидские, эти объединения обозначаются словом *σύνδος*, а члены его *δισσῶται* или *συνδῶνται*. Обычная формула³ этих надписей: синад в составе таких-то должностных лиц и остальных членов (последние обычно не перечисляются поименно) поставил такому-то стелу (или: такого-то) памяти ради (*μνήμης χάριν*). Название, которое имеют „синады“, аналогично первому танаидскому варианту: *ἡ σύνδος ἡ περὶ πατρὸς κτλ*, иногда жрец заменяется другим должностным лицом, как отец синада или синагог. Перечисление должностных лиц опять-таки свидетельствует о большой близости танаидским объединениям: и здесь нам встречаются *πρεσβύς*, *πατὴρ σύνδου*, *συναγῶγος*, *φιλάγας*, *παρὰφιλάγας*, *γυμνασιάρχης*, *νεανισκάρχης*, кроме них, не встречающаяся в Танаисе должность *πρωματὰς*.

Обычай ставить памятник на могиле умершего сочлена вполне естествен для всякого союза; но его трудно предположить для основываемых только в связи с организацией религиозного праздника временных объединений. А если так, если тем самым отпадает возможность такого понимания пантикапейских объединений, она маловероятна и для танаидских синадов. Получилось бы, что постоянные союзы и объединения, учрежденные *ad hoc*, имеют

¹ Poland, ук. соч., стр. 72—73.

² Poland, ук. соч., стр. 72: „Die einzige wirkliche Tätigkeit, die ein Mitglied ausführt, ist ja eben nur die Aufschreibung der Genossen auf einen *συναγωγὴν*“.

³ Кроме приводимой формулы, встречаются аналогичные, но сокращенные или отличающиеся порядком изложения. Отличающийся от обычного для надгробий членов синадов текст имеет известное надгробие Дафна, сына Психариона (IRE, II, № 65).

почти совершенно одинаковые обозначения, почти совершенно одинаковые должности; кстати сказать, должности танаидских синодов и вообще характерны для союзов, а не для временных объединений.¹ Мне представляется, что при таких условиях все же приходится рассматривать танаидские синоды как действительные союзы, созданные не только для празднования определенных религиозных торжеств, но имеющие также и более широкий круг постоянной деятельности; очевидно их был целый ряд, очевидна также их несомненная связь между собою, допускающая вполне легкий переход участвующих из одного союза в другой.

Занимавшиеся танаидскими синодами исследователи естественным образом стремились определить ту историческую роль, которую сыграли эти объединения. В них хотят видеть оплот эллинизма в его борьбе с варварством,² их, как и все вообще религиозные союзы, возникающие в удаленных от центров античного мира областях, считают проводниками греческой религии и греческой культуры в диких варварских странах.³ Та же мысль лежит и в основе предположения, что члены танаидских союзов стремились быть похороненными в Пантикапее, „ближе к греческой земле и уже во всяком случае в гораздо более греческом городе“.⁴ Танаидские синоды оказываются, таким образом, в глазах исследователей твердо хранящими традиции эллинской культуры, они охраняют ее от вторжения варварства, члены их даже предпочитают после смерти покойся в чужом, но более эллинском городе.

Все эти утверждения нуждаются в больших поправках. Объединения, имевшие своим официальным языком язык греческий, исповедовавшие монотеистическую религию, заботившиеся о деле воспитания (хотя бы и только физического воспитания) молодежи, несомненно играли немаловажную культурную роль в стране, заселенной племенами в значительной еще степени „варварскими“. Но греческой эта культура может быть названа лишь весьма условно. Мы видели, что божество, которому поклонялись члены религиозных объединений Танаиса, характерно не для центральных областей античного мира, а для его окраин: области по Черному морю, Фракия, Малая Азия, а не Греция и не Рим, были главными районами, где почитался *Ζεὺς Ὀψιστος*. Таким образом, соображение о роли союзов в деле распространения греческой религии следует высказывать с определенными оговорками. Мы видели далее, что списки членов союзов содержат больше имен негреческих, чем греческих, и что замечаемые в них смешанные имена свидетельствуют также и о смешении этнических групп: союзы, по крайней мере в это время, не носили характера замкнутых греческих объединений, а, напротив, включали связанных общностью социальных и экономических интересов представителей различных этнических групп. Если мы вспомним также и все то, что дает нам археологический материал, рисующий

¹ Poland, ук. соч., стр. 72—73, также стр. 337 сл. (глава „Beante“).

² Minna, ук. соч., стр. 625.

³ Ziebarth, ук. соч., стр. 211.

⁴ К. М. Колобова, ук. соч., стр. 75.

Танаис не как город, где представлены различные этнические группы, живущие обособленной друг от друга жизнью, а как город, где эти группы слились, смешались и образовали одно целое, нам станет ясно, как далеки от действительности представления о каких-то определенных явлениях противопоставления в Танаисе данного времени эллинизма варварству. Отношение к Танаису как к чужому, варварскому городу могло бы быть только у одной группы населения Танаиса — у приезжавших туда на время с определенными торговыми целями купцов; но синоды Танаиса никак не могут рассматриваться как объединения представителей этой группы — в них входит именно постоянно живущее в Танаисе население. Поэтому мало убедительным является предположение Миннза о вероятной помощи союзов делу борьбы эллинизма с варварством, предположение, которое и сам Миннз сопровождает сразу же оговоркой; поэтому столь же маловероятным является и предположение К. М. Колобовой о том, что танаидские *Συνεδρία* предпочитали покоем после своей смерти на более греческой земле Пантикапея: Танаис несомненно должен был уже стать родиной для тех, чьи предки выселились сюда с Боспора или из Греции за ряд столетий.

Повторю еще раз те наблюдения, которые мы смогли сделать при рассмотрении вопроса о танаидских „синаодах“. Танаидские синоды в большей их части следует рассматривать как культовые объединения, созданные для почитания „бога высочайшего“. Культ этого бога, распространенный также и в других местностях, главным образом на окраинах античного мира, создан на почве религиозного синкретизма — в этом божестве усматриваются черты Зевса, Сабазия, бога иудеев и христиан, причем локальные различия, существовавшие между различными образами божества, обозначаемого этим именем, должны были быть несомненно очень значительными. В Танаисе этот культ представлял религию верхушки общества; верования низших слоев отличались гораздо большей примитивностью. Вероятно и самый культ бога высочайшего Танаиса отличался чертами более примитивными, чем в других местностях; в связи со слабым распространением в Танаисе чисто греческих культов, черты греческих божеств выражены в этом боге как еле заметные реминисценции. Являясь в основе культовыми объединениями, танаидские синоды имели несомненно большое значение в социальной жизни, способствуя еще большей сплоченности верхушки общества Танаиса: сплоченность эта была необходима в обстановке вечной угрозы со стороны воинственных племен Придонья, противостоящих стремлению Танаиса прочно наложить руку на хозяйство данной области.

В заключение считаю нужным коснуться еще одной надписи, до сих пор, несмотря на давнюю ее находку, оставшейся неизданной и потому неизвестной даже в кругу специалистов. В 1913 г. на территории Недвиговского городища была случайно найдена казаками и продана в Новочеркасский музей мраморная стела с рельефом в верхней части и греческой надписью. К сожалению, и сейчас я не имею возможности точно описать этот памятник;¹ тем не менее,

¹ Мне пришлось описывать и измерять стелу, лежащую в витрине и недостаточно хорошо освещенную. Не удалось мне получить и эстампажа со стелы.

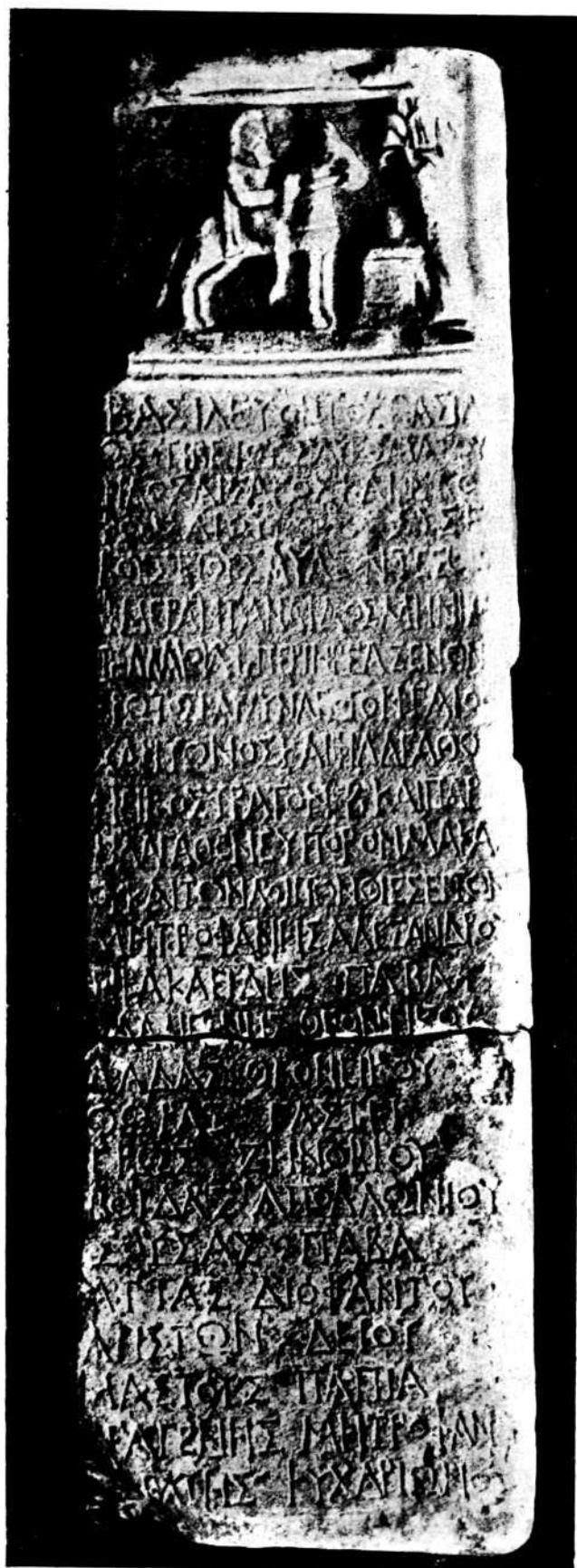

Рис. 44. Мраморная стела с рельефом и надписью
(Новочеркасский музей).

считаю необходимым, ввиду исключительного интереса данной стелы, дать здесь хоть предварительное ее описание, с воспроизведением текста надписи (рис. 44).

Плита, разбитая на две части, имеет в высоту около 0.74 м, в ширину до 0.23 м. Верхняя часть занята рельефом: изображен всадник на коне перед алтарем с пылающим огнем; за алтарем — дерево. У всадника длинные волосы и борода, на плечах, поверх одежды, плащ, в руке ритон. Рассмотреть детали костюма и вооружения мешает сильная поврежденность поверхности.

Ниже рельефа греческая надпись в 25 строк, сохранившаяся в большей ее части очень хорошо. Воспроизвожу ее текст.

1	Βασιλεύοντος βασιλ[έ]- ως Τιβερίου Σαυρομάτου φιλοκρίσαρος καὶ φιλο- ρωμίου εὐσε-
5	βοῦς ἔτους αὐ' ἄ[γ]οντες.. ἡμέραν Τανάιδος μηνὶ Ἀ- πελλαίου οἱ περὶ ἱ[ε]ρέα Ζήνων Ἐρωτος καὶ συναγωγὸν Γαίον Χαρίτωνος καὶ φιλάγαθο[ν]
10	Νηκόστρατον β' καὶ παρ[α]- φιλάγαθον Εὐπορον Μακά[ρ] ου καὶ τῶν λοιπῶν διασιτεῶν Μητροφάνης Ἀλεξάνδρου Ἡρακλείδης Πάβρα
15	.....γενὴς Θεονείκου Δάδας Θεονείκου Θώρας Γάσται Ἐρως Ζηνοβίου Βοῖδας Ἀπολλωνίου
20	Σούσας Πάβρα Ἀττας Διοφάντου Ἀρίστων Δείου Μαστοῦς Παπία [Θ]εαγένης Μητροφάνου
25	.....της Ψυχάρωνος

Перевод. В царствование царя Тиберия Савромата, друга Цезаря и друга римлян, благочестивого, в год 401 справляющие день Танаиса в месяце Аппелее, во главе с жрецом Зеноном, сыном Эрота, синагогом Гаем, сыном Харитона, филлагатом Никостратом, сыном Никострата и парафиллагатом Евпоров, сыном Макара, и остальные филлоты: Митрофан, сын Александра, Гераклеид, сын Пабы, ... ген, сын Теоника, Дада, сын Теоника, Торас, сын Гастия, Эрот, сын Зенобия, Боид, сын Аполлония, Сусас, сын Пабы, Аттас, сын Диофанта, Аристон, сын Дея, Мастус, сын Папия, Теагон, сын Митрофана, [?], сын Психариона.

Надпись датирована 401 г. боспорской эры, т. е. 104 г. н. э. Таким образом, она представляет самый ранний из сохранившихся эпиграфических памятников Танаиса: до сих пор самой ранней из содержащих указание года надписей

Танаиса была надпись, изданная в т. IV IRE под № 449 и принадлежащая 123 г. н. э. По содержанию новая надпись представляет памятник для Танаиса совершенно уникальный. В ней говорится, как мы видели, о праздновании „дня Танаиса“; С. А. Жебелев в беседе со мною об этой надписи высказал предположение, что здесь подразумевается празднование дня, посвященного божеству Танаиса, считавшемуся сыном Океана и Тетис. Это — одно из тех речных божеств, которые имели большое распространение в античном мире вообще и в частности в области Причерноморья.¹ Предположение С. А. Жебелева следует признать вполне вероятным. В таком случае к известным нам в Северном Причерноморье божествам такого рода, как ольвийский Борисфен, как божество Херсонеса Херсонас, как божество Тире и др., присоединяется еще божество Танаиса. В Танаисе это божество имело свой посвященный ему день, праздновавшийся с участием обычных в союзах Танаиса жреца, синагога, „филагата“ и „парафилагата“, также рядовых участников-фиасотов.

Имеем ли мы здесь дело с постоянным фиасом, посвященным божеству Танаиса, или в данном случае мы встречаемся, с одним из объединений специально сконструированных для организации праздника, „Festvereine“,² мы не знаем. Более вероятно, что это был именно „Festverein“.

Интересен рельеф в верхней части плиты. Изображено, несомненно, какое-то лицо, облеченное властью, что подчеркивается атрибутом — ритон. Ритон в руке, также длинные волосы и длинная борода — те местные черты, которые внес художник в хорошо известные аналогичные изображения: всадник у стоящего перед священным деревом алтаря с пылающим огнем — один из мотивов, повторяющихся на многих изображениях, например, на надгробных рельефах.³ Памятник заслуживает, повторяю, безусловного внимания и специального издания.

Этим памятником, знакомящим нас еще с одной интересной чертой религиозных представлений Танаиса, мы закончим обзор эпиграфического материала. Ряд неизданных обломков, имеющих в музее Ростова на Дону,⁴ представляют незначительные фрагменты, не позволяющие установить содержание надписей. По характеру письма они все принадлежат II—III вв. н. э.

Остается коснуться еще некоторых моментов, выясняющихся при ознакомлении с эпиграфическими памятниками Танаиса. Первый вопрос — о языке надписей Танаиса.

Все надписи написаны на греческом языке. Но как далек этот язык от классической речи, знает каждый, просмотревший хотя бы некоторые из танаисских надписей. Неправильность в употреблении падежей, смешение

¹ RE, VI, стр. 2791, статья Вазера, где приведен длинный список таких „речных божеств“. О божестве Танаиса см.: Roscher. Lexikon der Mythologie, т. V, стр. 73 (Höfer).

² Poland, ук. соч., стр. 70.

³ Ср., например: Königl. Museen zu Berlin. Beschreibung der antiken Skulpturen mit Ausschluss der pergamenischen Fundstücke. Берлин, 1891, стр. 310—311, №№ 810, 811, 812.

⁴ Напомню еще раз, что неизданные эпиграфические памятники, находящиеся в Новочеркасском музее, не могли быть мною включены в настоящее исследование.

активной и пассивной конструкции, несогласованность в роде и числе встречаются здесь так часто, что в некоторых случаях невозможно даже с уверенностью установить содержание надписи и дать ее точный перевод. В то же время орфография свидетельствует о произношении, значительно отличающемся от правильного греческого. С большим постоянством повторяются одни и те же ошибки, одни и те же отклонения от правильного греческого языка. Ясно, что одной только безграмотностью резчика это не может быть объяснено — явления эти должны вызываться более общими причинами.

Леонтьев видит здесь свидетельство „порчи, которой подверглась в Танаисе греческая национальность“, ¹ и с той же точки зрения подходит к данному явлению и Латышев в комментариях к отдельным надписям. В недавнее время К. М. Колобова выдвинула гипотезу о том, что искажения греческого языка в танаидских надписях объясняются влиянием на этот язык языка сарматского, родного языка местного населения области Танаиса: среди встречающихся в танаидских надписях ошибок некоторые повторяются с таким постоянством, что сама собой напрашивается мысль об отражении в этих „ошибках“ особенностей другой речи, другого языка, несходного с греческим. Основное значение среди этих повторяющихся отклонений от правильной греческой речи Колобова придает смещению пассивной и активной конструкции.

Напечатанная К. М. Колобовой в 1933 г. статья ² представляет только предварительную публикацию, больше ставящую, чем решающую данный вопрос. Дальнейшей разработки этой темы мы пока не имеем. Гипотеза К. М. Колобовой представляется мне сама по себе весьма интересной и к тому же согласующейся с тем обликом Танаиса, который вырисовывается перед нами на основании всего рассмотренного материала. Тем более жаль, что в нашем распоряжении все еще нет обещанного Колобовой более обширного исследования. Углубленная разработка данного вопроса могла бы, может быть, подвести прочную базу под построение Колобовой, в настоящем своем виде вызывающее возражения именно вследствие недостаточности приводимого материала. ³

В заключение нашего обзора танаидских надписей я хочу, опять-таки вкратце, остановиться еще на одном вопросе. Этот вопрос — отражающееся в надписях значение в Танаисе родственных связей.

Это явление бросается в глаза уже при рассмотрении вопроса об особенностях общественной и политической жизни Танаиса. Так, среди немногих известных нам архонтов танаитов некоторые бесспорно находились между собой в отношениях родства. В 193 г. (IPE, II, № 423) архонтом танаитов был Βόρασκος Βάβου, а в 220 г., т. е. через промежуток, несколько меньший чем тридцать лет

¹ Ук. соч., стр. 432.

² К. М. Колобова. К вопросу о сарматском языке. Из истории докапиталистических формаций. ИГАИМК, вып. 100, 1933, стр. 416 сл.

³ См. рецензию Е. Г. Кагарова на работу К. М. Колобовой в ПИДО, 1934, № 9—10 и ответ К. М. Колобовой в том же издании, 1935, № 1—2, стр. 192.

(IPE, II, № 430) — Βάβος Βασιράσκου: по всей вероятности, здесь перед нами отец и сын. Далее, среди четырех архонтов танантов 220 г. (IPE, II, № 430) рядом названы Χοράδος Σανδαρζίου и Χόφαρνος Σανδαρζίου — очевидно, два брата. Братьев мы встречаем и среди эпимелетов — Ἰρβίς Ἰραμβούστου и Σαύακίς Ἰραμβούστου (IPE, II, № 427, 188 г. н. э.), Ἀντίμαχος Κίμβρου и Φιδάνους Κίμβρου (IPE, II, № 434, 236 г. н. э. и др.); отцом и сыном были также, вероятно, эпимелет Ἀττας Πρακλείδου (IPE, II, № 428) и диадох Πρακλείδης Ἀττα (IPE, II, № 434, 236 г. н. э.).

Аналогичные наблюдения мы можем также сделать, просматривая списки членов танаидских синодов. Почти в каждом списке мы встречаем повторение одинаковых отчеств; характерно, что часто имена с одинаковыми отчествами следуют одно за другим. Если даже и предположить, что некоторые из этих одинаковых отчеств — дело случая, то все же остается большая вероятность одновременного участия в союзах братьев, иногда отца с сыновьями.

Значительное количество такого рода примеров не может не привлечь внимания: конечно, это не случайное явление, а одна из характерных для Танаиса особенностей. И это вполне понятно. Верхушка общества Танаиса составлялась, как мы это неоднократно отмечали, из представителей двух групп — боспорских колонистов и местной родовой знати. В Танаисе II—III вв. н. э. мы встречаем потомков и тех, и других, объединенными в общий господствующий класс; из состава этого класса набираются и городские магистраты, и эпимелеты. Но в этом классовом рабовладельческом обществе продолжают занимать видное место представители старых знатных родов; самая передача определенных должностей делается по признаку родства с прежними правителями. Не случайность, конечно, что такого рода явления наблюдаются как раз применительно к должности архонтов танантов — правителей, первоначально стоявших над местной частью населения Танаиса. Итак, к уже высказанным наблюдениям о местных чертах в Танаисе прибавляется еще одно — важная роль, которую играют в обществе Танаиса представители местной родовой знати, ранее выступавшей в качестве соперника колонистов, явившихся из центральной части Боспора.

Монетных находок было сделано в Танаисе довольно много. Этот материал мог бы существенно дополнить и проверить многие из сделанных наблюдений. К сожалению, находки эти для настоящего исследования недоступны. Большинство монет было найдено во время раскопок Леонтьева в 1853 г. (60 экземпляров) и Хицунова в 1870 г. (62 экземпляра); к ним прибавляется ряд монет (точное количество в отчетах не указано), найденных Тизенгаузенем в 1867 г., и три монеты, найденные Н. И. Веселовским в 1908—1909 гг.¹ Монетные находки делались и в позднейшее время;² довольно значительное количество их входит, или входило, в частные коллекции. Настоящей и полной публикации всего

¹ Веселовский. Танаис Младший, стр. 251, прим. 12.

² Из них одна найдена Б. Б. Луниным (ПИДО, 1934, № 11—12, стр. 113 сл.).

этого материала нет, и, что хуже всего, большая его часть уже не может быть выделена из всей массы античных монет музейных собраний.¹ При использовании нумизматических находок из Недвиговки приходится, в силу сказанного, опираться главным образом на те определения, которые были сделаны в свое время раскопщиками.

Судя по этим определениям, подавляющее большинство недвиговских монет принадлежит к числу боспорских и датируется первыми тремя веками н. э.;² только одна боспорская монета принадлежит несколько более раннему времени, именно I в. до н. э.³ Небольшим количеством экземпляров представлены монеты императорского Рима I—IV вв. н. э.;⁴ единичны находки монет восточных. Среди всего этого материала самым ранним экземпляром является „диплептон города Фанагории I в. до Р. Х. (Бурачков, табл. XXIII, № 10)“,⁵ самым поздним — монета императора Валента.⁶

Известное нам довольно значительное количество танаидских монет (до 200 экземпляров) дает возможность сделать некоторые обобщения. Имеют для нас значение, прежде всего, те данные о времени существования Танаиса на месте Недвиговского городища, которые могут быть сделаны на основании нумизматического материала; мы видели, что найденные здесь монеты принадлежат времени с I в. до н. э. по IV в. н. э. Далее, тесная связь с Боспорским царством сказывается также и в том, что Танаис пользовался преимущественно боспорскими монетами. Собственных монет Танаис, очевидно, не имел: повторные попытки исследователей найти монеты, чеканенные в самом Танаисе, не привели к положительным результатам, что достаточно убедительно продемонстрировано А. М. Ильиным.⁷

Этим ограничиваются те немногие обобщения, которые позволяют сделать нумизматические находки; вместе с тем, этим кончается наш обзор всего того материала, который был найден в Недвиговском городище в результате всех производившихся там исследований.

¹ До сравнительно недавнего времени большинство поступавших в нумизматическое отделение музеев монет распределялось там по группам и типам, без сохранения данных о происхождении каждой монеты.

² Леонтьев. Пропилон, IV, стр. 433 и 491; ср. также: ОАК за 1867 г., стр. XX и XXII; а за 1870/71 г., стр. XXIV.

³ Веселовский. Танаис Младший, стр. 251, прим. 12.

⁴ Леонтьев, ук. соч., стр. 433, 438, 491. — Лукин, ук. соч.

⁵ Веселовский. Танаис Младший, стр. 251, прим. 12.

⁶ Леонтьев, ук. соч., стр. 438, прим. 1.

⁷ А. М. Ильин. Монеты древнего Танаиса, ЗРДО, I, 1912, стр. 175 сл.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В предыдущих главах мы рассмотрели все, что было добыто в результате длительных, хотя и не систематических исследований Недвиговского городища. Перед нами прошел длинный ряд различного рода находок, в число которых вошло и значительное количество памятников эпиграфических и нумизматических, и отдельные выдающиеся образцы античного искусства, и большие группы обиходного материала. Что же дает сделанный обзор?

Мы помним, как мало данных содержат литературные источники; из них мы знаем только, что в устье Дона существовал город, основанный „боспорскими греками“ и представлявший „самый большой после Пантикапея варварский эмпорий“, или „общий эмпорий азиатских и европейских кочевников и плывущих по Азовскому морю“, очевидно, с Боспора; знаем, далее, что этот город был в подчинении у боспорского правительства, но по временам отпадал от него, и за попытку к неповиновению был разрушен Полемоном; знаем, наконец, что Танаис имел некоторую власть над местными племенами, иногда, хотя и не всегда, бывшими у него в подчинении. Этими сведениями ограничивается все, что нам известно о Танаисе на основании литературных свидетельств.

Не буду вновь повторять все то, что дает нам богатый эпиграфический материал о государственном устройстве Танаиса, составе населения, религиозных представлениях и т. д. Это сделано мною уже в предыдущей главе. Остановлюсь лишь на некоторых общих вопросах, могущих быть поставленными только на основе всего материала.

Начну со сводки сделанных наблюдений о времени существования Танаиса близ нынешней Недвиговки. Обзор находок дал нам целый ряд достаточно показательных данных. Почти в каждой группе материала мы встретились с предметами III—II вв. до н. э. как наиболее ранними памятниками. Так, среди керамических находок мы имеем большое количество амфорных ручек с клеймами второй половины III—II вв. до н. э., ряд экземпляров привозной художественной керамики (мегарские чашки, эллинистическая чернолаковая керамика), также отдельные экземпляры боспорской эллинистической керамики, как, например, расписная урна № 2; предметы того же приблизительно времени мы обнаружили и среди памятников скульптуры (женская головка от рельефа) и торевтики (некоторые из золотых серег, перстней и т. д.). Несколько более позднему

времени (I в. до н. э.) принадлежат и самые ранние из монетных находок. Наконец, вспомним, что мы имеем относящиеся к тому же приблизительно времени погребения, частью очень богатые (погребение в урне № 3). Значительное количество эллинистических находок, на что, как это ни странно, до сих пор не обращалось внимания, создает вполне определенное впечатление. Мы можем с уверенностью говорить о том, что уже в конце III — начале II в. до н. э. близ Недвиговки находился Танаис, представлявший крупный центр, развивший значительную торговлю с Боспором, а через Боспор — и с другими областями античного мира (Родос, Пергам, Александрия и др.).

Вместе с тем рассмотренный материал дает право и для вывода о том, что в классическую эпоху Танаис на этом месте еще не существовал. На этом следует остановиться. При обзоре находок мы отметили ряд экземпляров времени более раннего, чем эллинистический период; все они были найдены на территории некрополя и все представляют предметы типичной местной культуры. Эти ранние местные находки свидетельствуют о наличии еще в VI в. до н. э. какой-то жизни в том месте, где позже был основан греческий город. Весьма возможно, что здесь было какое-то местное поселение, но достаточными данными для такого утверждения мы пока не располагаем.

Что касается материала, говорящего о существовании здесь уже Танаиса, торгового города, то такой материал начинает встречаться, как мы видели, не ранее середины III в. до н. э. Возможны ли обобщения, основанные на находках, сделанных в результате исследований, в большей их части никак не стоявших на высоте археологической науки? С необходимыми оговорками, возможны.

Учтем, прежде всего, как производились раскопки. Городище уже при Леонтьеве „можно сказать, изрезано во всех направлениях“ доведенными до материка траншеями; из отчетов Леонтьева мы убеждаемся, что траншеи эти имели значительную длину и что они прокладывались через все участки площади городища. Новые раскопы были здесь проведены и Хицуновым, также доведшим свои раскопы до материка; в некрополе раскопано до 200 погребений грунтового могильника и свыше 40 курганов. Трудно считать случайностью, что все эти раскопки не дали ни одного принадлежащего классическому периоду предмета. Особенно важно, что концом III—II в. до н. э. датировался материал самых глубоких слоев городища.

В связи с этим вновь подтверждается мнение о преемственном переходе значения главного торгового центра области Придонья от городища у станицы Елисаветовской к городищу Недвиговскому. Напомню еще раз,¹ что в Елисаветовском городище встречаются находки эллинистического времени, но представляющие типы только ранне-эллинистические, а не типичные для развитого эллинизма мегарские чашки, узкие, удлиненные бальзамарии, светильники с вытянутым рожком и другие подобные предметы, которыми так богаты слои и погребения II—I вв. на всем протяжении Северного Причерноморья. Именно

¹ Опыт характеристики..., стр. 130.

такого рода группы и составляют наиболее ранний материал Недвиговского городища. И та же разница во времени наблюдается, например, и в распространенных в двух интересующих нас поселениях типах амфор; так, в Недвиговском городище характерные для Елисаветовского городища фасосские и гераклеийские клейма вытесняются группой родосской, в массе своей падающей на более позднее время.

Итак, более углубленное исследование недвиговских находок только утверждает нас во взглядах, уже высказанных ранее. Из рассмотрения всего дошедшего до нас материала следует, во-первых, что в III в. до н. э. роль главного центра данной области переходит от городища у станицы Елисаветовской к поселению, расположенному у нынешней Недвиговки; во-вторых, что поселение, существовавшее с III в. до н. э. на последнем указанном месте, представляло тот Танаис, о котором нам рассказывает Страбон и который в I в. до н. э. был разрушен „за неповиновение“ боспорским царем Полемоном. Отметим сразу же, что просмотр материала римского времени убеждает нас в отсутствии сколько-нибудь длительного перерыва в жизни Танаиса в период, непосредственно следующий за этим разрушением. Какие бы формы ни имела карательная экспедиция Полемона, город, очевидно, продолжал жить; и уже скоро после этого события он ведет интенсивную торговлю, в результате которой в Танаис ввозятся в это время и изделия Италии.

Другой вопрос — существовал ли когда-нибудь Танаис близ нынешней станицы Елисаветовской. При настоящем состоянии материала установленным это считаться не может, и установить это смогут только новые находки в Елисаветовском городище, вроде найденных в Недвиговке надписей. Имеющийся же у нас в данное время материал допускает две возможности. Первая, уже неоднократно нами излагавшаяся, сводится к предположению, что Танаис был основан на рубеже V и IV вв. до н. э. на месте Елисаветовского городища, а в III в., в связи с обмелением русла реки, перекочевал в область современной Недвиговки; вторая — что Танаис был сразу же основан на месте Недвиговского городища, но основан позже, очевидно, уже в III в. до н. э. Как ни решать этот вопрос, преобладающая роль Елисаветовского городища в V, IV и начале III в., и Недвиговского — с конца III в. до н. э. может считаться вполне установленной. Под сомнением остается только имя города, находившегося близ нынешней станицы Елисаветовской; мы не знаем, назывался ли этот город Танаисом, или имя Танаиса было впервые присвоено Недвиговскому городищу. Но этот вопрос, в конце концов, менее важен, чем выяснение той роли, которая принадлежала обоим указанным центрам.

По вопросу о том, как долго существовал Танаис на месте Недвиговского городища, мы также обладаем достаточным материалом. Существенное значение имеет находка монеты императора Валента (364—379 гг.); как я указывала, к тому же времени относится ряд находящихся в наших коллекциях экземпляров керамики и стекла. Особенно типичны обломки сосудов из зеленовато-желтого стекла с темными вкраплениями, датировка которых IV в. твердо устанавливается комплексами Керчи и Херсонеса; не менее характерны некоторые образцы

краснолаковой керамики (см. рис. 26, 5 и 6).¹ Более поздние находки на территории городища мне не известны; бросается в глаза, что среди большого количества собранных на поверхности городища обломков остродонных амфор типы более поздние, чем IV в., отсутствуют совсем. На территории некрополя были, впрочем, сделаны некоторые находки более позднего времени. Леонтьев² упоминает о находке татарской монеты XV в. и „круглых азиатских стремян из железа с удилами того же металла“. Наконец, один из найденных на территории некрополя сосудов (рис. 38) близко напоминает типы салто-ской керамики и, вероятно, относится к одному с этой культурой времени.

Все эти поздние находки происходят с территории некрополя; в самом городище находки, непрерывно тянувшиеся через весь период, с конца III в. до н. э. по конец IV в. н. э., после IV в. обрываются. Возможно, что монета Валента принадлежит последним годам Танаиса и что конец жизни этого города, как это предполагал Леонтьев, действительно связан с вторжением гуннов.³

Постараемся, далее, выяснить, что дает нам произведенный обзор недвижимого материала для общего представления о Танаисе и его особенностях.

Основное значение такого обзора состоит, как мне кажется, в возможности осмыслить, конкретизировать впечатление об особом, своеобразном характере Танаиса, создающееся даже при беглом ознакомлении с материалом. Это впечатление формулировалось прежними исследователями в том смысле, что Танаис, „не только не есть греческий город хорошего времени, но и вообще не есть чисто греческий город“;⁴ говорили о „порче, которой подвергалась здесь греческая национальность“.⁵ Все эти явления, отличающие Танаис от „чисто греческих городов“, оказывались в нем к тому же выраженными гораздо резче, чем в любом другом из поселений Северного Причерноморья. В связи с этим Танаис был отодвинут на место, следующее после центральных колоний Северного Причерноморья, как Ольвия, Херсонес, Пантикапей, колонии Таманского полуострова.⁶

С положением, что Танаис „не есть чисто греческий город“, мы на основании просмотренного материала, конечно, согласимся. Но в оценке этого явления мы глубоко разойдемся с прежними исследователями. Мы имеем здесь случай исключительно интересный, интересный именно своим своеобразием. Отдаленность от центральных районов античного мира, то обстоятельство, что Танаис представлял, так сказать, „колонию колонии“, сравнительно позднее основание его как боспорской колонии при наличии давних торговых сношений области нижнего Дона с Грецией, наконец, что очень важно, сложившаяся ко вре-

¹ См. тарелки того же типа: Knipowitsch, Die Keramik römischer Zeit aus Olbia, стр. 51, рис. 12, 6; В. Ф. Гайдукевич, Античные керамические обжитательные печи по раскопкам в Керчи и Фанагории в 1929—1931 гг. ИГАИМК, вып. 83, стр. 33, рис. 11.

² Ук. соч., стр. 490—491.

³ Ук. соч., стр. 433.

⁴ Леонтьев, ук. соч., стр. 416.

⁵ Ук. соч., стр. 432.

⁶ Ук. соч., стр. 53.

мени его основания в местном населении достаточно прочная и развитая, хотя и выросшая на основах родового строя, общественная организация — все это представляет элементы, обусловившие именно данный тип города.

Изучая Танаис поздней эпохи, мы знакомимся с результатами взаимодействия всех этих элементов. Черты государственной организации, наличие городской магистратуры, ответственные исполнители-эпимелеты, также формы культовой организации повторяют греческие образцы; из двух главных групп, составивших население Танаиса, группа греческая, стоявшая на значительно более высокой ступени общественного развития, сыграла в установлении форм жизни этого города решающую роль. Но в состав господствующего слоя вошли не только греки; старая местная родовая знать сумела отстоять свое право на участие в господстве над городом, чем определялась и своеобразная, не повторяющаяся в других местах Северного Причерноморья двойственная организация Танаиса. В позднее время должности, указывающие на существование двух равноправных этнических групп, сохранились уже как пережиток; сложилось единое общество, этнически смешанное, где при наличии внешних античных форм повсюду пробиваются несомненные местные элементы, которыми насыщен данный город.

Отмечу еще одно обстоятельство. Слишком часто, в особенности в иностранных работах, Танаис рассматривается как один из городов Боспорского царства; его характерные черты переносят на Боспор вообще, и вместе с тем на него переносят то, что свойственно другим боспорским городам. Рассмотренный нами материал выясняет всю ошибочность такого подхода. Мы видели, что между некрополями Танаиса и Пантикапея, при существовании черт общих, наблюдается и целый ряд существенных различий, в которых вскрывается с ясностью и общее различие между этими двумя центрами. Мы знаем также, что государственный строй Пантикапея представлял нечто безусловно иное, чем рассмотренная нами своеобразная организация Танаиса. Это снова и снова убеждает нас в необходимости внимательного отношения ко всем локальным особенностям и локальным различиям и, вместе с тем, в необходимости большой осторожности в суждениях о тех или иных чертах „колоний Боспора“, тем более „колоний Северного Причерноморья“.

Рассмотрение имеющихся находок и сопоставление их с аналогичным материалом из других областей даст нам возможность конкретизировать и это представление. Мы нашли много совпадений между Танаисом и областью Прикубанья, областью нижнего Поволжья, также некоторыми другими районами юга СССР. В итоге создается вполне определенное впечатление. В Танаисе ярко выражена местная „сарматская“ культура, на которую насаждается культура античная; в результате взаимодействия обоих слагаемых, к концу рассматриваемого периода Танаис приобретает совершенно особый, не встречающий аналогий облик греко-сарматского города.

Я не случайно сказала „к концу рассматриваемого периода“. Очень жаль, что недостаток материала не дает нам возможности выразиться определеннее, а именно — указать с уверенностью, всегда ли так было, или в выраженном виде это свойственно именно позднему периоду, II—IV вв. н. э. Более вероятным

мне представляется предположение, что в эллинистическую эпоху античные элементы были значительно сильнее; это встречает подтверждение в материале. Характерно, что мы заметили значительную близость к пантикапейским погребениям именно в эллинистическое время (погребения в урнах); в некоторых погребениях данного времени мы видели типичные наборы ювелирных изделий с изображениями греческих богов, причем комплексы с такими наборами не содержали ни одного свойственного „варварской“ культуре предмета. Такие комплексы совсем не похожи на комплексы II—III вв. н. э., где типов местных гораздо больше, чем античных. „Сарматизация“ или „варваризация“ Танаиса, очевидно, усиливалась в течение того периода, о котором нам пришлось говорить в настоящем исследовании.

К этому сводятся наши впечатления, основанные на ознакомлении с материалом Танаиса. Закончить сводку всего танаидского материала мне хотелось бы указанием на важность дальнейших его исследований, которые должны состоять уже не столько в изучении материала (хотя и здесь может быть произведено гораздо более детальное и углубленное исследование отдельных памятников или групп памятников), сколько в организации новых археологических исследований городища. Сколько бы мы ни были уверены в вероятности представленной схемы, мы всегда вынуждены делать оговорку: насколько это выясняет наличный материал. При таких обстоятельствах все то, что мы говорили о времени существования Танаиса на месте Недвиговского городища, является все же гипотезой, хотя и основанной на учете всего сохранившегося материала. И пока мы не ознакомимся со всей стратиграфией наслоений Танаиса, мы не можем считать окончательно исключенной возможность того, что новые находки заставят нас внести существенные изменения во все наши представления.

КРАТКИЙ ОБЗОР ПОСЕЛЕНИЙ РАЙОНА ТАНАИСА В ПЕРВЫЕ ВЕКА НАШЕЙ ЭРЫ

Настоящая глава выходит уже, собственно, за пределы темы данной работы; но представление о Танаисе не будет полным, если мы не дадим хотя бы самого общего понятия о других поселениях области Придонья, находившихся в ближайшем к Танаису районе.

Отметим, что исследование не только Танаиса, но также и местных поселений дельты Дона было начато уже давно, и в этом отношении область эта оказывается в положении исключительно благоприятном по сравнению с другими. Это объясняется, впрочем, не более разумным и сознательным отношением раскопщиков данной области к задачам археологических исследований, а скорее случайными моментами. Стремясь найти Танаис, Стамповский совершил объезд всей той местности, где следовало его искать, и попутно отметил и описал также и ряд других поселений; а Леонтьев, уже перейдя к исследованиям Танаиса, местоположение которого было определено Стамповским, стал искать Танаис раннего периода, в существовании которого близ Недвиговки усомнился, и опять-таки сделал ряд ценных для нас наблюдений о других поселениях. Правда, исследование поселений района Танаиса на этом остановилось на долгое время. Но когда значительно позже (1922 г.) возник вопрос о необходимости вовлечения в археологические исследования всей области Нижнего Дона, не ограничиваясь только крупнейшими центрами, а включая также и все менее значительные поселения — тогда работы Стамповского и Леонтьева оказались весьма полезными, так как ими были уже поставлены веки, уже проложены пути для планомерных исследований.

Правильно и научно поставленные исследования поселений района Нижнего Дона начинаются с 1923 г., когда Северокавказская экспедиция ГАИМК провела там первые разведочные работы.¹ С тех пор, в 1923—1928 гг., городища области дельты Дона подвергались последовательным и систематическим исследованиям, правда, не вышедшим за пределы работ разведочного характера.

Нас в настоящий момент интересуют поселения того времени, которому принадлежит только что рассмотренный нами материал Танаиса (III в. до н. э. — IV в. н. э.); поселений существовавших здесь в более раннее время, мы коснемся лишь самым кратким образом.

Вспомним, прежде всего, что в области Нижнего Дона существовала целая сеть поселений еще во время, предшествующее появлению греков на Черном море. Культура этих поселений достаточно выяснена экспедициями А. А. Миллера в 1923—1923 гг. Мы встречаем по берегам главных рек этой области (теперешних Дона и Мертвого Донца) ряд оседлых поселений, жители которых занимались главным образом рыбной ловлей, отчасти пастушеским скотоводством и земледелием; глиняную посуду они изготовляли сами, производили также и основные бывшие у них в употреблении металлические изделия. Население таких поселков представляло, повидимому, первоначально родовые группы;² с течением времени жизнь этих общин несомненно значительно усложнилась.

¹ А. А. Миллер. Краткий отчет о работах Северокавказской экспедиции Академии в 1923 г. ИРАИМК, т. IV, А., 1925, стр. 1 сл.

² Ср.: В. И. Равдоникас. Готский сборник. ИГАИМК, т. XII, вып. 1—8, 1932, стр. 52 сл.

Такого рода поселения были обнаружены А. А. Миллером в целом ряде пунктов Нижнего Дона. По теперешнему Мертвому Донцу присутствие доскифских поселений было установлено в городищах у станицы Хапры и у станицы Гниловской; по Дону — в городище у станицы Елисаветовской, в Темерницком городище, в Кизитиринском городище, в Кобяковом городище, наконец, в городище у хутора Потапновского (близ станицы Цимлянской).¹

Время существования этих городищ в указанном виде принадлежит в основной части еще эпохе, предшествующей античной колонизации Северного Причерноморья. По мнению А. А. Миллера, эти поселения относятся к эпохе доскифской, но очень близки, может быть непосредственно предшествуют эпохе скифской.² Мне уже приходилось указывать, что конец их наступает, повидимому, несколько позже.³ Решающим является факт находки фрагментов керамики, совершенно аналогичной керамике „Кобяковской культуры II“ в Елисаветовском городище, в слое, содержавшем материал VI—V вв. до н. э.⁴ Во всяком случае, не подлежит сомнению, что в IV в. до н. э. эти поселения уже не существуют. И затем на протяжении ряда столетий (IV—I в. до н. э.) карта поселений области Нижнего Дона представляется совершенно иной. Поселений на месте прежних городищ Хапровского, Гниловского, Кизитиринского, Кобякова, Потапновского в это время нет; зато ключом бьет жизнь в превратившемся в большой торговый город городище у нынешней станицы Елисаветовской. А около середины III в. до н. э. это городище хиреет, заустевает, и роль его переходит к новому поселению — к городищу у селения Недвиговки, где рос и развивался Танаис, „создание владеющих Боспором эллинов“. Итак, самый характер области меняется. Вместо сети мелких поселений мы имеем одно крупное поселение, в которое (или в окрестности которого) стягивается и большая часть населения всего района; сначала это имеет место около городища у станицы Елисаветовской, затем — около нынешней Недвиговки. Кроме этих двух сменявших друг друга городищ, жилые поселки известны нам в указанное время (IV—I вв. до н. э.) только в одном месте — в районе нынешнего Таганрога.⁵

В I в. н. э. картина вновь резко меняется. Возрождается жизнь в ряде поселений, существовавших по течению рек около начала античного периода — в городище у нынешней станицы Хапры, в городище у станицы Гниловской, в Темерницком городище, в Кизитиринском городище, в Кобяковом городище у нынешнего Аксая. Одновременно появляются и новые поселения — поселение у устья р. Сухой Чалтыр, поселение на территории Ростова, „Подзавское“ поселение близ нынешнего Азова (рис. 45).

Большинство этих городищ было известно уже давно. Первым, кто обратил на них внимание, был еще Стемпковский. Высказав впервые предположение о соответствии Недвиговского городища Танаису, Стемпковский решил проверить правильность своего предположения путем обследования всего того района, в котором мог находиться этот пункт, со специальным осмотром всех остатков древних поселений. Излагая ход и результаты этого исследования, Стемпковский из перечисленных нами поселений упоминает два — Гниловское городище и городище у Сухого Чалтыра. Дав краткое описание этих городищ,⁶ Стемпковский дальше (стр. 394) высказывается следующим образом: „я полагаю, что Танаисские Греки имели тут укреплённые посты, или ведеты (οχοτάι), подобные тем, кои, по сказанию Страбона, были построены клавоминскими Греками по восточному берегу Азовского моря. Ведеты сии служили, вероятно, для содержания в страхе скифов; или для складки товаров и про-

¹ Об этих городищах см. отчеты А. А. Миллера в ИРАИМК, т. IV, 1925, стр. 1—42; СГАИМК, т. I, 1926 г., стр. 71—142; СГАИМК, т. II, 1929, стр. 60—122.

² СГАИМК, т. I, 1926, стр. 125.

³ ИГАИМК, вып. 104, 1935, стр. 107—108, прим. 2.

⁴ Там же, стр. 109.

⁵ О них см.: М. А. Миллер и Б. В. Лукин. Некрополь у Беглицкой косы. Краеведение на Северном Кавказе, 1928 г., № 3—4, стр. 52; Записки СКОИЭ, кн. I (т. III), вып. 3—4, Ростов-Дон, 1928, стр. 21.

⁶ Прошаден, кн. IV, стр. 391 сл.

⁹ Т. Н. Княпович

наведения на разных пунктах удобнейшего торго с окрестными народами; или же (что кажется всего правдоподобнее) для защиты судоходства и богатых рыбных промыслов по разным устьям реки...¹ Следует указать, что Стемковский, правда, мимоходом, отмечает также и другие археологические памятники в том же районе, как, например, некоторые курганы у Елисаветовского и Гиловского городищ, „шесть обломанных белокаменных статуй“, находящихся в Таганроге, а также наличие „разбросанных обломков древних глиняных сосудов... кои обыкновенно означают жилища греков“ близ Аксая, т. е. на месте Коблякова городища.

В 1853 г. Леонтьев сделал первую попытку произвести археологические исследования в намеченных Стемковским местах.¹ Значительные работы были произведены им только в двух пунктах — в Недвиговском и Елисаветовском городищах; но в число своих задач Леонтьев ставил также и обследование остатков поселений, расположенных по правому берегу Дона и Мертвого Донца. Главное внимание из этих поселений было уделено им Гиловскому городищу. Впрочем, самое городище осталось нетронутым; отсутствие ручек амфор с клеймами, а также „самый вид окопа, удобного для действия лишь огнестрельным оружием“ заставил Леонтьева предположить позднее время существования этого городища. Но в связи с полученной от министерства уделов инструкцией, предписывавшей обращать особое внимание именно на курганы, Леонтьев подверг исследованию ряд курганов из числа находившихся близ Гиловской станицы: им были раскопаны три кургана из ряда курганов, расположенных между „Гиловской балкой“ и ложбиной реки Темерника; исследованию подверглась также группа курганов, лежащая к северо-востоку от упомянутого ряда, с так называемым „Долгим курганом“ в центре. Всего работы длились 15 дней. В конечном итоге эти работы в сущности ничего не дали. Вещей в погребениях курганов близ станицы Гиловской было найдено очень мало; в собрания наших музеев они не попали (во всяком случае они не значатся в настоящее время среди вещей, найденных в области Нижнего Дона), а составить себе представление об этих находках на основании определений Леонтьева можно только в виде исключения.² Известная часть расследованных Леонтьевым погребений принадлежала скорее всего к числу досифианских, о чем свидетельствует описание их Леонтьевым: „Могила эти были коротко; невелико сколько нужно для помещения человеческого тела. Покойники были зарыты в них согнутые, так сказать втиснутые в них“,³ и в другом месте: „гробница... заключала в себе два костяка, в согнутом положении, головами в разные стороны“.⁴ Другие погребения принадлежали, повидимому, первым векам н. э. и были подобны погребениям, обнаруженным здесь позднее, в недавнее время.⁵ Интересны также указания на наличие в некоторых из погребений, наряду с человеческими, также и кожных костяков:⁶ к сожалению, уже

¹ Прописки, т. IV, 1854, стр. 519 сл.

² Приведу все имеющиеся упоминания о вещах. а) В кургане 1-м: в одной из гробниц — „глиняная горнушка и три кремня“; в третьей, в головах „глиняный горшок с узором, грубой работы“; в руках... „какая-то оловянная утварь, обратившаяся в белый порошок... два куса красной краски...“. б) В кургане 2-м „весьма длинный железный меч“; при лошади — „железные удила и два стремени из того же металла“. в) В кургане, расположенном на запад от Долгого кургана, — „несколько раковин с дырочками, просверленными для нашивки на платье; в ногах глиняная чашка, весьма грубой варварской работы, служившая вероятно для курений“.

³ Леонтьев, ук. соч., стр. 522.

⁴ Там же, стр. 521. — Характерно, что Леонтьев, не зная обычая погребения умерших в скорченном положении, считал гиловские погребения такого типа могилами рабов: подтверждение своему мнению он видел в отсутствии в этих могилах вещей.

⁵ К числу такого рода погребений первых веков н. э. принадлежало, например, повидимому детское погребение в большом кургане, расположенном на запад от Долгого кургана (Леонтьев, ук. соч., стр. 522), может быть также курган 2 из первой расследовавшейся Леонтьевым группы (стр. 521).

⁶ Кошские костяки были обнаружены в погребениях кургана 1 (третья гробница) и кургана 2. см.: Леонтьев, ук. соч., стр. 521.

указывавшееся нами отсутствие возможности ясно представить себе инвентарь этих погребений не позволяет нам выяснить время этих погребений.

Курганы в окрестностях Гириловской станицы были единственным объектом исследований Леонтьева, за исключением главных интересовавших его городищ, Недвиговского и Елисаветовского. Самые же поселения по Мертвому Донцу и отчасти Дону остались нетронутыми.

Заглохший было интерес к области Нижнего Дона возобновился после находки в 1864 г. знаменитого Новочеркасского клада. Конечно, внимание раскопщиков устремилось опять главным образом на курганы. В 1865 г. производилось исследование так называемой Гиревой или Гиревой могилы, одного из самых крупных курганов, расположенных близ Аксая; эти работы не привели, впрочем, к каким-либо существенным результатам. Более продуктивными оказались работы 1866 г. Также и в этом году производились раскопки одного из курганов близ Аксайской станицы, а именно так называемого Клиновое кургана; эти исследования, которыми было вскрыто 8 могил, дали мало. Гораздо интереснее были результаты раскопок так называемого Круглого кургана близ станицы Гириловской; они важны и специально в связи с нашей темой, так как дали ряд показательных находок, принадлежащих времени, близкому к началу н. э. Напечатанное в ОАК сообщение об этих исследованиях недостаточно полно, представления о характере кургана и находящихся в нем погребений оно не дает. Значительно полнее рукописный отчет Тизенгаузена, хранящийся в архиве ИИМК;¹ и, что особенно существенно, большая часть найденных при этих работах вещей сохранилась в собрании Государственного Исторического музея в Москве. Откладывая более подробную характеристику всех этих находок до специального рассмотрения городища и некрополя у станицы Гириловской, я пока ограничусь лишь несколькими словами. В „Круглом кургане“ был обнаружен ряд погребений, из которых одно, содержавшее богатый и разнообразный инвентарь, принадлежит как раз интересующему нас времени. Конечно, Тизенгаузен не смог как следует разобраться в этом комплексе, в частности, не определил сколько-нибудь точно его времени: датировка его сводится к отнесению погребения к „железной эпохе“. Но вещи говорят сами за себя.

В последующее время расследования поселений области Нижнего Дона производились sporadически, лишь в связи с какими-либо указывающими на необходимость таких исследований обстоятельствами; и ограничивались эти расследования почти исключительно двумя поселениями — городищами Недвиговским и Елисаветовским. Исключение представляет только одно поселение, неожиданно привлекшее внимание археологов — Темерническое городище, расположенное на территории нынешнего Ростова, у устья реки Темерника.² Впрочем, также и здесь не производилось правильных и сколько-нибудь значительных исследований — дело ограничилось только сбором и систематизацией материала, происходящего из этого городища. На основании этого материала, происхождение которого далеко не всегда являлось вполне доказанным, было сделано целое исследование, создавшее в дальнейшем незаслуженную известность этому поселению, едва ли игравшему существенную роль в жизни низовьев Дона. Об этом, впрочем, речь уже была выше. Укажу лишь, что и Темерническое городище безусловно входит в число поселений, существовавших в области Нижнего Дона в первые века н. э.; спорным является только вопрос о том, принадлежит ли оно к числу тех поселений, которые возникли (или возродились после длительного перерыва) в первые века н. э., или оно существовало также и в предшествующие века.

Я не буду останавливаться на тех отдельных и случайных обследованиях, сборах находок и т. д., которые по тем или иным причинам производились время от времени на территории указанных городищ в конце прошлого и в нашем столетии. Настоящие, научно поставленные, хотя и небольшие по объему исследования поселений Нижнего Дона начинаются только с 1923 г.

По-новому формулируются уже и самые задачи работы. „Южнодонские городища, — пишет руководивший работами 1923 г. А. А. Миллер,³ — введены были в план экспедиции не в це-

¹ Архив ИИМК, д. № 7 1865 г.

² О нем см.: ЗРДО, II, 1914, стр. 147 сл.

³ ИРАИМК, т. IV, стр. 1.

делах исторических уже вопросов о месте древнего Таванса, итальянской Таны, или соотношений между эпохами эллинистической и римской, насколько это соотношение могло быть выражено в реальных остатках древних поселений. Задача поставлена была шире — предстояло сделать рекогносцировку всей территории дельты Дона, точно определить места нахождения остатков древних поселений и характер их культуры в пределах того, что могла дать разведка¹.

Эти разведочные работы и были произведены за годы 1923—1923. Уже в 1923 г. Северокавказской экспедицией ГАИМК было произведено обследование всех ранее намеченных пунктов. Представление о них дает уже карта, помещенная в отчете А. А. Миллера о работах Северокавказской экспедиции в 1923 г. (у нас рис. 45).¹ Кроме городищ Недвиговского (II) и Елсаветовского (I), здесь представлены следующие поселения (с запада на восток): городище близ станции Хапры (III), городище у устья речки Сухой Чалтыр (IV), городище у нынешней станции Гниловской (V), Темервицкое городище на территории Ростова, у устья р. Темерник (VI), Кивитиринское городище в устье реки Кивитиринки (VIII), Кобяково городище у нынешнего Аксая (IX). Позже к ним присоединились еще два — Подавовское, близ современного Азова (X)² и Ростовское городище на территории Ростова (VII).³

В течение отрезка времени с 1923 по 1923 гг. все эти поселения находились в сфере внимания ежегодно проводившей свои работы Северокавказской экспедиции. Все городища были обследованы сотрудниками экспедиции, причем произведены были обмеры и описание городищ, сбор подъемного материала, а также по возможности съемка и нивелировка поверхности. В некоторых поселениях были произведены и небольшие раскопные работы. Самые длительные и повторные работы были произведены в Кобяковом городище, раскапывавшемся в 1924, 1925, 1926 и 1928 гг.; небольшие раскопные работы были проведены также в Гниловском городище в 1927 г.

После 1928 г. в исследованиях городищ Нижнего Дона вновь наступает перерыв; в это время изредка имеют место только отдельные, вызванные случайными обстоятельствами обследования со сбором подъемного материала. Только в 1933 г. вновь возобновились работы в городищах Нижнего Дона. Это было вызвано следующими причинами. Еще в 1923 г., во время осмотра коллекций Таганрогского музея, сотрудниками Северокавказской экспедиции было обращено внимание на значительное количество в поступлениях последних лет целых предметов, что делало маловероятным происхождение этих поступлений из городищ, тем более с поверхности городищ. Уже тогда возникло предположение о возможном разрушении какого-то некрополя. В дальнейшем это предположение подтвердилось. Оказалось, что в двух местах, у станции Гниловской и у станции Хапры, разрушаются могильники первых веков н. э. Могильник у станции Хапры разрушался уже давно при разработке карьера, в котором добывается песок, нужный для работ по прокладке и ремонту железнодорожного пути. У Гниловской же станции местными жителями сначала производились работы по добычии глин, а затем с 1926 г. шла систематическая разработка карьеров для добычии песка и камня. Эти работы нанесли существенный ущерб находившемуся здесь некрополю, в главной своей части принадлежавшему первым векам н. э. Во время этих работ, в 1926—1933 гг., в Областной музей краеведения Ростова на Дону поступали различные случайно уцелевшие предметы, среди которых имеется целый ряд местных сарматских сосудов, бронзовая утварь, в том числе прекрасный бронзовый ковш с латинским клеймом, также мелкие предметы из цветных камней, стекла и стеклянной пасты и египетского фаянса, вроде бус, подвесок и т. д. В 1933 г. вопрос о песчаном карьере был, наконец, поставлен перед Бюро по охране памятников при Ростовском областном исполкоме одним из работавших на карьере пиленеров; по инициативе Бюро по охране памятников в районе Гниловской станции были проведены сначала небольшие разведочные работы, давшие возможность проследить ряд потревоженных работами погребений; а в 1939 и 1940 гг. состоялась и экспедиция, произведшая некоторые работы на самом горо-

¹ ИРАИМК, т. IV, стр. 3.

² О нем см.: СГАИМК, т. II, стр. 69 сл.

³ О нем см.: СГАИМК, т. I, стр. 104.

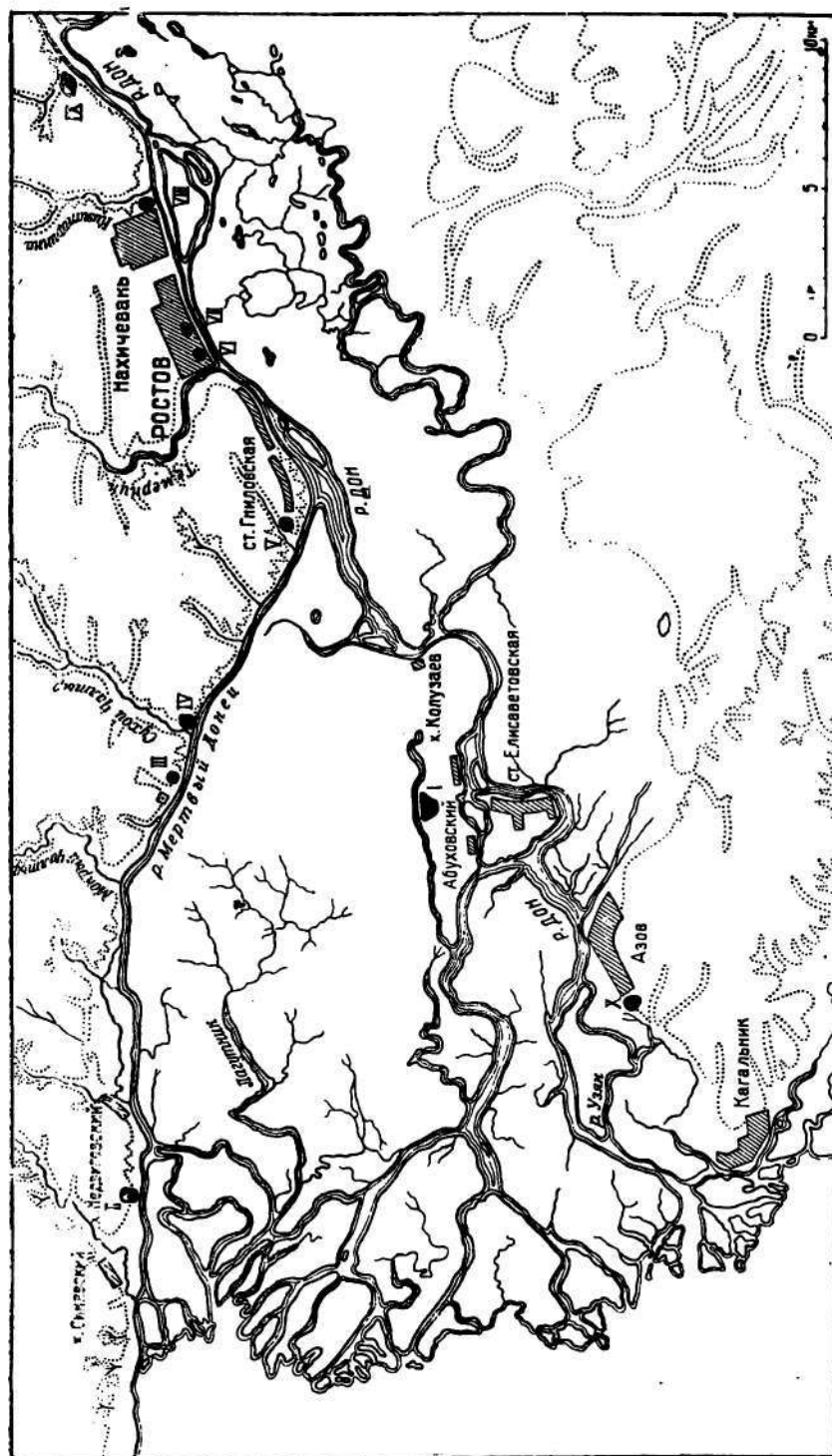

Рис. 45. Карта поселений дельты Дона.

дище, не вышедшие, впрочем, за пределы разведки. Гниловское городище опять оказывалось, таким образом, в числе исследуемых объектов; приходится пожалеть, что эти исследования пока не коснулись других поселений области низовьев Дона.

После изложенной краткой истории исследования поселений области низовьев Дона, приступим к краткому описанию итогов этих исследований. Как мы видели, городища интересующего нас района исследованы далеко не в равной степени; из них наибольшее внимание было сосредоточено (не считая, конечно, Недвиговского и Елизаветовского городищ) на двух поселениях — Кобыковом и Гниловском. Эти два поселения и будут рассмотрены нами в первую очередь.

Начинаем с Кобыкова городища, раскапывавшегося более других. Мы должны, впрочем, сделать оговорку: полному представлению об итогах работ на этом городище препятствует то, что сколько-нибудь подробный отчет о наиболее богатой результатами экспедиции ГАИМК 1923 г. не опубликован и в моем распоряжении не был; мы вынуждены довольствоваться кратким предварительным отчетом, представленным, очевидно, до настоящей обработки материалов. Отмечу также, что и вещественные находки, собранные во время работ Северокавказской экспедиции 1923—1923 гг., были мною просмотрены только непосредственно после экспедиции 1923 г., осуществить же более детальную их обработку пока не удалось; это отнесется как к Кобыкову, так и к другим городищам, подвергавшимся исследованиям в те же годы.

Кобыково городище расположено у станции Аксайской, на правом высоком берегу Дона, в устье широкой так называемой Кобыковой балки; это — самое удаленное от моря вверх по Дону поселение из цепи городищ первых веков н. э., находящихся по правому берегу Дона и Мертвого Донца. С юга городище имеет крутые склоны с осыпями, постоянно обнажающими выходы культурных слоев. Городище занимает три расположенных рядом холма. На крайнем с востока холме совершенно определенно обрисовывается даже на глаз насыпная часть; с юга она обрывиста, разрушена оползнями, с севера имеет округлые очертания, очевидно соответствующие получившемуся в результате наслаивания культурного слоя профилю. Проведенные здесь исследования выяснили, что мощный культурный слой, залегающий непосредственно на лессовидном суглинке, принадлежит всей римской эпохе. Два других холма — средний и западный (западный значительно, средний в небольшой части) повреждены развивающимся здесь оврагом; из них западный холм также образован культурным слоем, принадлежащим первым векам н. э., средний имеет наслоения двух ярусов, из которых нижний принадлежит доскифской эпохе, верхний — первым векам н. э. Таким образом, в период, интересующий нас в данный момент, площадь городища была заселена вся.

К северу от Аксайской станции выходит принадлежащий городищу обширный могильник, частью курганный, частью грунтовой. Большая часть погребений имела насыпи, преимущественно небольшие, иногда едва заметные. Наличие погребений было заметно также в ямах и оврагах, где по склонам и внизу постоянно попадались выпавшие из погребений человеческие кости. Летом 1925 г. здесь производились земляные работы по прокладке дороги. Во время этих работ было обнаружено значительное количество погребений, большей частью потревоженных. Часть находившихся в погребениях вещей, главным образом керамики, удалось собрать. По этим находкам ясно, что здесь находились погребения и доскифского времени, и первых веков н. э.

Среди сохранившегося материала, частью попавшего в Ростовский музей, частью собранного сотрудниками Северокавказской экспедиции, находились типичные лощеные сарматские сосуды I—II вв. н. э., а также часть горшка с орнаментом, выполненным веревочным штампом.

Мы не будем касаться погребений, в равное время исследовавшихся здесь, но не поддающихся хронологическому определению ввиду отсутствия в них инвентаря. Упомянем лишь принадлежащий интересующему нас периоду курган, исследованный в 1925 г. Приводим его описание: „Один из курганов был исследован. Диаметр насыпи 12 м, высота 0.50 м. Могильная яма по дну 2 м длины, 0.65 м ширины, 0.90 м глубины (ниже поверхности). На дне могильной ямы скелет на спине с вытянутыми вдоль туловища руками. Под лопатками подложены вдоль туловища дощечки, сверху такими же дощечками прикрыта была и грудь. У правого виска

медное спиральное колечко и у правого бедра небольшой железный ножичек. Скелет лежал головой на С-В и ногами на Ю-З.¹

Переходим к изложению результатов работ на городище. Проводившиеся в 1923, 1924, 1925 и 1928 гг. исследования были проделаны главным образом на среднем холме, в меньшей степени и на двух крайних. Слой римского времени оказался здесь местами скрытым под средневековым и лежащим (на среднем холме) над слоем догреческим. По своему составу культурный слой первых веков н. э. характеризовался следующими особенностями:²

„Основным материалом... является мусор от построек и культурная земля, выброшенная при глубоких перекопках из ниже лежащих архаических слоев. Большое количество глин имеется и здесь, но только в ином виде, именно в форме остатков глинобитных полов, глиняной обмазки стен, ям, стен плетневых или камышевых построек и пр. Весь слой в его вертикальных обнажениях имеет ленточный характер. Желтоватые прослойки чередуются с темными или розовыми. Эти последние представляют собой отложения обломков обгорелой иногда почти докраски глиняной обмазки строений... В месте исследований отложения поселений римской эпохи достигали 2 м в толщину, а местами и более. Это объясняется именно характером строительства. Разрушавшиеся (часто сгоравшие) камышевые постройки образовывали слой, на котором иногда непосредственно возводились новые постройки...“

Одним из важных результатов работ на Кобыковом городище было выяснение характера строительства этого поселения. Как это указывалось уже в только что приведенном месте отчета за 1924 и 1925 гг., одним из типов этих построек были постройки с камышевыми стенами, обмазанными глиной. Работами тех же экспедиций был установлен другой вид тех же построек — постройки со стенами из жердей. Часть такого жилища обозначена на чертеже, из участка Д.³ Описание его помещено все в том же отчете: „Стены сделаны в виде плетня и обмазаны глиной изнутри. Обмазка эта сохранялась местами в крупных частях, до 50 см в высоту. Жерди, между которыми переплетены были ветви, забиты были в почву на расстоянии около 20 см одна от другой. Жерди, судя по отпечаткам в почве, затесаны были на 4 поверхности, на 6 (в одном случае), или ровно на конус. В одном только сохранившемся углу стена закруглялась. По углам, в ямах снаружи, были поставлены столбы, как видно по отпечаткам, в 25 см в диаметре“ (прим.: „В материалах экспедиции имеются сохранившиеся куски этих столбов“). „Два таких же столба обнаружены были и у длинной стены, один из них внутри, а другой — снаружи. Судя по сохранившемуся участку закругления стены у второго угла здания, короткая его стена имела не более 2,3 м, длинная же стена могла иметь до 3,5 м. Глинобитный пол у стен, как и стены изнутри, местами сохранял следы побелки. В двух углах жилища, внутри, имелись в полу две одинаковые по размерам круглые ямы (диам. 55 см и около 50 см глубины); ямы были наполнены мусорной почвой. Очаг помещался на полу, в середине жилища, и имел вид обожженного участка пола, в форме пятна до 50 см в поперечнике. В черном налете угла и воли заметны были мелкие отщепки горелого камыша; здесь же найдено было и несколько обгорелых рыбных костей. Здание построено было приблизительно на среднем уровне отложений римской эпохи, на уклоне к оврагу, причем почва предварительно была частью срыта в горизонтальной плоскости“.

Экспедицией 1928 г. данные о глинобитных постройках в Кобыковом городище были существенно дополнены. В двух местах были открыты части жилищ совершенно одинакового устройства, дающего отклонения от типа, намечавшегося в результате исследований 1924 и 1925 гг. В обоих случаях были обнаружены части стены, направленной не прямолинейно, а дугообразно. Вначале сотрудники экспедиции склонны были отнести эти дугообразные очертания за счет несовершенства постройки, но сомнения долгие были отпав, когда выяснилась как раз очень правильная, везде одинаковая кривизна стены, не образовавшей

¹ Архив ИИМК, д. № 45/1925, л. 93—100. Краткий отчет об археологических работах Северокавказской экспедиции ГАИМК в 1925 г.

² СГАИМК, т. I, 1926, стр. 120.

³ Там же, стр. 111, рис. 20.

угла, несмотря на значительную длину открытого отрезка. Единственной возможностью объяснить эту кривизну оказалось предположение о круглой форме жилища. Это предположение нашло подтверждение в факте обнаружения совершенно такой же стены в другом месте. В первом случае жилище должно было иметь приблизительно 8 м в диаметре; во втором, повидимому, несколько меньше, около 7—7,5 м. Интересно и устройство стен: в обоих строениях — это двойные камышевые стены, обмазанные глиной; пространство между стенами было заполнено мусором.¹

Плохая сохранность обеих открытых частей жилищ не позволяет установить внутреннее их устройство. В одном из них сохранились остатки очага, находящегося не в середине жилища, а сравнительно близко от стены. В очаге сохранилась нижняя часть лепного горшка; рядом найден обломок малоазиатской краснолаковой чашечки I в. н. э.

Камышевые жилища и жилища из жердей представляли, судя по большому количеству найденных остатков их, основные типы жилищ Кобякова городища в первые века н. э. В значительно меньшем количестве были встречены остатки каменных строений. В большинстве случаев эти остатки представляли отдельные камни, обычно совсем необработанные, изредка со следами самой примитивной отески. Встречались, впрочем, и части каменных кладок. Наиболее значительная из них была обнаружена в 1925 г.: „К слоям римской эпохи должны быть отнесены и остатки каменной стены, более или менее сохранившейся на протяжении около 5 м у самого края обнаженных культурных слоев (рис. 20, Е). Эти остатки представляли собой ряд камней (сарматский известняк), не отесанных, лежавших в большинстве мест в один ряд. Судя по наличию вокруг камней затеков глины, можно думать, что, как и в эпоху средневековья, каменная кладка и здесь была построена на растворе лессовидного суглинка“.²

Наконец, следует упомянуть еще обнаруживаемые в каждую из экспедиций ямы. Эти ямы заслуживают внимания уже самой своей распространенностью: чуть ли не повсюду, где мы встречаемся с неповрежденной частью городища, расположенной вне стен жилищ, попадаются ямы, то просто вырытые в грунте, то обмазанные глиной, иногда и обожженные; а один раз встретилась яма с остатком обкладки ее устья камнями. Величина ям очень различна: диаметр колеблется от 0,50 м до 2,50 м, глубина достигает 3,50 м. Различна и форма: преобладают два типа — цилиндрический и грушевидный, с расширением книзу. Назначение всех этих ям не может считаться выясненным, поскольку содержимое их не дает надежных данных. А. А. Миллер высказывал предположение, что некоторые из них, а именно обмазанные глиной и обожженные, являлись зерновыми, о чем свидетельствуют и случаи находки в них зерен — пшеницы и проса; из других некоторые могли, по мнению А. А. Миллера, быть просто мусорными, поскольку такие ямы являлись прямо необходимыми при той тесноте и скученности, которые имели место в городищах низовьев Дона.³ Оба предположения, конечно, вполне возможны; к тому же они встречают подтверждение в содержимом ям других поселений. Соплываясь для примера на Ольвию, где среди множества обнаруженных ям некоторые имеют вполне выраженное мусорное содержимое (обломки керамики, особенно кухонных горшков; кости животных и рыб; зола и т. д.), для других можно считать установленным назначение их как зерновых. Отмечу также, что ямы со стенками, обмазанными глиной и обожженными, с значительным количеством в них зерна, были обнаружены и в других местах. Ярким примером таких зерновых ям могут служить открытые экспедицией 1940 г. ямы в Петуховке в 10 км от Ольвии.

Тем не менее, следует все же отметить, что приведенные аналогии еще не решают вопроса о назначении всех кобьяковских ям. Но вопрос этот сейчас далеко выходит за пределы выяснения хозяйственных сооружений и приспособлений одного только поселения. В последнее время было обнаружено особенно много ям — в Ольвии, в Петуховке, в Варваровке, где находилось местное поселение IV—III вв. до н. э. Проведившие расследование последнего

¹ Краткий отчет о работах Северокавказской экспедиции ГАИМК летом 1928 г. Архив ИИМК, д. № 95/1928 г., лл. 73—78.

² СТАИМК, т. I, 1926, стр. 121.

³ Ук. соч., стр. 122.

упомянутого поселения М. С. Синицын и П. Н. Шульц выдвинули теорию о том, что в этих ямах мы имеем примитивные жилища местного населения Буго-Днепровского района в IV—III вв. до н. э.¹ В Ольвии же в 1940 г. были обнаружены ямы необычайных размеров и глубины, служившие, повидимому, для запасов экспортных продуктов. Пока, на основании всех этих наблюдений, мы констатируем факт широкого распространения и разнообразного использования ям в жизни поселений Северного Причерноморья в античный период. По-видимому, незначительные размеры строений при большой их скученности оставляли только один способ получения помещений для хранения продуктов и вообще товаров — создание помещений, углубленных в землю. В городах такими помещениями были обложенные камнями подвалы, особенно распространенные в Ольвии; наряду с подвалами в тех случаях, когда это бывало возможно, вырывались в земле и просто ямы. В поселениях же сельского типа ямы оставались единственным видом помещений, так сказать, дополнявших надземные строения. Открытым остается вопрос о возможности усматривать в некоторых из ям жилища. Не находя уместным высказываться по этому вопросу в данном очерке, отметим, что для ям Кобыкова городища такое назначение приходится считать, по-видимому, исключенным.

Переходим к находкам на территории Кобыкова городища. Следует оговорить, что характеристику находок мы дадим пока лишь в самом предварительном виде.

Как всегда и во всех поселениях античного периода, на первом месте безусловно стоят находки керамические. Эти керамические находки, среди которых мы не найдем каких-либо действительно выдающихся экземпляров, представляют тем не менее определенный интерес по ярко отражающемуся в них сосуществованию групп местных и привозных, местных и античных. Так, характерно безусловное преобладание сосудов, представляющих тару античных типов — амфор, реже пифосов. Находимые в Кобыковом городище амфоры распадаются на две основные категории — узкогорлые амфоры из светлой глины и амфоры с более широким горлом из глины довольно густого, буровато-красного цвета. На амфорах первой категории нередко исполненные красной краской надписи или знаки. Большинство этих надписей принадлежит к разряду „загадочных“ или „нечитаемых“ — написанных пока не прочитаемыми и не расшифрованными местными письменами.² На других мы имеем греческие надписи, не представляющие, впрочем, полных слов. Амфоры обеих категорий встречаются не только в поселениях низовьев Дона, но и в других областях Северного Причерноморья; особенно близкие аналогии мы найдем типам, представленным в Кобыковом городище, в материале поселений Боспора.

К сожалению, малая исследованность именно этого материала не дает возможности установить, из каких центров или хотя бы областей поступали эти амфоры вместе с перевозившимися в них продуктами. В виде предварительного предположения укажу, что одной из таких областей может оказаться Боспор. Два обстоятельства говорят в пользу высказанного соображения. Об одном из них мы уже говорили — оно сводится к присутствию на Боспоре амфор совершенно тех же типов и также снабженных красными надписями, подобными надписям на кобыковских сосудах. Следует подчеркнуть, что аналогич здесь слишком близкие, едва ли могущие быть случайными. Другое обстоятельство — развитие на Боспоре виноделия, засвидетельствованное находками экспедиций последних лет. Значительное количество виноделен, открытых в Тиритаке и Мирмекии за 1934—1940 гг., говорит о развитии здесь виноделия в масштабах несомненно больших, чем это могло требоваться для удовлетворения потребностей самих этих боспорских поселений или хотя бы ближайшего к ним района; вывоз боспорского вина в область Таванса является бесспорно весьма вероятным.

Амфорные обломки стоят по количеству на первом месте среди находок в излосенных Кобыкова городища. Это обстоятельство свидетельствует о наличии здесь достаточно интенсивного обмена, поскольку находимые в Кобыковом городище амфоры и обломки амфор являются несомненно привозными.

¹ Краткие сообщения ИИМК, V, стр. 71 сл.

² О них см.: И. И. Мецаинов. Загадочные знаки Северного Причерноморья. ИГАИМК, вып. 62.

Среди других категорий материала преобладают группы местные; соотношение между ними колеблется. По большей части второе после амфор место занимает лепная керамика; как и в более раннее время, преобладающим в ней типом являются горшки с отогнутым венчиком. По сравнению с более ранней разновидностью этого типа,¹ горшки первых веков н. э. отличаются рядом деталей: венчик их отогнут резче, иногда под углом или почти под углом; все очертания угловаты; орнаменты встречаются значительно реже. Другой распространенный тип представляют чашки на ножке; с нижней стороны ножка имеет обычно углубление. Этот тип появляется, насколько можно судить, только в первые века н. э. Далее, распространены различного рода светильники — простые открытые „ладьеобразные“, на одном конце сужающиеся и даже заостряющиеся, и светильники с вытянутым рожек, „в форме башмака“, как их обычно определяют. Наконец, встречаются различные мелкие сосудики в форме стаканчиков или чашечек то цилиндрической формы, то расширяющиеся кверху; еще реже встречаются сосудики четырехгранные. Все эти сосуды сделаны из грубой глины, изобилующей примесью, отличаются примитивной лепкой; форма их часто неправильна, несимметрична. Следует, впрочем, отметить наличие сосудов, сделанных почти точно из такой же глины, из какой делались и лепные сосуды, но сформованные уже на гончарном круге; это относится преимущественно, если не исключительно, к типу горшков.

Группой, иногда представляющей несколько слабее, чем лепные сосуды, иногда, напротив, превышающей последнюю группу по количеству находок, является лощенная, так называемая сарматская керамика. Сосуды этой группы сделаны все из серой, иногда почти черной глины; поверхность их обработана „лощением“, полировкой горячим камнем или костью. Эти сосуды характеризуют собой значительно более высокую ступень керамического производства. Все кубяковские экземпляры сделаны уже на гончарном круге; выделка их отличается значительной тщательностью; формы сосудов разнообразнее. Типологию сосудов этой группы я затрудняюсь дать сейчас, до обработки находящихся в Эрмитаже находок 1923—1923 гг. Пока отмечу некоторые основные их особенности. В противоположность группе лепной керамики, здесь преобладают кувшины и разного рода блюда, тарелки и миски; встречаются, впрочем, и различные горшочки, чашечки и т. д. Бросается в глаза присутствие типов, возникших под несомненным влиянием привозной краснолаковой керамики. Особенно характерны широко распространенные большие блюда или миски, типичной чертой которых является отвесный бортик при скошенных стенках. Это — несомненная имитация распространенного типа краснолаковых тарелок, о котором будет речь ниже. Конечно, первоначальный малоазийский тип подвергся здесь значительным изменениям: общие очертания грубее, менее отчетливы переходы одной части сосуда в другую, кольцеобразная подставка ниже, грубее сформована, а часто и заменена или низкой плоской подставкой, или просто уплощенным дном. Характерны также не встречающиеся в краснолаковой керамике горизонтальные желобки на бортике: эта черта вообще свойственна сарматской лощенной керамике — мы найдем ее, кроме описываемого нами типа, также и на горлах кувшинов, на стенках чашечек на ножках и т. д. В целом данный тип представляет яркий образец переработки античного типа в местной среде, что достаточно ясно видно уже и при сличении очертаний сосудов двух этих типов.

Влияние античных типов прослеживается также и на кувшинах; это особенно относится к типу кувшина с цилиндрическим горлом, округлым туловом и плоской, согнутой под углом ручкой. Наряду с этим типом встречаются и типы с выраженными местными чертами. Из доступных мне в данный момент разновидностей я укажу на повторяющийся тип кувшина с низким туловом и характерным венчиком с заглубляющимися по бокам краями. Возможно, что возникновение венчика „в форме трилистника“ и следует поставить в связь с венчиками греческих анфок; но здесь этот тип оказывается настолько измененным, что черты местные в нем бесспорно преобладают. Этот тип широко распространен среди сарматской керамики, в том числе в районах, очень мало затронутых античным влиянием, каким является например, область Нижнего Поволжья.² Отмечу также характерный тип очень больших плоских блюд с низкими

¹ ИГАИМК, вып. 104, стр. 162, рис. 45.

² Ср., например: Рыков. Сусловский курганный могильник, рис. 53. 56. 57.

слегка отогнутыми стенками. Сходный тип можно встретить в районах античной культуры; но он настолько примитивен, что я затруднилась бы приписывать его существование непременно влиянию античных образцов.

Иногда мы встречаем на сосудах, сделанных из темносерой глины и по формам близких к „лощенным“, наличие серой тусклой краски или обивки, замещающей лощение. Не подлежит сомнению слабая распространенность такого типа обработки поверхности; связано ли оно с каким-либо определенным этапом развития данной керамики, или представляет явление случайное, сказать затрудняюсь.

Переходим к группам привозной керамики. Они распадаются на два основных разряда — керамику малоазийского производства и керамику, производившуюся в центральной части Боспора, скорее всего в Пантикапее.

К первому разряду принадлежит так называемая краснолаковая керамика — сосуды, поверхность которых иногда сплошь, чаще частично, покрывалась глазурью типа щелочных глазурей желто-красного или буровато-красного цвета. Выбор типов сосудов, представленных находками в Кобяковом городище, невелик. Преобладающей формой является тарелка с отвесным бортиком и косыми стенками, на кольцевидной подставке. Это — тип, являющийся в колониях Северного Причерноморья вообще одним из наиболее распространенных, если не самым распространенным;¹ часто внутри этих тарелок отиснуты клейма, с именами или „марками“ в виде ступни, слочки и т. д.; в Кобяковом городище клейма на тарелках этого типа обнаружены не были. Вторым типом, также распространенным в области Северного Причерноморья, являются чашечки с отвесным бортиком и косыми стенками; в Кобяковом городище он представлен в двух основных его разновидностях — с выпуклыми стенками² и со стенками прямыми или чуть-чуть вдавленными.³ Значительно реже встречаются другие типы тарелок с плоским дном и косыми стенками,⁴ чашек с округлыми стенками,⁵ кувшинов,⁶ горшочков, двуручных или одноручных,⁷ больших блюд или чашек на низкой подставке;⁸ единичны находки подных больших блюд с рельефным орнаментом по краю и на плоских ручках.⁹ Обломки этих сосудов немногочисленные по сравнению с экземплярами других категорий, важные прежде всего как сравнительно точно датируемый материал. Среди всех перечисленных экземпляров наиболее ранние принадлежат времени около середины I в. н. э., большинство же относится ко времени со второй половины I в. н. э. по III в. н. э. Находки IV в. пока под вопросом; к этому времени могут принадлежать некоторые обломки больших блюд и чашек, но обломки эти очень незначительны и точной датировке не поддаются. Типы краснолаковой керамики из Кобякова городища все близки недвиговским.

Керамика боспорского производства распространена в Кобяковом городище приблизительно в той же степени, как и малоазийская, или несколько больше. К числу сосудов боспорской работы принадлежат, прежде всего, некоторые из краснолаковых; все они воспроизводят только два типа — тип тарелки с отвесным бортиком и косыми стенками и тип чашки с округлыми стенками. Малоазийские типы передаются здесь довольно точно, различия наблюдаются,

¹ Ср.: T. Knipowitsch. Die Keramik römischer Zeit aus Olbia in der Sammlung der Ermitage, табл. II, тип 21 Ab, 21 Ae.

² Там же, табл. II, тип 33a и 33b.

³ Там же, табл. II, тип 24 A.

⁴ Тип близок к ольвийскому типу 23, указанному там же, табл. II, или типам 2 и 9 установленным исследованиями в Чандарли (P. Loeschke. Sigillata-Töpferien in Tschandarli. AM, XXXVII, 1912, табл. XXVIII).

⁵ Knipowitsch, ук. соч., табл. II, тип 32; Loeschke, ук. соч., табл. XXVIII, тип 21.

⁶ Представленный в Кобяковом городище тип ближе всего к ольвийскому типу 42 (Knipowitsch, ук. соч., табл. III, 42).

⁷ Knipowitsch, ук. соч., табл. III, типы 35, 36 и 33.

⁸ Близки к типам Чандарли, см.: Loeschke, ук. соч., табл. XXVIII, тип 26a и особенно 26b.

⁹ Knipowitsch, ук. соч., табл. III, 46.

главным образом, в деталях. Основное отличие — в характере глазури: боспорская глазурь гораздо тусклее, лежит более тонким слоем, нанесена неровными мазками; цвет ее неоднороден, редкий сосуд имеет одинаковую окраску всей поверхности; к тому же даже там, где она сохранила красный цвет, он имеет иной оттенок, чем у малоазийской, не коричневатокрасный, а скорей желто-красный. Характерна и глина — это типичная боспорская глина с многочисленными включениями извести. Вторую группу боспорской керамики представляют простые сосуды из красной глины, без росписи, покрытия или лощения. Эта группа представляет непосредственное продолжение боспорской „тонкостенной“ керамики IV—III вв. до н. э.¹ Среди представленных кобяковским материалом типов сосудов этой группы преобладает форма кувшина. Полностью все типы кувшинов восстановлены быть не могут; некоторые из них принадлежат к числу распространенного в первые века н. э. повсеместно в Причерноморье типа кувшина с округлыми очертаниями и витой ручкой.

К перечисленным группам относится основная масса керамических находок Кобякова городища. Все остальные группы материала представлены значительно меньшим количеством экземпляров. Изредка встречаются обломки стеклянных сосудов; все они принадлежат сосудам II—III вв. н. э. и дают возможность установить присутствие типов балзамариев, кувшинов, небольших чашечек или стакачиков. Очень незначительны находки металлических предметов. Металл в почве городища области низовьев Дона сохраняется плохо, и в большинстве случаев мы имеем лишь сгустки окислов, внутри которых сохраняется часть перерожденного металла: не всегда удается установить, с каким предметом мы имеем дело. Кроме совсем бесформенных обломков, остатки металлических предметов из слоев Кобякова городища сводятся к следующему: а) один меч в обломках, длинный и очевидно принадлежащий типу обычного сарматского меча; б) несколько обломков железных ножей, причем при одном сохранились остатки плоской костяной рукоятки; в) несколько гвоздей с широкими шляпками (3 железных, 1 медный); г) около десятка трехгранных железных наконечников стрел; д) обломок железного наконечника копья; е) две медные фибулы, из них одна принадлежит к типу „лучковой фибулы“ в простейшей ее разновидности.² Это все.

В значительном количестве встречались все время разного рода грузила и пряслица. Среди них некоторые представляют категории, назначение которых не вызывает сомнений, о других до сих пор продолжают спорить. К числу первых принадлежат каменные рыболовные грузила: обычно это камень-дикарь, не подвергнутый никакой обработке и отеске, кроме только просверливания в нем отверстия. Также не вызывает сомнений назначение обычных пряслиц — отвесов для ткацких станков; здесь они встречаются чаще всего глиняные, реже каменные, и имеют различную форму — биконическую, форму сплюснутого шара, наконеч, отрезка цилиндра. Спорным является назначение типа, как раз более других распространенного — пирамидальных глиняных грузил с отверстием в верхней узкой части. Как известно, прежде эти грузила считались всеми рыболовными; в дальнейшем такое их определение было подвергнуто сомнению, что в особенности было вызвано очень уж слабым их обжигом, не обеспечивавшим их стойкости по отношению к воде: опущенные в воду, эти грузила размягчались. Отметим, что и при находке таких грузил во время раскопок в обычной сыроватой земле эти грузила часто бывают мягкими. Это заставило подвергнуть пересмотру вопрос о назначении упомянутых грузил. Были выдвинуты два новых предположения, одно — что это весовые гири, второе — что это отвесы для ткацких станков. Из них последнее более вероятно.

Изредка попадаются бусы; чаще всего это бусы из стекла или стеклянной пасты, одноцветные (синие, желтые, белые) или бусы „с глазками“. Два раза встречены были рубчатые бусы из египетского фаянса.

Наконец, мы должны упомянуть о находках предметов, назначение которых связано с мукомольным делом — жерновов и зернотерок. Следует отметить, что при незначительности

¹ Об этой керамике см.: ИГАИМК, вып. 104, стр. 143 сл., рис. 39—43.

² Ср.: O. Almgren. Studien über nordeuropäische Fibelformen. 1897, табл. VII. 156-а и 157.

раскопанной площади городища, количество находок подобных предметов приходится считать значительными; точному учету они не поддаются, ввиду того, что большинство такого рода предметов было оставлено на месте. Все виденные мною в Кобыковом городище жернова и зернотерки сделаны из твердого камня, не встречающегося, по словам местных геологов, в области низовьев Дона.¹ С такого рода памятниками связана также открытая А. А. Миллером в 1925 г. печь для выпекания лепешек; А. А. Миллер так описывает ее устройство: «Печь эта открыта была в стене обрыва... Она оказалась разрушенной, но внутренняя ее часть сохраняла еще конструктивные элементы, хотя и в обломках. Эта внутренняя часть была обработана в форме кувшина больших размеров, внутренняя поверхность которого обожжена сильнее, чем иные части печи. Полагаю, что здесь мы имеем дело с своеобразной печью для выпекания лепешек на накаливаемых стенках. В основе этому отвечают и закавказские печи-кувшины — „тондыры“».²

В заключение упомянем о некоторых из органических остатков, собранных на городище. Ежегодно собирался значительный материал остеологических остатков, исследование которого должно было бы выяснить ряд важных вопросов о хозяйстве поселения, о характере скотоводства, о пище, которой питалось население. К сожалению, в архивных материалах мне не удалось обнаружить никаких исследований этих остатков, хотя о передаче их на исследование имеются неоднократные указания. Опираясь на отдельные упоминания в дневниках, мы должны отметить большое количество рыбных костей, встречавшихся во всех проведенных здесь раскопках; неоднократно при этом упоминания о наличии здесь крупных осетровых рыб. Этими упоминаниями приходится пока ограничиться. Отметим, далее, многочисленные случаи находки залежей зерна, среди которых на первом месте стоят пшеница и просо, упоминаются также ячмень (правда, со знаком вопроса) и гречиха. Эти сведения, очень скудные и очень лаконичные, дополняют все же наши впечатления об особенностях хозяйства городища, получаемые на основании других материалов.

Мы рассмотрели, насколько это было возможно без дополнительной проработки находящихся в Эрмитаже находок, все группы материала, найденного при расследовании Кобыкова городища. Несмотря на всю незначительность и фрагментарность произведенных там раскопок, мы можем все же сделать некоторые заключения общего характера о городище. Кобыково городище — одно из поселений сельского типа, в основе земледельческих и рыболовных; но добываемые продукты (хлеб, рыба) несомненно шли только частью на удовлетворение потребностей населения, частью же поступали в Танаис, откуда экспортировались на Боспор и, вероятно, и далее. Близость Танаиса, теснейшая экономическая связь с ним оказали свое влияние и на культуру Кобыкова городища, в которой, при преобладающем и резко выраженном местном характере слишком заметны также и античные элементы. Интересно, что при бесспорно значительном развитии в Кобыковом городище торговли, в нем совершенно не было находок монет: обмен, производившийся только с Танаисом и через Танаис был, очевидно, натуральным.

Переходим ко второму из городищ низовьев Дона, где также были произведены сравнительно значительные работы, — Гниловскому.

Городище расположено у западной окраины станицы Гниловской, между Кульбаковой балкой (ранее известной под именем Брянцева) и небольшой седловиной, отделяющей холм с городищем от самой станицы; оно представляет высокий холм, наверху плоский, в плане имеющий форму трапеции с закругленными углами.³ Обращенная к Мертвому Донцу южная сторона городища имеет в длину 150 м; на этой стороне городище образует террасообразный уступ, ниже которого обрывается, что связано с постоянным размытием его рекой. Частично нарушен и обрывиста также и поверхность северной стороны городища. Холм, состоящий весь из культурных отложений, имеет в высоту от 6,5 до 10 м.

¹ Это отмечает и А. А. Миллер; см.: СГАИМК, т. I, стр. 123.

² А. А. Миллер, *ук. соч.*, стр. 124.

³ План городища помещен в ИРАИМК, т. IV, стр. 15, рис. 10.

В 1927 г. здесь были проведены первые раскопки разведочного характера. Исследованию подверглась южная, береговая сторона городища; здесь, на небольшой площади 6×6 м, был заложен шедший уступами раскоп, захвативший всю толщу культурных наслоений городища.¹ Общая мощность культурного слоя оказалась здесь равной 6,5 м; в них А. А. Миллер усмотрел две резко отличающиеся группы. Приводим данное им описание интересной для нас верхней группы: «Верхняя группа, мощностью до 5 м, представляет сверху и донизу довольно однообразное отложение как по характеру слоев, так и по виду их залегания. Основным материалом здесь являются остатки строительства, характерного для поселения римской эпохи на Дону. Мы имеем чередующиеся прослойки глиняных полов, сохранившихся лишь малыми участками, а также отложения глиняной обмазки стен в виде комков, часто с отпечатками стеблей камыша; иногда глина носит на себе следы довольно сильного действия огня. Перед нами, следовательно, имеется новое свидетельство необыкновенно быстрого нарастания строительного мусора в сравнительно короткий промежуток времени; для данного городища это будет эпоха от I в. до Р. X. и до III в. по Р. X., при условиях... скученного заселения внутренней части города».²

При еще большей, чем было в Кобыковом городище, ограниченности произведенных здесь экспедициями ГАИМК работ, также и они дали существенный материал для представления о городище, о времени его существования, о строительстве, об утвари. Несомненно, оказывали большую помощь сделанные ранее наблюдения о тех же сторонах Кобыкова городища, исследованного все же больше. Общее заключение, которое мы можем сделать на основании сделанных исследований и сопоставления полученных наблюдений с тем, что было установлено для Кобыкова городища — близкое сходство обоих городищ и безусловная принадлежность их к одному и тому же типу поселения. Большую часть того, что было нами сказано о Кобыковом городище, его постройках, употреблявшейся в нем утвари, его хозяйственных особенностях, можно повторить и о Гниловском городище. Мы не будем помещать здесь этого повторения; сосредоточим внимание лишь на некоторых небезинтересных деталях, дополняющих составленное на основании проработки материала Кобыкова городища представление о сарматских поселениях первых веков н. э. и, может быть, выясняющих некоторые специфические особенности именно Гниловского городища.

Начнем с остатков строительства. Как и в Кобыковом городище, безусловно преобладающим типом построек были хижинные со стенами, имеющими основу из камыша или жердей, обмазанную слоем глины; также и здесь полы были глинобитные, с ямой для очага и ямами для хранения продуктов. Экспедицией ГАИМК не удалось точнее проследить форму жилища и, в частности, подвергнуть проверке вопрос, имели ли и в Гниловском городище строения круглую форму. Интересные и важные наблюдения были сделаны в этой области во время уже упоминавшейся мною экспедиции 1939 г.: удалось проследить другой, по сравнению с кобыковским, вариант жилища с камышевой основой и глиняной обмазкой — тип жилища не круглого, а четырехугольного, с деревянными столбами по углам.³

Как и в Кобыковом городище, глинобитные хижинные, являясь основным типом строений, не были типом единственным: также и в Гниловском городище были обнаружены остатки каменных зданий. Ввиду важности сделанных в 1927 г. наблюдений, приводим описание А. А. Миллера: «При исследовании верхней группы слоев, на уровне 0,55 м ниже поверхности городища у шкета g/2, открыт был небольшой участок каменной кладки, которая при детальном изучении оказалась относящейся к двум не связанным конструктивно моментам строительства. Сверху лежали камни в один слой (местный известняк, без отески) в прямолинейном направлении. Очень возможно, что здесь мы имеем сохранившуюся часть нижнего ряда каменной кладки стены, шириной в 0,70 м. К нижнему ярусу постройки относятся камни, выложенные полукругом, к которому примыкало значительное скопление вала. К сожалению, уцелевшие

¹ Фото и чертеж раскопа 1927 г. помещены в СГАИМК, т. II, 1929, стр. 93, рис. 9; стр. 94, рис. 10; стр. 95, рис. 11.

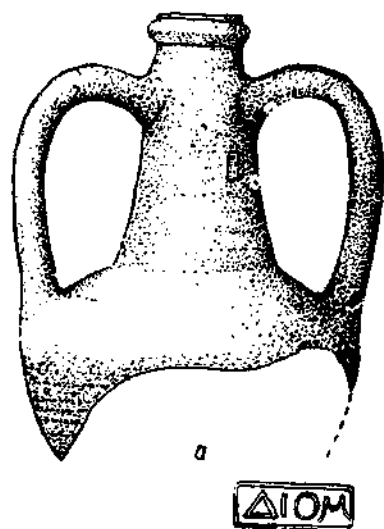
² СГАИМК, т. II, 1929, стр. 95 сл.

³ Памятники древности на Дону, I. Ростов на Дону, 1940, стр. 29 сл.

части постройки были столь незначительны, что судить о ее характере и назначении не представляется возможным. В техническом отношении сохранившееся звено сооружения оказалось чрезвычайно интересным. Камни клались не непосредственно один на другой, а на промежуточную прослойку из раствора суглинка с большим содержанием песка. Камни заливались раствором в жидком виде. При этом мы видим здесь же и в той же кладке применение и иного приема, состоявшего в прокладке между камнями плоских глиняных «лепешек» овальной формы. «Лепешки» эти сравнительно очень мало деформированы тяжестью камней и клались, повидимому, в состоянии густо замешанной и упругой массы¹.

Также и восстановление если не всего типа, то ряда важных деталей каменных строений было сделано во время экспедиций 1938—1940 гг.

Мы не будем давать описания встреченным в слоях Гниловского городища культурных остатков, поскольку нам придется в основном повторять уже сказанное по поводу Кобыкова городища. Отметим лишь некоторые не лишние интереса особенности сделанных здесь находок. Во-первых,

ΑΣΗ

б

ΔΙΟΜ

б

Рис. 46. Клейма на амфорах из Гниловского городища.

вообще ознакомление с материалом, собранным как на поверхности и по осыпям, так и в проведенном в 1927 г. раскопе, создает впечатление о более раннем возникновении Гниловского городища. Мы отметили, что обломки найденной в Кобыковом городище краснолаковой керамики датируются временем не раньше второй половины I в. н. э. В Гниловском же городище мы встречаем вполне выраженные и характерные экземпляры начала I в. н. э. К их числу принадлежит, прежде всего, обломок краснолакового канфара, входящего в наметавшуюся у меня при исследовании ольвийской краснолаковой керамики раннюю пергамскую группу.² Интересно, что этот обломок был найден в самом нижнем горизонте слоя римского времени. Найденные в том же нижнем горизонте другие экземпляры, не поддаваясь настолько точной датировке, принадлежали также вне сомнений первой половине I в. н. э. К тому же приблизительно времени относятся и некоторые из обломков амфор. Ранний римский тип, характеризующийся большей четкостью очертаний и отсутствовавший в Кобыковом городище, здесь оказывается представленным целым рядом экземпляров. Заслуживают также внимания повторные находки в Гниловском городище обломков амфор с клеймами на горле, в нижней части (рис. 46).³ Тип этот встречался и раньше, но представлен он был незначительным количеством находок; они известны мне в Танаисе, в Ольвии, в поселениях района Пантикапея. Интересно, что из числа обломков, найденных в последних упомянутых мною поселениях, один обломок имеет клеймо то же, что и встретившееся на амфорном обломке из Гниловского городища.

Что касается групп керамики лепной и лощеной, то материал Гниловского городища вносит некоторые дополнения в отношении типов, в которых выражены именно местные черты. Так, повторно встречались характерные для сарматской лощеной керамики ручки в виде зверьков; они были встречены как в раскопе 1927 г., так и при исследованиях последних лет. Мы не

¹ СГАИМК, т. II, 1929, стр. 96.

² Ср.: Karpowitsch, ук. соч., стр. 22, табл. I, 15 и IV, 4.

³ Ср.: Памятники древностей на Дону, т. I, стр. 34, рис. 2, 1—3.

будем касаться некерамических находок, повторяющих в основных чертах материал Кобякова городища. Я останавлиюсь здесь только на одном, что существенно дополняет наше представление об этом городище — на материале из его некрополя.

В начале настоящего очерка я упоминала о первых исследованиях некрополя Гниловского городища — исследованиях Леонтьева. Ясной и показательной картины эти исследования не дали, тем более, что и хронологическое их определение исключено вследствие отсутствия найденных в них вещей. Во всяком случае, ясно, что исследовавшиеся Леонтьевым курганы не принадлежали к числу погребений сколько-нибудь состоятельных слоев населения Гниловского городища.

Гораздо интереснее оказались результаты исследований Тизенгаузена в 1866 г.¹ Расследованию был подвергнут так называемый „Круглый курган“; местоположение его в точности выяснить не удалось, приходится ограничиваться указанием Тизенгаузена на его положение: „в ближайшем к Дону ряду могильных насыпей... верстах в 3 от Ростова“; курган этот был

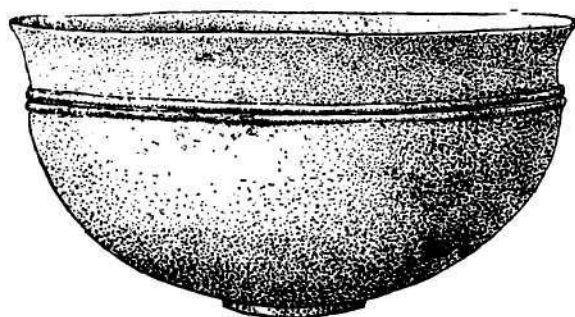

Рис. 47. Краснолаковая чашечка из „Круглого кургана“ у Гниловского городища. (Исторический музей).

Рис. 48. Краснолаковый канфар из „Круглого кургана“ у Гниловского городища. (Исторический музей).

самым большим в ряду курганов, достигая высоты „в 4 сажени с небольшим, в окружности по подшве до 80 сажен“.²

К сожалению, не во всех обнаруженных в „Круглом кургане“ погребениях удастся разобраться: их здесь оказался целый ряд, и принадлежали они, несомненно, различным периодам — начиная от доскифского и кончая первыми веками н. э. Более других ясен (и то не полностью) один комплекс, для нас важный тем, что он относится как раз к интересующему нас времени. Даже учитывая не полную достоверность каждого из сопоставлений имеющихся в Государственном Историческом музее предметов с упоминаниями в отчете Тизенгаузена, мы все же можем уверенно говорить и о времени, и даже о характере инвентаря этого погребения.

Датирующим материалом служат привозные сосуды, которых в этом комплексе находится целый ряд. Три из них — две чашечки с косыми стенками и отвесным бортиком и двуручный горшочек с округлыми стенками — принадлежат к числу экземпляров краснолаковой керамики малоазиатского производства и датируются I в. н. э.; двуручный сосудик относится еще к началу I в. н. э., чашечки датируются несколько более поздним временем. К тому же, или несколько более раннему времени, относятся глиняный бальзамарий с обломанным верхом и краснолаковый канфар с желобчатым туловищем (рис. 43); для обоих этих сосудов вероятно I век до н. э.

¹ Результаты изложены кратко в ОАК за 1866 г., детальнее — в рукописном отчете, см.: Архив ИИМК, д. № 7/1865 г., л. 52 сл.

² Сведения приводятся из упомянутого рукописного отчета.

Уже безусловно I в. до н. э. датируется, наконец, чашечка с округлыми стенками и двумя рельефными поясками у начала венчика (рис. 47): эта чашечка восходит еще к „мегарским“,

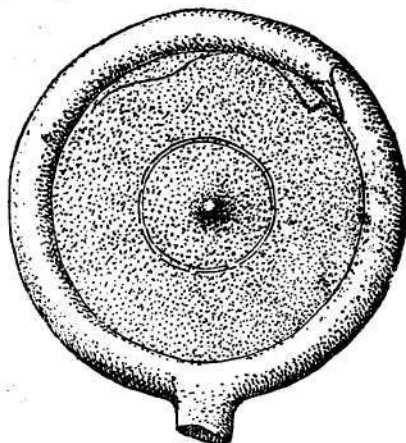

Рис. 49. Бронзовое зеркало из „Круглого кургана“ у Гниловского городища (Исторический музей).

но представляет позднюю разновидность типа, развившегося из типа мегарских чашек II в. до н. э. И так, экземпляры керамики античного типа указывают все на I в. до н. э. и I в. н. э.; отмечу, что нет ничего невероятного в том, чтобы в могилу одного из представителей верхушки общества Гниловского городища были положены как вещи, сделанные и привезенные во время, близкое ко времени его смерти, так и более старые предметы, принадлежавшие, может быть, его отцу. Датой же погребения будет, очевидно, I в. н. э. С этим вполне согласуется тип найденного здесь зеркала, с выступающей серединой, широким выпуклым ободком и маленькой ручкой (рис. 49): это — тип, близкий к типу зеркала из погребения Zubovskogo хутора, характерному, как известно, также для комплексов I в. н. э. Очень интересны также два местных кувшина из этого погребения, с типичным поднимающимся вверх венчиком, маленькой ручкой и своеобразным орнаментом, составными частями которого являются маленькие концентрические кружки, выполненные штампом и

соединенные рядами параллельных линий (рис. 50). Но безусловно лучшим и наиболее ценным предметом являются две бронзовые маски львов (рис. 51): по типу своему также и эти маски принадлежат последним векам до н. э. В целом комплекс представляет редкий и уже тем самым ценный набор предметов, в котором античные привозные вещи комбинируются с совсем непохожими на них, но весьма своеобразными экземплярами местного искусства; это погребение представителя сарматской знати должно быть принято во внимание при всякого рода исследованиях сарматской культуры. До сих пор этот комплекс оставался совершенно неизвестным.

Я останавлиюсь, далее, на отдельных предметах из того же Гниловского некрополя, поступавших в Ростовский музей с 1926 по 1939 гг. Они представляют интерес именно по связи их с только что рассмотренным комплексом. На первом месте среди этих вещей стоит медный ковш с латинским клеймом на ручке. Тип этого ковша (рис. 52) встречается неоднократно повторения в области юга СССР; я сошлюсь, например, на совершенно аналогичный ковш, найденный в 1891 г. в районе Киева.¹ Но мы

Рис. 50. „Лощеный“ кувшин с резным орнаментом из „Круглого кургана“ у Гниловского городища (Исторический музей).

¹ ОАК за 1891 г., стр. 91, рис. 70.

найдем ему аналогии также и в совсем иных областях, и прежде всего — в Италии, откуда, как об этом свидетельствуют латинские клейма, эти вещи, очевидно, и поступали. Наличие итальянского импорта было нами установлено при проработке материала Танаиса, где был

Рис. 51. Бронзовая маска льва из „Круглого кургана“ у Гниловского городища (Исторический музей).

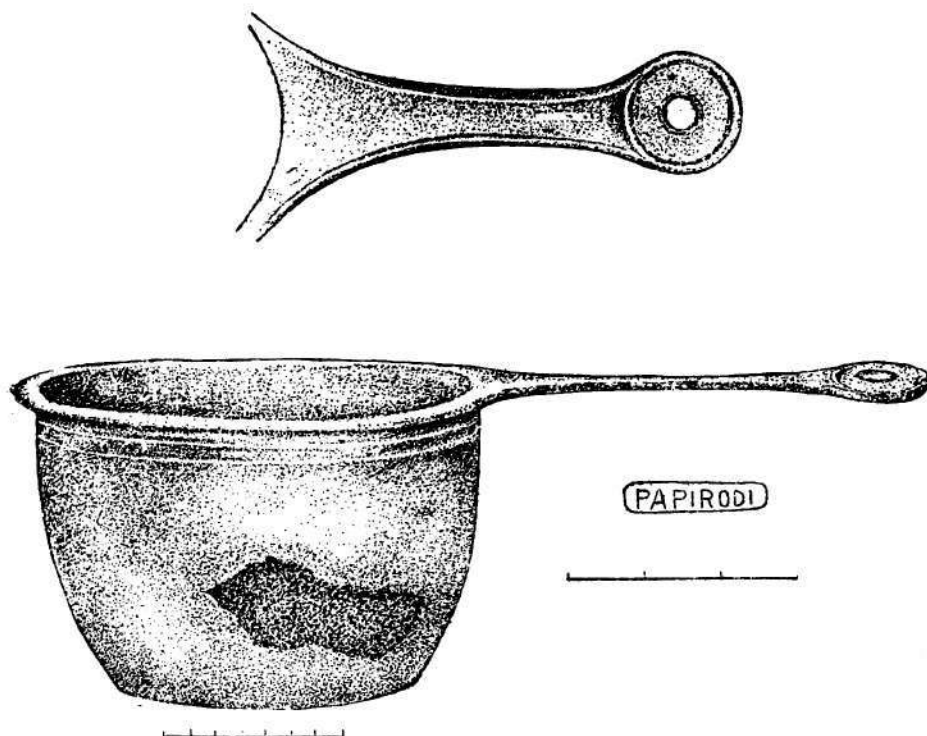

Рис. 52. Бронзовый ковш с латинским клеймом из некрополя Гниловского городища (Музей краеведения Ростова на Дону).

обнаружен целый ряд бронзовых вещей, встречающих аналогии в Помпеях. Здесь мы знакомимся с дальнейшим распространением этого импорта. Ковш доставлен в музей в 1927 г.¹

С этой находкой интересно сопоставить некоторые другие. В том же 1927 г. в музей поступил целый ряд различных характерных экземпляров керамики; среди них представлены как античные, так и местные группы. К числу первых принадлежит, например, глубокая краснолаковая чашка полусферической формы, представляющая характерный образец малоазийской керамики I в. н. э. К числу экземпляров второй категории принадлежит прекрасная серия лощеных сарматских сосудов, среди которых едва ли не лучшим является сосуд шаровидной формы с ручкой в виде фигурки зверя (рис. 53). Другой тип сосуда с ручкой в виде зверька представляет кувшинчик из раскопок 1933 г. (рис. 54). Наконец, отмечу постоянно встречающиеся экземпляры античных стеклянных сосудов: два характерных образца изображены

Рис. 53. Лощеный сосуд из некрополя Гниловского городища (Музей краеведения Ростова на Дону).

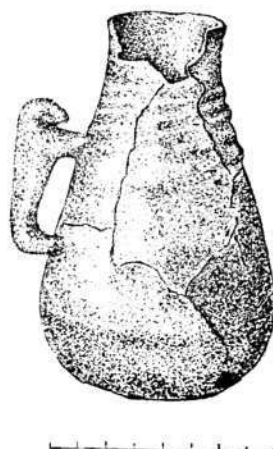

Рис. 54. Сосудик с ручкой в виде животного из раскопок некрополя Гниловского городища в 1933 г. (Музей краеведения Ростова на Дону).

на рис. 55. Приведенных примеров достаточно. Мы видим, насколько своеобразные сочетания предметов производства античного и местного создаются в районе Танаиса в поселениях, тесно связанных с Танаисом, в особенности в высших слоях их общества. Богатая и своеобразная местная сарматская культура оказывается здесь во взаимодействии с распространяющейся далеко от линии причерноморского побережья культурой античной; и, несомненно, быт представителей верхних слоев общества Придонья оказывается очень усложненным и содержащим определенные античные черты даже там, где поселения носят выраженный местный облик, с маленькими, тесно расположенными хижинами, с обмазанными глиной камышевыми стенами и камышевыми крышами.

Мы познакомились с основными материалами двух наиболее расследованных поселений низовьев Дона. Просмотрим бегло и все остальные известные нам поселения того же времени и того же района.

Самым западным, лежащим ближе всего к Танаису из расположенных по правому берегу Мертвого Донца и Дона поселений является городище близ станции Хапры. „Городище ограничено с восточной стороны оврагом, с западной — также небольшим оврагом, которому соответствует

¹ См.: Б. В. Луни. Археологические раскопки и разведки на Сев. Кавказе в 1927 г., стр. 83, прим. I (Краеведение на Сев. Кавказе, 1923 г., № 1—2).

ближайший к станции железнодорожный котлован*. Городище — небольшое; оно представляет невысокий круглый холм, ограниченный, повидимому, валом. К востоку от городища — остатки другого, также округлого селения, в настоящее время сильно поврежденного, перекопанного.¹

Повторно производившиеся здесь сборы подъемного материала давали обломки керамики первых веков н. э., среди которых были представлены группы как привозные, так и местные; кроме них, здесь же (особенно в районе восточного селения) постоянно встречались также и обломки доскифской керамики. За железнодорожным полотном, в карьере, образовавшемся при добывании здесь песка, был уже давно обнаружен подвергавшийся разрушению могильник.

Рис. 55. Образцы стеклянных сосудов из некрополя Гниловского городища (Музей краеведения Ростова на Дону).

Целый ряд предметов из этого могильника попал в Областной музей краеведения Ростова на Дону. Среди этих предметов интересна целая коллекция очень характерных местных, преимущественно лощеных сосудов, дополняющих наше представление о типах сарматской керамики; в то же время имеются типичные экземпляры малоазийской краснолаковой керамики второй половины I и II вв. н. э. Делать какие-либо обобщения на основании таких материалов, конечно, нельзя — городище никогда не подвергалось расследованию даже в тех масштабах, в каких работы проводились в Гниловском и Кобяковом городищах.

Следующее по Мертвому Дону поселение — городище у устья реки Сухой Чалтыр. Городище представляет высокий холм с плоской верхушкой, в плане правильной круглой формы. Собиравшийся на поверхности материал весь принадлежал первым векам н. э.; в главной массе — это обломки остродонных амфор I—III вв. н. э., встречались также краснолаковые обломки, обломки местных лепных и лощеных сосудов.

Заслуживает внимания присутствие в верхних слоях городища значительного количества камня. Следы поселения, границы которого не удалось установить точно, были прослежены и на прилегающей к холму низменной части; собранные здесь обломки принадлежат тому же времени.

Пропуская уже достаточно освещенное Гниловское городище, переходим к городищам, расположенным на территории современного Ростова. Из них более западное — Темерницкое, привлекавшее уже давно внимание не только достаточно, но несомненно преувеличенное. В уже упоминавшейся мною статье А. М. Ильина приводятся данные, позволяющие установить первоначальные очертания Темерницкого городища; материалом для этого служат старые планы

¹ Описание городища см.: ИРАИМК, т. IV, стр. 13 сл.; план — рис. 11 на стр. 19.

Ростова, где городище еще сохраняет очертания.¹ Повидимому, поселение было не очень велико (А. М. Ильин указывает для него размер 450×550 м) и имело форму неправильного четырехугольника; с севера и востока его ограждали валы. Городище уже давно застроено, валы срыты, и только местами сохранились выходы культурных слоев, содержащие довольно значительные культурные остатки.

Как уже указывалось выше, принадлежность Темерницкому городищу изданной А. М. Ильиным коллекции подвергается сомнению, повидимому, основательному, если учесть, что подавляющее большинство входящих в нее предметов добыто покупкой. В силу этого я не считаю возможным давать характеристику этого городища, и так уж получившего едва ли заслуженную известность.² Ограничусь констатированием нескольких бесспорных положений. Во-первых, не подлежит сомнению, что в первые века н. э. это городище существовало наряду с другими рассматриваемыми нами поселениями; во-вторых, при всей осторожности следует учитывать факт наличия среди сделанных уже сотрудниками музея сборов экземпляров не римского, а эллинистического времени, как, например, изданные в статье А. М. Ильина

Рис. 56. Светильник из Кизитиринского городища (Музей краеведения Ростова на Дону).

некоторые обломки, как обломки амфоры с энглифическим клеймом (№ 34 группы находок „эллинистической культуры“). Очень важно было бы знать с уверенностью, действительно ли городищу принадлежит мраморная плита с греческой надписью I—II вв. н. э.;³ если это верно — Темерницкое городище действительно выделяется из других поселений той же области. Но принадлежность упомянутой плиты к числу памятников, происходящих из Темерницкого городища, не является доказанной.

Очень мало мы знаем о так называемом Ростовском городище,

расположенном между Большим и Средним проспектом:⁴ наши сведения о нем ограничиваются случаями находки здесь фрагментов керамики первых веков н. э. и обнаружением остатков ямы со стенками, обмазанными глиной и слегка обожженными; внутри ямы оказались зерна, повидимому, пшеницы.

Городище Кизитиринское расположено в устье балки Кизитиринской; культурный слой прослеживается на пространстве, ограниченном со стороны Дона и Кизитиринского оврага береговыми откосами, а с западной стороны — остатками вала. Площадь сильно изрыта, очертания городища не восстановимы. Вблизи находится некрополь. Материал этого некрополя издан в специальной публикации.⁵ При всей его немногочисленности, он представляет бесспорный интерес. Интересны, прежде всего, некоторые из привозных изделий, встречающие близкие аналогии в материале Танаиса. Среди этих изделий выделяется группа бус и подвесок, в том числе подвесок из египетского фаянса. Имеется также несколько фрагментов краснолаковых

¹ Один из планов Ростова на Дону, где обозначено Темерницкое городище, воспроизведен в ЗРДО, т. I, стр. 30 (Ростов на Дону, 1912).

² См. уже упоминавшуюся статью Германа в RE, 2-я серия, полутом VIII, основанную, несомненно, на статье Семенова в „Petermanns Mitteilungen“ (72 Jahrgang, 1926, стр. 16 сл.).

³ ИАК, вып. 14, стр. 134—135.

⁴ СГАИМК, т. I, стр. 104.

⁵ Л. А. Ширман. Кизитиринский некрополь. ЗСКОАИЭ, 1928, кн. I (т. III), вып. 3—4, стр. 66—69.

чашек I и II вв. н. э. малоазийского производства; рядом экземпляров представлены и узкогорлые амфоры того же времени. Этот материал сочетается здесь с интереснейшими экземплярами местной керамики, среди которых особенно выделяется группа светильников, вылепленных от руки из грубой глины и отличающихся грубой и примитивной работой. Светильники эти интересны ярко и наивно проявляющимся в них стремлением воспроизвести в крайне примитивной технике тип привозного античного светильника (рис. 56).

Последнее из городищ той же группы, Подазовское, расположено у хутора Подазовского к западу от г. Азова. Городище, довольно обширное, находится на возвышенном берегу, у края луговой долины. Через центральную часть этого городища проведен железнодорожный путь, в той же части — карьер. В результате сейчас налицо только две крайние части городища, Собранный здесь в разное время как экспедициями ГАИМК, так и местными работниками материал включает, кроме средневековых фрагментов, также характерные экземпляры первых веков н. э., а на обрезах у железнодорожного пути обрисовываются очертания ям, подобных встречающимся во всех городищах этого времени.

Мы можем, таким образом, считать установленным густое заселение в первые века н. э. правого берега обоих рукавов Дона поселками сельского типа, но с ярко выраженным в быту их населения влиянием более развитой античной культуры. Относясь к числу сарматских поселений, городища дельты Дона первых веков н. э. отличаются в то же время рядом своеобразных черт, обусловленных участием их в получивших значительное развитие торговых операциях Танаиса. Последнее обстоятельство должно быть учтено при изучении культуры, сложившейся в районе дельты Дона в первые века н. э. и определяющей прежде всего общим ходом развития населяющих данную область скифо-сарматских племен.

СПИСОК ИМЕН, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В НАДПИСЯХ ТАНАИСА

№№ а/п	Имя	Дата	В качестве кого упоминается	Где опубликовано	Примечания
а) Сохранились имена или их части					
1	'Αβράζιος 'Αρίστωνος	225 г. н. э.	Διασώτης	IRE, II, 447	Имя восстановлено
2	'Αγαθημέρος Παπλίου	228 г. н. э. (?)	ἱστορητός ἀδελφός	" " 452	
3	Γ'Αγαθῶδες Μενεστράτου	II в. н. э. (?)	Διασώτης	" " 442	
4	'Αζορίων Δημητρίου	Нач. III в. н. э. (?)	Διασώτης	" " 454	
	"	220 г. н. э.	Διασώτης	" " 446	
5	'Αζος 'Οχωδιάκει	225 г. н. э.	Διασώτης	" " 448	
6	Γ'Αθηνίος β'	II в. н. э. (?)	Διασώτης	" " 442	
7	Γ'Αθηνόδωρος Μηνοφίλου	155 г. н. э.	Διασώτης	" " 438	
8	Γ'Αθηνόδωρος Φιλαινάμου	228 г. н. э.	νεανισκάρτης	" " 451	
	"	212—229 гг. н. э. (?)	ἱστορητός ἀδελφός	" " 449	
	"	212—229 гг. н. э. (?)	ἱστορητός ἀδελφός	" " 450	
9	'Αλέξανδρος[Σόγιο	Нач. III в. н. э. (?)	Διασώτης	" " 454	
	"	227/8—233/4 гг. н. э. (?)	Διασώτης	" " 455	
10	Γ'Αλεξάνδρος 'Αβ[ιδάκει	Нач. III в. н. э. (?)	Διασώτης	" " 454	
11	'Αλεξίων Πατρόκλου	228 г. н. э.	ἱστορητός ἀδελφός	" " 452	
12	Γ'Αμά[δας]το[ς] β'	155 г. н. э.	Διασώτης	" " 438	
13	'Αμαρδάκας Μεν[εστρά]του	225 г. н. э.	Διασώτης	" " 447	
14	'Ανδρά[ν]ακος Χοζ[ί]ακου	220 г. н. э.	Διασώτης	" " 446	
15	'Ανδρομένης Τρύφωνος	II в. н. э. (?)	Διασώτης	" " 443	
16	'Αντίμαχος 'Αντιμάχου	II в. н. э. (?)	Διασώτης	" " 443	
17	'Αντίμαχος Κίμβρου	225 г. н. э.	Διασώτης	" " 448	
	"	236 г. н. э., I Горпина	ἐπιμελητής	" " 434	

18	'Αντίμαχος Πασίωνος	220 γ. η. ε.	διασώτης	IRE, II, 446
19	"	225 γ. η. ε.	φιλάγαθος	" " 447
20	'Αντίμαχος Χαρίτωνος	154/5—170/1 γγ. η. ε.	[Πρεσβε]υ[τ]ή[ς]	" " 442
21	'Αντίμαχος? ...	131/2—153/4 γγ. η. ε. (?)	πατήρ συνόδου	" " 437
22	'Αντίμαχος, ... του	II β. η. ε.	διασώτης	" " 441
23	'Αντισθένης Μευίου	225 γ. η. ε.	διασώτης	" " 448
24	'Αντωνί[νος Θ]εαγ[έν]ου	228 γ. η. ε.	διασώτης	" " 451
25	'Απολλ[ών]ιος 'Απολλωνίου	220 γ. η. ε.	διασώτης	" " 446
26	'Αράδης Φιδάνει	220 γ. η. ε.	διασώτης	" " 446
27	[Α]ράδης ...	175—211 γγ. η. ε.	διασώτης	" " 445
28	'Αραού[β]ος, ... δούλ[ο]υ	225 γ. η. ε.	διασώτης	" " 447
29	'Αράδακος Πεπλίου	225 γ. η. ε.	διασώτης	" " 447
	'Αράδακος Τρύφωνος	188 γ. η. ε.	ἐπιμελητής	" " 427
30	"	220 γ. η. ε.	διασώτης	" " 446
31	'Αράβ[ι]σ[ι]ος Ζ[ηνοδότ]ου	17—211 γγ. η. ε.	διασώτης	" " 445
32	'Αράβ[ι]σ[ι]ος [Σ]υνεγδ[ή]μου	175—211 γγ. η. ε.	συναγωγός	" " 445
33	[Α]ράβ[ι]σ[ι]ος Ψυχάρωνος	II β. η. ε. (?)	διασώτης	" " 442
34	'Αράρος Η.	II β. η. ε.	φιλάγαθος	" " 441
35	'Αράρος Μαστο[ύ]	225 γ. η. ε.	διασώτης	" " 448
36	'Αράρος [Μ]ύρωνος	155 γ. η. ε.	διασώτης	" " 438
37	'Αρδιών[αν]ος Χρυσίππ[ου]	225 γ. η. ε.	διασώτης	" " 448
38	"	212—229 γγ. η. ε. (?)	ιστομητής ἀδελφός	" " 450
39	[Α]ρόναστος Σώφρ[ο]νος	225 γ. η. ε.	διασώτης	" " 447
40	'Αριστέμης Δάδα	228 γ. η. ε.	διασώτης	" " 451
	[Α]ριστέμης 'Ερωῶ	II β. η. ε.	διεσείτης	" " 443
	[Α]ρισ[τ]όδημος ...	175—211 γγ. η. ε.	διασώτης	" " 445

Участвует в работах
по восстановлению
башни

№№ п/п	Имя	Дата	В качестве кого упоминается	Где опубликовано	Примечания
41	Ἀρίστων Δείου	104 г. н. э.	διασώτης	Неизданная надпись Новочеркасского музея	См. стр. 117
42	Ἀρίστων Θεοτέμου	II в. н. э. (?)	[νεανισκάρχης]	IRE, II, 442	
43	Γ' Ἀρξίστων [Μενε]τράτου	225 г. н. э.	διασώτης	" " 447	
	"	228 г. н. э.	εἰσποιητὸς ἀδελφός	" " 452	
44	Ἀρίστων Φαζινίου	225 г. н. э.	διασώτης	" " 448	
	"	212 - 229 гг. н. э. (?)	ἰσποιητὸς ἀδελφός	" " 449	
45	Ἀρίστων.....ικράτου	II в. н. э. (?)	διεσείτης	" " 443	
46	Ἀρνάκης Ἀπατουρίου	II в. н. э. (?)	διασείτης	" " 443	
47	Ἀσανδρος Θυμιάστου	220 г. н. э.	διασώτης	" " 446	
	"	225 г. н. э.	διασώτης	" " 448	
48	Ἀσκληὶς Ἡρακλείδου	228 г. н. э.	εἰσποιητὸς ἀδελφός	" " 452	
49	Γ' Ἀσκληπιάδης Οὐαλ[ερ]ίου	175 - 211 гг. н. э.	διασίτης	" " 445	
	"	225 г. н. э.	φιλάγαθος	" " 418	
50	Ἀσκληπι[ά]δης...	209 г. н. э.	διασώτης (?)	" " 444	
51	Ἀσπάνδανος Λειμνίου	225 г. н. э.	διασώτης	" " 447	
52	Ἀσπ[η]ρ....	II в. н. э.	διασώτης	" " 441	
53	Ἀσσίας....	II в. н. э.	διασώτης	" " 441	
54	Γ' Ἀ[λέ]ξβας Ζα[β]άργου	155 г. н. э.	διασώτης	" " 433	
55	Ἀττας Διοφάντου	104 г. н. э.	διασώτης	Неизданная надпись Новочеркасского музея	См. стр. 11

56	Γ'Αττακ 'Ηρακλείδου " " " "	Нач. III в. н. э. (?) 192 г. н. э.	Διασώτης ἐπιμελητής	IRE, II, 454 " " 428	Участвует в работах по восстановлению башни
57	" "	175—211 гг. н. э.	[γρ]α[μμα] τ[ε] [εὐ]ς [συν]όδου	" " 445	
58	Γ'Αττας 'Οργύα	II в. н. э.	Διασώτης	" " 442	
59	'Αττίας Νῆσπολ'ρου	1-я пол. III в. н. э. (?)	π[ρεσβύ]τερος	" " 456	
60	Δύβδαγ..... ναίτου	225 г. н. э.	Διασώτης	" " 447	
61	[Δύ]ράζακος 'Αρ[ιστωνος?]	227/8—233/4 гг. н. э. (?)	Διασώτης	" " 455	
62	Δυράζακος 'Ρόδιωνος	Нач. III в. н. э. (?)	Διασώτης	" " 454	
	Δυρήλιος 'Αντωνέϊνος	215 г. н. э.	ἀρχιτέκτων	" " 429	Участвует в восстановлении агоры
	" "	220 г. н. э.	ἀρχιτέκτων	" " 430	
	" "	228 г. н. э.	Διασώτης	" " 451	
	" "	236 г. н. э.	ἀρχιτέκτων	" " 434	Строит башню и восстанавливает источник
63	Γ'Αρδείμα[κος 'Αψ]άχου 'Αρδείμαχος 'Αψάχου	236 г. н. э.	ἀρχιτέκτων	" " 433	Участвует в восстановлении башни
	" "	220 г. н. э.	Διασώτης	" " 446	
	" "	236 г. н. э.	ἐπιμελητής	" " 434	Участвует в восстановлении источника и построении башни
64	'Αρδείμαχος Διο...	220 г. н. э.	Διασώτης	" " 446	
65	Γ'Αφροβείσιος Αισ[χίνου]	II в. н. э.	Διασώτης	" " 443	
66	'Αφ[ροδείσιος Χρυσέ]ρωτος]	175—211 гг. н. э.	Διασώτης	" " 445	
67	Γ'Αχ[αιμένης Θεαγγέ]λου	155 г. н. э.	Διασώτης	" " 438	
68	Βάβος Βαιοράστου	220 г. н. э.	ἀρχων Ταναετῶν	" " 490	
69	Βαγδόσιμος Σαυατώσου	228 г. н. э.	Διασώτης	" " 451	

Πρόσложение приложений II

№№ π/π	Όμια	Όατα	В качестве кого упоминается	Όας опубликовано	Όримечания
70	Βάρδοχος Συμφόρου	225 γ. н. э.	διασώτης	IRE, II, 447	
71	Βαλῶδης Δημητρίου	209 γ. н. э.	διασώτης[?]	" " 444	
	" "	225 γ. н. э.	γυμνασιάρχης	" " 447	
	" "	212—229 γγ. н. э. (?)	ιστοιοτήс αδελφός	" " 449	
72	Βασίλειδης Θεονέικου	175—211 γγ. н. э.	γυμνασιάρχης	" " 445	
	" "	211—219 γγ. н. э. (?)	έλληναρχης	" 431—431bis	Όαствует в восстановлении стеном
	" "	220 γ. н. э.	έλληναρχης	" " 430	Όοстановила агору на свои средства
73	[B]άσσας Β[άσσου?]	220 γ. н. э.	διασώτης	" " 446	
74	Βαλλικδс Ζωρδίνου	225 γ. н. э.	διασώτης	" " 448	
75	Βείδας 'Απολλωνίου	104 γ. н. э.	διασώτης	Όοызданная надпись Новочеркасского музея	Όм. стр. 117
76	Βόρασπος [B]άβου	193 γ. н. э.	άρχων Τανάεωс	IRE, II, 423	
77	Γαῶс Χαρίτωνс	104 γ. н. э.	διασώτης	Όοызданная надпись Новочеркасского музея	Όм. стр. 117
78	[Γ]άос Ζή[θου]	212—229 γγ. н. э.	ιστοιοτήс αδελφός	IRE, II, 449	
79	Γάос	225 γ. н. э.	διασώτης	" " 447	
80	Γά[η?].уос Μανδάσου	Όαχ. III β. н. э. (?)	διασώτης	" " 454	
81	Γοδόταυос 'Αρασί[ου]	Όαχ. III β. н. э. (?)	διασώτης	" " 454	
82	[Γορ]γας Φα[ρναχ]ίωнос	220 γ. н. э.	διασώτης	" " 446	
83	Γο.....νά[ου]	230 γ. н. э.	συνοδείτης	" " 453	
84	Γοδύγασос Συμφόρου	225 γ. н. э.	διασώτης	" " 447	

85	Γώσκαος Ἀσπίου	220 γ. н. в.	Διασώτης	ΙΡΕ, II, 446	См. стр. 117
86	"	225 γ. н. в.	Διασώτης	" " 447	
87	[Δά]δας β'	155 γ. н. в.	Διασώτης	" " 438	
88	[Δά]δας Θεαγ[τέλ]ου	155 γ. н. в.	Διασώτης	" " 438	
	Δάδας Θεονείχου	104 γ. н. в.	Διασώτης	Неизданная надпись Новочеркасского музея	
89	Δάδας Ουαλερίου	228 γ. н. в.	Διασώτης	ΙΡΕ, II, 451	Участвует в восстановлении стен Востановил башню на свои средства
90	Δά[δ]ας Πάππου	220 γ. н. в.	Διασώτης	" " 446	
91	Δάδας Χοδιακί[ο]υ	228 γ. н. в.	εἰσποιητός ἀδελφός	" " 452	
92	Δαλδσκαος Συμφόρου	225 γ. н. в.	Διασώτης	" " 447	
93	"	228 γ. н. в.	εἰσποιητός ἀδελφός	" " 452	
94	[Δαλ]δσκαος[...] Δαν[α]ρ[α]μακος Μηγίου	220 γ. н. в.	Διασώτης	" " 447	
95	"	225 γ. н. в.	Διασώτης	" " 448	
96	[Δαν]δρά[σ]μακος [Ἰ]δ[ι]άρθου	230 γ. н. в.	συνοδείτης	" " 453	
97	Δημήτριος Ἀγαθοδώρου	220 γ. н. в.	Διασώτης	" " 446	
98	Δημήτριος Ἀντιμάχου	Π в. н. в. (?)	Διεσείτης	" " 443	
99	Δημήτριος Ἀπατουρίου	175—211 γ. н. в.	νεανισκάρχης	" " 445	
	"	211/12—219 γ. н. в. (?)	ἐπιμελητής	" 431—431bis	
100	Δημήτριος Ἡρακλείδου	228 γ. н. в.	ἱερεὺς	" " 451	
101	Δημήτριος Φαζινάμου	236 γ. н. в.	ταναείτης	" " 433	
102	Δημήτριος Χ[αρίτωνος?]	220 γ. н. в.	φιλάγαθος	" " 446	
103	Δημήτριος.....ου	225 γ. н. в.	Διασώτης	" " 448	
		209 γ. н. в.	Διασώτης	" " 444	
		175—211 γ. н. в.	Διασώτης	" " 445	

№№ п/п	Дата	В качестве кого упоминается	Где опубликовано	Примечания	
104	155 г. н. э.	[Δ]ημήτριος.....	Διασώτης	IRE, II, 438	Участует в построе- нии башни
105	175—211 гг. н. э.	Διατήρας?...βλωναι[ου]	φιλάγαθος	" " 445	
106	189 г. н. э.	Διδυμόχαρος Χοδαίνου	ἀρχων Τανταγών	" " 427	
107	225 г. н. э.	[Δ]ιονύσιος Πάται	Διασώτης	" " 448	Участует в восста- новлении агоры
108	228 г. н. э.	[Δ]ιονύσιος Σόλου	εἰσποιητὸς ἀδελφός	" " 452	
109	II в. н. э.	[Διο]νύσιος Ξ....	Διασώτης	" " 441	
110	175—211 гг. н. э.	Δι[ό]φραν[τος] Δείου	Διασίτης	" " 445	
111	228 г. н. э.	[Δι]όφαντος[ς] Διο[φ]ύσιου	εἰσποιητὸς ἀδελφός	" " 452	
112	220 г. н. э.	Διόφαντος Νεοπόλου	ἀρχιτέκτων	" " 490	
113	II в. н. э. (?)	Δόμνος [Σ]ελεύχου	παραφιλάγαθος	" " 443	См. стр. 117
114	[Нач. III в. н. э.]	Δούλας Τρύφωνος	Διασώτης	" " 454	
115	II в. н. э. (?)	Δρούσος Πασίωνος	Διασώτης	" " 443	
116	225 г. н. э.	Δυνάτων Δημητρίου	Διασώτης	" " 447	
117	Нач. III в. н. э. (?)	Ἐπάγαθος Παισιδέου	Διασώτης	" " 454	
118	228 г. н. э.	Ἐρμῆς Ἀθηνοδόρου	Διασώτης	" " 451	
119	225 г. н. э.	Ἐρμῆς Ἀστέρος	Διασώτης	" " 448	
120	104 г. н. э.	Ἐρως Ζηνοβίου	Διασώτης	Неизданная над- пись Новочеркас- ского музея	
121	236 г. н. э.	Ἐρως Μαστοῖ	ἐπιμελητής	IRE, II, 434	
122	II в. н. э.	Ἐρως Μηνοφίλου	Διαεσίτης	" " 413	
123	225 г. н. э.	Ἐρως Ὀυωδ[ία]λου	Διασώτης	" " 448	
124	155 г. н. э.	Ἐρως Παρ[θ]ενοκλέους	Διασώτης	" " 498	

125	Ἐβριος...	II β. κ. ε.	διασείτης	IRE, II, 443	
126	Ἐβριος...	II β. κ. ε.	διασείτης	" " 443	
127	[Εὐα]νίαςος Εὐαρίστο[υ]	228 γ. κ. ε.	διασώτης	" " 451	
128	Εὐ[ιος] Ἀστέρο[ς]	Ηλ.ч. III β. κ. ε. (?)	διασώτης	" " 454	
129	Εὐιος Δάδα τοῦ Ζήνων[ος]	192 γ. κ. ε.	ἐπιμλητής	" " 428	Участвует в восста- новлении башни
130	Εὐιος Διοδώρου	II β. κ. ε.	διασείτης	" " 443	
131	[Ε]ῦιο[ς] Ῥόδω νος]	175—211 γ. κ. ε.	διασείτης	" " 445	
132	" "	220 γ. κ. ε.	παραφιλάγαδος	" " 446	
133	Εὐιος Τρύφωνος	II β. κ. ε.	διασώτης	" " 442	
134	[Εὐρ]κράτης Ε.....	II β. κ. ε.	διασώτης	" " 441	
135	Εὐνέικος [Ε]ῦν[ο]ῦ	209 γ. κ. ε.	διασώτης (?)	" " 444	
136	" "	220 γ. κ. ε.	διασώτης	" " 446	
137	Εὐνών β'	230 γ. κ. ε.	(?)	" " 453	
138	Εὐνών Συνεδήμου	228 γ. κ. ε.	διασώτης	" " 451	
139	Εὐνών [Χο]ρράσιμου	230 γ. κ. ε.	συνοδείτης	" " 453	
140	Εὐνώνας Μενεσι[ρ]άτου	II β. κ. ε.	φιλάγαδος	" " 442	
141	Εὐτορος Μακάρου	104 γ. κ. ε.	παραφιλάγαδος	Неизданная над- пись Новочеркас- ского музея	См. стр. 117
142	Εὐπρέπης Συμφόρου	225 γ. κ. ε.	συναγωγός	IRE, II, 447	
143	Εὐσχ[ί]μων Μ[η]νοφίλου]	209 γ. κ. ε.	διασώτης [?]	" " 444	
144	" "	228 γ. κ. ε.	φιλάγαδος	" " 451	
145	" "	1-я пол. III в. κ. ε. (?)	εἰσποιητὸς ἀδελφός	" " 456	
146	Εὐτύχης Ἀντιμάχου	225 γ. κ. ε.	διασώτης	" " 447	
147	" "	228 γ. κ. ε.	εἰσποιητὸς ἀδελφός	" " 452	
148	[Εὐ]τύχης Θεαγένου	223 γ. κ. ε.	εἰσποιητὸς ἀδελφός	" " 452	
149	Εὐτύχης...	225 γ. κ. ε.	διασώτης	" " 447	

№№ п/п	Имя	Дата	В качестве кого упоминается	Где опубликовано	Примечания
145	Εὐτυχιανὸς Γοργίου	228 г. н. э.	εἰσποιητὸς ἀδελφός	IRE, II, 452	
146	Εὐτυχιανὸς Μ[....ου]	228 г. н. э.	εἰσποιητὸς ἀδελφός	" " 452	
147	Ζάβαργος Χαρί[τωνος]	220 г. н. э.	διασώτης	" " 446	
148	[Ζῆδορ]ς Ζήδου	225 г. н. э.	διασώτης	" " 448	
149	"	Нач. III в. н. э. (?)	νεανισκάρχης	" " 454	
150	Ζήνων.....	212—229 гг. н. э. (?)	ἰσποιητὸς ἀδελφός	" " 449	
151	Ζήνων Δάδα Εὐίου	193 г. н. э.	στρατηγὸς πολιτῶν	" " 423	
	Ζήνων Ἐρωτος	104 г. н. э.	ἱερεὺς	Неизданная надпись Новочеркасского музея	См. стр. 117
152	Ζήνων β' τοῦ[Δ]ζή[α]	193 г. н. э.	ἐκπεμφθεὶς ὑπὸ τοῦ βασιλέως εἰς τὸ ἐμπόριον	IRE, II, 423	
153	[Ζήνω?]ν Φάννειος	155 г. н. э.	διασώτης	" " 438	
154	Ζήνων Φάννειος	220 г. н. э.	πρεσβευτὴς βασιλέως Ῥησκουπόριδος	" " 430	
	"	220 г. н. э.	διασώτης	" " 446	
	"	220 г. н. э.	ἐπιμηλητής	" " 430	
	"	211/12—228/9 или 211/12—219 гг. н. э.	ὁ ἐπὶ τῶν Ἀσπουργιανῶν καὶ πρεσβευτὴς βασιλέως Ῥησκουπόριδος	" 431—431bis	Участвует в восстании новеллени площади
155	[Ζωρδῆ]νος Βε[λλικοῦ]	175—211 гг. н. э.	διασώτης	" " 445	
156	Ζωρδῆνος[-ης] Φαζινίμου	209 г. н. э.	διασώτης (?)	" " 444	
	"	220 г. н. э.	διασώτης	" " 446	

157	Ἡγήσιππος Μενεστράτου	Π β. η. θ. (?)	ἱερεύς	ΙΡΕ, ΙΙ, 443
158	Ἡρακλείδης Γ' Ἀΐασα	ΙΙ β. η. θ. (?)	θιασείτης	" " 443
159	Ἡρακλείδης Ἀττα	175—211 γτ. η. θ.	θιασίτης	" " 445
	"	212—229 γτ. η. θ.	ἱστοιγτός ἀδελφός	" " 450
	"	236 γ. η. θ.	διάδοχος	" " 434
160	Ἡρακλείδης Ἐπιγόνου	175—211 γτ. η. θ.	θιασίτης	" " 445
161	Ἡρακλείδης β'	225 γ. η. θ.	γυμνασιάρχης	" " 448
162	Ἡρακλείδης β', ὁ καὶ Αὔναμος	228 γ. η. θ.	συναγωγός	" " 451
163	Ἡ[ρ]ακλ[ε]ίδης Ἰ. συ	Π β. η. θ.	παραφιλάγαθος	" " 441
164	Ἡρακλείδης Μορκεανού	225 γ. η. θ.	θιασώτης	" " 447
165	Ἡ[ρ]ακλείδης Μενιδ[ω]ρου	228 γ. η. θ.	θιασώτης	" " 451
166	Ἡρακλείδης Πάβζ	104 γ. η. θ.	θιασώτης	Неизданная надпись Новочеркасского музея
167	Ἡρακλ[ε]ίδης Πάππου	1-я пол. III в. η. θ. (?)	ἱστοιγτός ἀδελφός	ΙΡΕ, ΙΙ, 456
168	Ἡρακλ[ε]ίδης....(?)	155 γ. η. θ.	θιασώτης	" " 438
169	Ἡρόκλος Βασταλείδου	220 γ. η. θ.	θιασώτης	" " 446
	"	1-я пол. III в. η. θ. (?)	ἱστοιγτός ἀδελφός	" " 456
170	Θάλαμος Πιτοφορνάκου	220 γ. η. θ.	θιασώτης	" " 446
171	Θάμαστος Ῥόδωνος	188 γ. η. θ.	ἐπιμελητής	" " 427
172	Θεαγένης Κασάνδρου	Π β. η. θ. (?)	συναγωγός	" " 443
173	Θεαγένης Μαχαρίου	228 γ. η. θ.	θιασώτης	" " 451
174	Θεαγένης Μητροφάνου	104 γ. η. θ.	θιασώτης	Неизданная надпись Новочеркасского музея
175	Θεόφιλος...φ...	Π β. η. θ.	θιασώτης	ΙΡΕ, ΙΙ, 441
176	Θεότιμος Ψυχάρειος	175—211 γτ. η. θ.	θιασίτης	" " 445
177	Θε...ος...άκου	220 γ. η. θ.	θιασώτης	" " 445

См. стр. 117

См. стр. 117

№№ п/п	Имя	Дата	В качестве кого упоминается	Где опубликовано	Примечания
178	[Θέ]ον Φιζινίου	[Нач. III в. н. э.] [227/8—239/4 гг.]	φιλάγαθος	IRE, II, 454	
179	Θιζ[?]ωτος[?]Σιωμάχ[ου]	[Нач. III в. н. э.]	φιλάγαθος	" " 455	
180	Θιάγαρος Ἀντιθέου	220 г. н. э.	διασώτης	" " 454	
181	Θιά[ρ]μακος Χρυσίππου	[Нач. III в. н. э.]	γυμνασιάρχης	" " 446	
182	Θώρας Γάστει	104 г. н. э.	διασώτης	" " 454	См. стр. 117
183	Ἰ[α]ρδο.....Δημητρίου	175—211 гг. н. э.	διασώτης	Неизвестная надпись Новочеркасского музея	
184	Ἰασα[γ]γόναχος Ἰουαχο[υ]	[Нач. III в. н. э.]	διασώτης	IRE, II, 445	
185	Ἰζα....Ἀρχαίου	[Нач. III в. н. э.]	διασώτης	" " 454	
186	Ἰουλιάνης Ἡρακλείδ[ου]	155 г. н. э.	παραφιλάγαθος [?]	" " 438	
187	Ἰουλιάνης Σ.....	225 г. н. э.	διασώτης	" " 448	
188	Ἰουλιτ[ι]δ[η]ς....	[154/5—170/1 гг. н. э.]	διασώτης	" " 439	
189	Ἰούλιος Δ...δ[ο]νου	193 г. н. э.	ὁ πρὶν ἐπὶ τῆς βασιλείας	" " 423	См. надпись
190	Ἰούλιος Μενέστρατος	192 г. н. э.	πρεσβύτας, ἀρχικόντω- νείτης	" " 428	
191	Ἰούλιος Ῥόδωνος	193 г. н. э.	ὁ πρὶν ἐπὶ τῆς βασιλείας	" " 423	См. надпись
192	Ἰούλιος Σα, χάδου	175—211 гг. н. э.	ἱερεὺς	" " 445	
193	Ἰο, δασυ[ς] Μηνίου	II в. н. э.	νεανισκάρχης	" " 441	
194	Ἰρзуаδης Δημητρίου	225 г. н. э.	διασώτης	" " 447	
195	Ἰρβις[?] Ἰραμβού[στου]	188 г. н. э.	ἐπιμελητής	" " 427	Участвует в работах по восстановлению башни
196	Ἰργанος Χ[.....]ου	[Нач. III в. н. э.]	διασώτης	" " 454	

197	Γ[τ]ράμας[τ]ος Ἡρακλείδου	220 γ. н. в.	διασώτης	ΙΡΕ, II, 446	
198	Καδάναχος Ναυάγου	220 γ. н. в.	διασώτης	" " 446	
199	Καλλιγένης Μύρωνος	228 γ. н. в.	εἰσποιητὸς ἀδελφός	" " 452	
200	Καλλισθένης Πάππου	225 γ. н. в.	ιερεύς	" " 448	
201	ὁ καὶ Θυλόγανος				
202	Κ[α]λλιστίων[ν] Ἡγ[η]σίπ[τ]ο[υ]	[103—203 γγ. н. в.]	[διασώτης]	" " 440	
203	Καλοῦς Ἀθηνίου	175—211 γγ. н. в.	διασίτης	" " 445	
204	Καρδίου[ρ]ος Δάδου	228 γ. н. в.	εἰσποιητὸς ἀδελφός	" " 452	
205	Κ[κ]ίμβρος Δείου	II в. н. в.	διασείτης	" " 443	
	Κοσσούς Ἡρακλείδου	212—229 γγ. н. в.	ἰσποιητὸς ἀδελφός	" " 449	
	" "	236 γ. н. в.	ἐπιμελητής	" " 434	Участвует в восстановлении источника и построении башни
206	Κ[κ]όφρνο[ς]?	230 γ. н. в.	ιερεύς	" " 453	
207	Κόφρνος...	175—211 γγ. н. в.	διασίτης	" " 445	
208	Λείμνος Φιδ[α]	175—211 γγ. н. в.	διασώτης	" " 445	
209	Λόγος Χοδιαχίου	228 γ. н. в.	διασώτης	" " 451	
210	Λοιάγας Βαλωδίου	225 γ. н. в.	διασώτης	" " 447	
211	Λύσκις Ἀ[μ]μαί[κ]ου	[Ἡαυ. III в. н. в.]	διασώτης	" " 454	
212	[Δύσ]κις Κα[λ]λ[ι]νεί[κ]ου	225 γ. н. в.	διασώτης	" " 448	
213	Λώβει[ς] Στρατονείκου	[Ἡαυ. III в. н. в.]	διασώτης	" " 454	
214	Μάδαχος Μενεσί[ρ]άτου	228 γ. н. в.	διασώτης	" " 451	
215	Μάδωις Σαμβατίωνος	225 γ. н. в.	διασώτης	" " 447	
216	Μάης Εὐδήμωνος	188 γ. н. в.	ἐπιμελητής	" " 427	Участвует в работе по восстановлению башни
217	Μάης Σαλᾶ	228 γ. н. в.	εἰσποιητὸς ἀδελφός	" " 452	
218	[Μα]κάριος Ἀχ[α]μένου	220 γ. н. в.	διασώτης	" " 446	
	" "	228 γ. н. в.	διασώτης	" " 451	

Продолжение приложения II

№№ п/п	Имя	Дата	В качестве кого упоминается	Где опубликовано	Примечания
219	Μαχάριος Βασιλάου	II в. н. э. (?)	Διασείτης	IRE, II, 443	
220	Μαχάριος β'	[227/8—233/4 гг. н. э.]	νεανίσκάρχης	" " 455	
221	Μαχάριος Μαστοῦ	[Нач. III в. н. э.]	γυμνασιάρχης	" " 454	
222	Μαχάριος Νέρωνος	[227/8—233/4 гг. н. э.]	Διασώτης	" " 455	
	"	[Нач. III в. н. э.]	Διασώτης	" " 454	
223	Μάρδαυος Ζαράνδου	228 г. н. э.	Διασώτης	" " 451	
224	Μαστοῦς[β']	228 г. н. э.	Διασώτης	" " 451	
225	Μαστοῦς Παπία	104 г. н. э.	Διασώτης	Неизданная надпись Новочеркасского музея	См. стр. 117
226	Μέγας β'	225 г. н. э.	Διασώτης	IRE, II, 447	
227	Μενέστρατος [Ε]μῆ	[Нач. III в. н. э.]	Διασώτης	" " 454	
228	Μενέστρατος Ζω[δίνου?]	225 г. н. э.	Διασώτης	" " 448	
229	[Μ]ενέστρατος Λυκίσ[κο]υ	175—211 гг. н. э.	Διασώτης	" " 445	
230	[Μενέ]στρατος β'	155 г. н. э.	Διασώτης	" " 438	
231	Μενέστρατος Φαδινάμου	236 г. н. э.	ἐπιμέλητής	" " 434	Участствует в строительстве башни и восстановлении источника
232	Μεν[έστρατος] Χρυσίππου	230 г. н. э.	συνοδείτης	" " 453	
233	Μενέστρα[τος].....	II в. н. э.	Διασώτης	" " 441	
234	Μενέχαρπος...	?	?	ЗРДО, II, стр. 138—139, рие. 3	"οἰκοδόμ[ησεν]"
235	[Μέ]νυλλος Χρυσίπ[του]	220 г. н. э.	Διασώτης	IRE, II, 446	
	"	230 г. н. э.	συνοδείτης	" " 453	
236	Μήδακος Σ[τ]ρατονε[ί]μου	228 г. н. э.	Διασώτης	" " 451	

237	Μηνᾶς Νεοκλέους	[Нач. III в. н. э.]	διασώτης	ΙΡΕ, Π, 454	
238	Μήνιος 'Ερμ[ῆ]	212—229 γγ. н. э. (?)	ἱστοηγὸς ἀδελφός	" " 450	
239	" "	225 γ. н. э.	διασώτης	" " 448	
240	Μήνιος Χαρίτωνος	[227/8—233/4 γγ. н. э.]	ἐλληγόναρχης	" " 432	
241	Μήνιος...	II в. н. э.	διασώτης	" " 441	
242	[Μ]ηνόφιλος 'Αγαθοδ[ω]ρου	II в. н. э.	διεσείτης	" " 443	
243	Μηνόφιλος Μόσχα	225 γ. н. э.	διασώτης	" " 447	
244	[Μ]ηνόφιλος Χρηστίωνος	II в. н. э.	γυμνασιάρχης	" " 442	
	Μητροφάνης 'Αλεξάνδρου	104 γ. н. э.	διασώτης	Новаяданная надпись Новочеркасского музея	См. стр. 117
245	Μια...ηδος 'Αντιμάχου	225 γ. н. э.	διασώτης	ΙΡΕ, Π, 447	
246	Μίδαχος 'Αρδάρου	225 γ. н. э.	διασώτης	" " 447	
247	Μίδαχος Θια[γ]άρο[υ]	220 γ. н. э.	διασώτης	" " 446	
248	[Μ]ίδαχ[ος] Στυρ[?]άνο[υ]	175—211 γγ. н. э.	διασώτης	" " 445	
249	Μό[χ]κος[?] Πάππου	225 γ. н. э.	διασώτης	" " 448	
250	Μυρεῖνο[ς] Μαστ[ο]ῦ	228 γ. н. э.	ἱστοηγὸς ἀδελφός	" " 452	
251	Μυρεῖνος β'	155 γ. н. э.	διασώτης	" " 438	
252	Μύριππος 'Ηδύωνος	236 γ. н. э.	ἐπιμελητής	" " 434	Участвует в восстании новленни источника и построен башни
253	Μύριμ[η] Φα[β]ινάμου	[227/8—233/4 γγ. н. э.]	?	" " 455	
254	Μύριμη	[212—229 γγ. н. э. ?]	ἱστοηγὸς ἀδελφός	" " 449	
255	Μύ[ρω]ν Οὐάρα	192 γ. н. э.	ἐπιμελητής [?]	" " 428	Участвует в восстании новленни башни
256	Νάβαζος Κίμβρου	225 γ. н. э.	διασώτης	" " 447	
257	Νάαχος Μευαχου	220 γ. н. э.	ἀρχιτέκτων	" " 430	
	" "	225 γ. н. э.	διασώτης	" " 448	

№№ п/п	Имя	Дата	В качестве кого упоминается	Где опубликовано	Примечания
258	Ν[α]ύακος Σ[το]βαράκου	[Нач. III в. н. э.]	διασώτης	IRE, II, 454	
259	Νεικόστρατος 'Αρ[ά]βου	228 г. н. э.	παραφιλάγαντος	" " 451	
260	Νεικόστρατος β'	104 г. н. э.	φιλάγαντος	Неизданная надпись Новочеркасского музея	См. стр. 117
261	Νιβλόβωρος Δοσυμωδέων	220 г. н. э.	ἀρχὼν Τανναϊτῶν	IRE, II, 430	
262	" "	228 г. н. э.	πατὴρ συνόδου	" " 451	
263	Νι.....που	228 г. н. э.	διασώτης	" " 451	
263	Νυμφέριος 'Οχωιάκευ	[Нач. III в. н. э.]	συναγωγός	" " 454	
264	[Νυμφέριος 'Οχωζίακευ	[227/8—233/4 гг. н. э.]	συναγωγός	" " 455	
264	Ξέρδανος 'Ασκληπιάδου	[Нач. III в. н. э.]	διασώτης	" " 454	
265	Ξ[η]γώδης 'Αχαμένου	220 г. н. э.	διασώτης	" " 446	
266	" "	[227/8—233/4 гг. н. э.]	διασώτης	" " 455	
266	Ξιαφάκανος 'Αντιμάχου	225 г. н. э.	διασώτης	" " 447	
267	'Οαρξ[9]έλακος Καταλλ.....	II в. н. э. (?)	διασώτης	" " 442	
268	'Οκξύμαχο[ς].....	225 г. н. э.	διασώτης	" " 447	
269	'Ομφάλακος Θεοφίλου	II в. н. э.	διεσείτης	" " 443	
270	[Ομφάλακος β']	II в. н. э.	συναγωγός	" " 442	
271	[Ο]μφάλαμος Ουργίου	II в. н. э.	διεσείτης	" " 443	
272	'Ομφάλακος Τρόφωνος	II в. н. э.	διεσείτης	" " 443	
273	'Ομφάλακος Φαδινάμιου	228 г. н. э.	διασώτης	" " 451	
274	[Ομφάλακος Φαξινάμιου	212—229 гг. н. э.	ιστοητής ἀδελφός	" " 450	
275	[Ομφάλακος Φίδου	155 г. н. э.	διασώτης	" " 438	
275	[Οεαρδωξίς Ευβαρ[νάκευ]	220 г. н. э.	διασώτης	" " 446	
276	[Οεα[ρδωξίς Σιφ[άνου?]	225 г. н. э.	διασώτης	" " 448	

277	Ὁροσίμχος Ἀβδάραχο[υ]	[Нав. III в. н. э.]	διασώτης	IRE, II, 454	
278	Ὁσιάρδος [Δημητρίου]	225 г. н. э.	διασώτης	" "	447
279	Γ'Οσία[ρδ]ος. πα....[ου]	212—229 гг. н. э.	ιστοηγὸς ἀδελφός	" "	449
280	Ὁσιάραχος Ἀμαϊάκου	225 г. н. э.	διασώτης	" "	447
281	Ὁσο[ί]γας[?]ος.....	228 г. н. э.	διασώτης	" "	446
282	Οἰυαλέριος σ[ε]βατιώτης	II в. н. э. (?)	διασώτης	" "	442
283	Οὐανουόβαρο[ς] Μενε[στράτου]	[Нав. III в. н. э.]	διασώτης	" "	454
284	Οὐαράζαχος Ἡροφάνου	223 г. н. э.	διασώτης	" "	451
285	Οὐιστόβαλος Στρί[τοναί]κου	228 г. н. э.	διασώτης	" "	451
286	Ουράστιρος Σορχάκου	228 г. н. э.	διασώτης	" "	451
287	Οὔστανος Ζήνωνος]	220 г. н. э.	διασώτης	" "	446
288	Ὁχο[ά]βρανος Πάτει	188 г. н. э.	ἐπιμελητής	" "	427
289	Ὁχωδιάχος Δημητρίου	228 г. н. э.	διασώτης	" "	451
290	Ὁχωδιάχος Δούλα	225 г. н. э.	διασώτης	" "	447
291	Ὁχωζίαχος Π[ο]π[λί]ου	[Нав. III в. н. э.]	διασώτης	" "	454
292	Παναυχος Ἀρ[ιδά]ρου	225 г. н. э.	διασώτης	" "	447
293	[Π]άνκαρπος Ἐρωτος	II в. н. э. (?)	διασείτης	" "	443
294	Πάν[υ]χος Παννύου	192 г. н. э.	ἐπιμελητής	" "	428
295	[Π]αντάγαδος Διβάνου	II в. н. э.	διασείτης	" "	443
296	Παντάγαδος Στρατονεί[ου]	II в. н. э. (?)	διασώτης	" "	442
297	Πάπας Χρήστου	228 г. н. э.	διασώτης	" "	451
	" "	236 г. н. э.	ἐπιμελητής	" "	434
298	Παπίας Ὁ[ξ]αρδωζίου	227/8—233/4 гг. н. э. [Нав. III в. н. э.] 228 г. н. э.	ιερεύς ιερεύς διασώτης	" "	455 454 451

Участвует в восста-
новлении башни

Участвует в восста-
новлении башни

Участвует в восста-
новлении источника
и построении башни

Продолжение приложения II

№№ стр	Имя	Дата	В качестве кого упоминается	Где опубликовано	Примечания
299	Παρθενοκλή[ς Ε]ρωτος	133 г. н. э.	—	IRE, II, 421	Посвящает надпись Артемиде
300	Παρθενοκλῆς Καρδίου	288 г. н. э.	διασώτης	" " 451	
301	Πασίφιλος Στρατοनीχιου	II в. н. э. (?)	διασώτης	" " 442	
302	[Π]άταις Ἀλκίμου	220 г. н. э.	διασώτης	" " 446	
303	Πολυεῖδ[η]κ. ....ου	II в. н. э.	διασώτης	" " 441	
304	Πολύκαρπος Μενεστράτου	188 г. н. э.	ἐπιμελητής	" " 427	Участвует в восста- новлении башни
305	Ποντικί[ς]...[μ]ι.....	II в. н. э.	διασώτης	" " 441	
306	Πόπλιος Δημητρίου	228 г. н. э.	διασώτης	" " 451	
307	Πόπλιος Χαρί[τωνος?]	[131/2—153/4 гг. н. э.]	ἱερεὺς συνόδου	" " 437	
308	Πόπλι[ω]κ. ....δα	[175—211 гг. н. э.]	διασώτης	" " 445	
309	[Ῥ]ηδάμειστος Φίλω[νος]	II в. н. э.	διασώτης	" " 443	
310	Ῥαδαμόφουρτος Τρύφωνος	220 г. н. э.	συναγωγός	" " 446	
311	Ῥαχόισακος Εὐνοῖκου	225 г. н. э.	διασώτης	" " 447	
312	Ῥαχόισακος Ῥασσ[ό]γρου	225 г. н. э.	διασώτης	" " 447	
313	Ῥόδων [Θ]αυμάστ[ου]	225 г. н. э.	διασώτης	" " 448	
314	Ῥόδων Φαζινάμου	188 г. н. э.	ἐλληγόρχης	" " 427	Участвует в восста- новлении башни
	" "	192 г. н. э.	ἐπιμελητής [?]	" " 428	
315	Ῥόδων Χαρίτωνος	192 г. н. э.	ἐπιμελητής [?]	" " 428	Участвует в восста- новлении башни
	" "	193 г. н. э.	ἐλληγόρχης	" " 423	

316	Σαρδάρακος[Ψ]υχάρτινος	228 γ. н. в.	διασώτης	ΙΡΕ, Π, 451	Участвует в восста- новлении источника и построении башни
317	Σαρβα[α]ίων 'Ασμ....	225 γ. н. в.	διασώτης	" " 448	
318	[Σαμ]βατίων 'Α.....	220 γ. н. в.	διασώτης	" " 445	
319	Σαρβα[α]ίων Γογγί[ου]	220 γ. н. в.	διασώτης	" " 446	
320	Σαμβατίων Σακδέου	228 γ. н. в.	διασώτης	" " 451	
321	Σαμβατίων Σι[ρ]άνου	236 γ. н. в.	ἐπιμελητής	" " 434	
322	Σαμβατίων....άκου	220 γ. н. в.	διασώτης	" " 446	„Подарила братьям сто- лу с надписью“
323	Σαμβίων 'Ελπίδιωνος	228 γ. н. в.	ἐισποιητός ἀδελφός	" " 452	
324	Σάρακος Δάδα	[Нав. III в. н. в.]	διασώτης	" " 454	
325	Σάσας Σάσα	II в. н. в. (?)	φιλάγαθος	" " 443	
326	Σα...σ[ι]λος 'Αμειάκου	225 γ. н. в.	διασώτης	" " 447	
327	Σαύωνων Χοφράσμου	225 γ. н. в.	νεανισκάρχης	" " 447	
328	Σαύνασας.....]μου	230 γ. н. в.	συνοδείτης	" " 453	Участвует в восста- новлении башни
329	Σαύνα[ας?].....σ]υ	225 γ. н. в.	διασώτης	" " 448	
330	Σείμεικος . ωροβαράκου	[Нав. III в. н. в.]	διασώτης	" " 454	
331	Σαύ[α]κος 'Ιραμβούστου	188 γ. н. в.	ἐπιμελητής	" " 427	
332	Σαύασκ[ις] 'Αμειάκου	[Нав. III в. н. в.]	διασώτης	" " 454	
333	Σιώμαχος Θανμάστου	[Нав. III в. н. в.]	διασώτης	" " 454	См. стр. 117
334	[Σε]ίρε[μ]κος 'Α[σκ.]ητιάδου	220 γ. н. в.	διασώτης	" " 446	
335	"	228 γ. н. в.	διασώτης	" " 451	
	Σούσας Παβα	104 γ. н. в.	διασώτης	Новаяданная над- пись Новочеркас- ского музея	
336	Στόρμας 'Οχ[ω]βιάκου	225 γ. н. в.	διασώτης	ΙΡΕ, Π, 448	
337	[Στοσ?]έρακος Μησάκ[ου]	212—229 γ. н. в.	ἐισποιητός ἀδελφός	" " 449	

Продолжение приложения II

№№ п/п	Имя	Дата	В качестве кого упоминается	Где опубликовано	Примечания
338	Στοσάραχος Φίδα	225 г. н. э.	διασώτης	IRE, II, 448	
339	Στυράνος Πηρι[ω]....	228 г. н. э.	διασώτης	" " 451	
340	[Στρατό]νευκος Ζήνωνος	[Нач. III в. н. э.]	διασώτης	" " 451	
341	[Στρα]τόνε[ι]κος Καρδίου	228 г. н. э.	διασώτης	" " 451	
342	Στρα[τόνε]κος Μέχхου	228 г. н. э.	διασώτης	" " 451	
	"	[1-я пол. III в. н. э.]	εἰσποιητὸς ἀδελφός	" " 456	
343	Σύμμαχος Θεομάστου	225 г. н. э.	διασώτης	" " 448	
344	Σύμφορος Δημητρίου	225 г. н. э.	παρφαλάγας	" " 447	
345	Σύμφορος Καλλισθένου	225 г. н. э.	διασώτης	" " 447	
346	Σύμφορος Χο.....	225 г. н. э.	διασώτης	" " 447	
347	[Συν]έδριμος 'Αρ[ιστοδύμ]ου	155 г. н. э.	διασώτης	" " 438	
	"	188 г. н. э.	ἐπιμελητής	" " 427	Участвует в восста- новлении башни
348	Σωζομένος Στυράνου	228 г. н. э.	εἰσποιητὸς ἀδελφός	" " 452	
349	"	228 г. н. э.		" " 451	
	Σωτηρικὸς Ποπλίου	225 г. н. э.	διασώτης	" " 447	
	"	228 г. н. э.	διασώτης	" " 451	
350	Τρύφων 'Ανδρομ[έν]ους	175—211 гг. н. э.	διασώτης	" " 445	
	Τρύφων 'Ανδρομένου	—		" " 424	Посвятил рельеф
351	Τρύφων [Φά]ν[ι]ως	[Нач. III в. н. э.]	διασώτης	" " 424	
352	Τρύφων Ψυχερώνος	228 г. н. э.	διασώτης	" " 451	
353	Τρύφων.....	164 г. н. э. (?)	πρεσβευτής	IRE, IV, 447	
354	Φεδιαράζος Ποπλίου	228 г. н. э.	διασώτης	IRE, II, 451	
355	Φαξίναμ[ος] 'Α.....άμου	220 г. н. э.	διασώτης	" " 446	
356	Φαδίνεμ[ος] Η.ο....	II в. н. э.	διασώτης	" " 441	

357	Φαζ[ίν]μιος Κ[αλλιστίωνος?] Φαδίνμιος Καλλιστίωνος Φαζίνμιος [Κα]λλιστί[ω]νος Φαζίνμιος [Φα]ζίνμιου Φαζ[ίν]μιος? Φαζ[ίν]μιου [Φα]ζ[ίν]μιος Δούλα [Φ]αζ[ίν]μιος? Ουάρα Φαζίνμιος Πάππου [Φα]δ[ίν]μιος Φαλ[ίν]μιος [Φα]λ[δ]α[β]ρα[ν]ος 'Απολλωνίου Φαλδάρανος 'Απολλωνίου	[212—229 γ. н. э.] [227/8—233/4 γ. н. э.] [Нач. III в. н. э.] 228 γ. н. э. [Нач. III в. н. э.] [Нач. III в. н. э.] 228 γ. н. э. [Нач. III в. н. э.] 228 γ. н. э. 175—211 γ. н. э. 220 γ. н. э. 220 γ. н. э. [212—229 γ. н. э.] 220 γ. н. э. 155 γ. н. э. [Нач. III в. н. э.] 225 γ. н. э. 225 γ. н. э. II в. н. э. 225 γ. н. э. 220 γ. н. э. II в. н. э. 212—229 γ. н. э. (?) 220 γ. н. э. 220 γ. н. э. 228 γ. н. э. [1-я пол. III в. н. э.]	ισπαιητός αδελφός γυμνασιάρχης παραφιλάγαδος γυμνασιάρχης διασώτης διασώτης διασώτης διασώτης εισποιητός αδελφός διασώτης επιμελητής διασώτης ισπαιητός αδελφός διασώτης επιμελητής διασώτης εισποιητός αδελφός	ΙΡΕ, II, 449 " 455 " 454 " 451 " 454 " 454 " 451 " 454 " 452 " 445 " 490 " 446 " 450 " 446 " 438 " 454 " 448 " 448 " 441 " 448 " 446 " 442 " 451 " 446 " 490 " 451 " 456	Участвует в восста- новлении агоры	Участвует в восста- новлении площади
358	Φάννης 'Αμω...άζμο[υ]	220 γ. н. э.	διασώτης	" 446		
359	Φάννης Δάδα	[212—229 γ. н. э.]	ισπαιητός αδελφός	" 450		
360	Φάννης Στρατονείκου	220 γ. н. э.	διασώτης	" 446		
361	[Φάν]νης Στρα[τ]ονείκου	155 γ. н. э.	ιερέυς	" 438		
362	Φάννης β'	[Нач. III в. н. э.]	διασώτης	" 454		
363	Φάννης.....ικου	225 γ. н. э.	νεανισκάρχης	" 448		
364	Φ[α]ν[η]νης.....ου	225 γ. н. э.	διασώτης	" 448		
365	Φαρνάκης Δάδα	II в. н. э.	γυμνασιάρχης	" 441		
366	Φαρνάκης 'Ηρακλείδου	225 γ. н. э.	διασώτης	" 448		
367	Φ[α]ρ[ν]άκης Θεοτίμου	220 γ. н. э.	διασώτης	" 446		
368	Φαρ[ν]άκης β'?	II в. н. э.	παραφιλάγαδος	" 442		
369	Φαρνέδαρος 'Ηρακλ[ε]ίδου	212—229 γ. н. э. (?)	ισπαιητός αδελφός	" 451		
370	Φαρνέδαρος Ταυρέου	220 γ. н. э.	διασώτης	" 446		
371	"	220 γ. н. э.	επιμελητής	" 490		
372	"	228 γ. н. э.	διασώτης	" 451		
373	"	[1-я пол. III в. н. э.]	εισποιητός αδελφός	" 456		

№№ π/π	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ
Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ
378	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ
379	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ
380	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ
381	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ
382	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ
383	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ
384	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ
385	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ
386	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ
387	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ
388	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ
389	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ
390	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ
391	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ
392	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ
393	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ
394	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ
395	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ
396	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ
397	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ	Όμιλ

Όμιλ

Όμιλ

Όμιλ

Όμιλ

Όμιλ

Όμιλ

Όμιλ

Όμιλ

Όμιλ

Όμιλ

Όμιλ

Όμιλ

Όμιλ

Όμιλ

Όμιλ

Όμιλ

398	[Χαρίε?]ων Ζαδάργου	[103—203 гг. н. э.]	[διασώτης]	ΙΡΕ, Π, 440	
399	Χαρίτων Μακαρίου	220 г. н. э.	νεανισκάρχης	" " 446	
400	Χαρίτων.....	175—211 гг. н. э.	διασώτης	" " 445	
401	Χαύχακ[ς] Στ[ρ]α[τονείκου?]	[Нач. III в. н. э.]	διασώτης	" " 454	
402	Χοάργα[ς]...[σάμου]	220 г. н. э.	διασώτης	" " 446	
403	Χοαφάδιος.....	220 г. н. э.	διασώτης	" " 446	
404	Χόμ[ευος] 'Αθ[η]νοδώ[ρο]υ	228 г. н. э.	διασώτης	" " 451	
405	Χόμ[ευος] Μ[α]καρίου	[Нач. III в. н. э.]	διασώτης	" " 454	
406	Χοράδος Σανδαχίου	220 г. н. э.	ἀρχων Ταναϊτῶν	" " 430	
407	Χορού[δος]....	175—211 гг. н. э.	πατὴρ συνόδου	" " 445	
408	Χόφανος 'Α....	209 г. н. э.	[διασώτης]	" " 444	
409	Χόφανος Σανδαχίου	220 г. н. э.	ἀρχων Ταναϊτῶν	" " 430	
410	Χόφανος [Στ]ρατον[είχ]ου	225 г. н. э.	διασώτης	" " 448	
411	Χόφαντος Φοργαβάκου	175—211 гг. н. э.	παραφιλάγαντος	" " 445	Имя восстановлено
	" "	[211/12—219 гг. н. э.]	—	" 431—431 bis	Участствует в постройке стен
	" "	220 г. н. э.	—	" 430	Участствует в восстановлении агоры (?)
	" "	220 г. н. э.	ἱερεύς	" " 446	
	" "	225 г. н. э.	ἱερεύς	" " 447	
	" "	234/5—239/40 гг. н. э.	πρεσβευτὴς βασιλέως	" " 435	
	" "		'Ιννιθμαίου		
	" "	236 г. н. э.	πρεσβευτής	" " 434	
412	Χρηστόβ[ουλος] Κόσου	—	—	ЗРДО, Π, стр. 137	Надгробие
				с.л., рмс. 1	
413	[Χ]ρύσος Ψυχάρωνος	188 г. н. э.	ἐπιμελητής	ΙΡΕ, Π, 427	Участствует в восстановлении башни
414	Χ. κιος 'Α[θ]ην[ο]δώρου	225 г. н. э.	διασώτης	" " 447	

№№ п/п	Имя	Дата	В качестве кого упоминается	Где опубликовано	Примечания
415	Ψυχρίων Τρύφων[νος]	225 г. н. э.	Διασώτης	IRE, II, 447	
416	Ψυχρίων Φιδάνοι	212—229 гг. н. э. (?)	ἱστορητὸς ἀδελφός	" "	449
	"	225 г. н. э.	συναγωγός	" "	448
	"	212—229 гг. н. э. (?)	ἱστορητὸς ἀδελφός	" "	450
417	Ω.....άκου	236 г. н. э.	ἐλληγόρχης	" "	434
		228 г. н. э.	Διασώτης	" "	438
6) Сохранились отчества или их части					
418	...ναγας 'Αβηδάμω[?]	220 г. н. э.	Διασώτης	" "	446
419	.....'Αλ]εάνδρου	225 г. н. э.	Διασώτης	" "	447
420	...ων 'Αμαρδ[ε]στου	155 г. н. э.	Διασώτης	" "	438
421	...κος 'Αμβούστου	220 г. н. э.	Διασώτης	" "	446
422	εισμ[ε]κος 'Αντι[μ]άχου	220 г. н. э.	Διασώτης	" "	446
423	.....'Αντισθένους	II в. н. э.	Διασώτης	" "	441
424	...ωζης 'Αρδα[ρ]άκου	225 г. н. э.	Διασώτης	" "	448
425	...ος 'Αρδα[ρ]άκου?	175—211 гг. н. э.	Διασώτης	" "	445
426	...θιόγκος 'Αρδοναγάρου	[II в. III в. н. э.]	Διασώτης	" "	454
427	...ος 'Αρίστω[νος]	225 г. н. э.	Διασώτης	" "	448
428	.....'Αισκλη[πιά]δου	220 г. н. э.	Διασώτης	" "	446
429	...νακος 'Αστέρος	[II в. III в. н. э.]	Διασώτης	" "	454
430	.....'Αταμάζα	[227/8—239/4 гг.]	πατήρ συνόδου	" "	455
431	.....Γ[λ]ύκωνος	II в. н. э.	Διασώτης	" "	441
432	...ροσ.....ος Δάδα	[II в. III в. н. э.]	Διασώτης	" "	454
433	.....Δάδα	[154/5—170/1 гг.]	συναγωγός	" "	439
434	.....Δάδα[α]	II в. н. э.	Διασώτης	" "	441

435	.....να Δάδα	Π β. η. θ.			ΙΡΕ, Π, 442
436	.....Δάδα	230 γ. η. θ.		φιλάγαθος	" 453
437	....Δη[μητρίου]	[154/5—170/1 γτ. η. θ.]			" 439
438	...δαν[ος Δημητρίου]	[175—211 γτ. η. θ.]		διασίτης	" 445
439	....δος Δημητρίου]	220 γ. η. θ.		διασωτης	" 446
440	.....Διοφάντου	225 γ. η. θ.		διασώτης	" 447
441	.....Διοφάντου	[103—203 γτ. η. θ.]		παραφιλάγαθος (?)	" 440
442	...βαν[ος Έλευ....]	220 γ. η. θ.		[πατήρ συ?]νόδου	" 446
443	....[Έρ]μογένου	225 γ. η. θ.		διασώτης	" 448
444	.....Έρ[ωτος]	Π β. η. θ.		διασώτης	" 441
445	.....Ε[ρ]νοίκου	220 γ. η. θ.		διασώτης	" 446
446	.....ς Ε[ρ]νοίκου	[154/5—170/1 γτ. η. θ.]		παραφιλάγαθος	" 439
447	.....ς Ε[ρ]μήμιωνος	228 γ. η. θ.		διασώτης	" 451
448	...αυάρδακος Ζευάκου	225 γ. η. θ.		διασώτης	" 447
449	.....ους Ζοτομᾶ	[103—203 γτ. η. θ.]		γραμματο[εως]	" 440
450	...νος Ἡρακλείδου	[103—203 γτ. η. θ.]		διασώτης (?)	" 440
451	.....Ἡρ[ακλ]είδου	Π β. η. θ.		διασώτης	" 441
452	.....Ἡρακ[λ]είδου	228 γ. η. θ.		προσβύτερος (?)	" 452
453	.....νους Θεμού	[103—203 γτ. η. θ.]		διασώτης (?)	" 440
454	...Θαγγέ[λ]ου?	[103—203 γτ. η. θ.]		φιλάγαθος	" 440
455	...ους...Καλλιγένου	228 γ. η. θ.		διασώτης	" 451
456	.....Κινώλου	[103—203 γτ. η. θ.]		[γυμ]νασιά[ρχης]	" 440
457	...βράδος Δειμάνου	220 γ. η. θ.		διασώτης	" 446
458	.....Μάστου	175—211 γτ. η. θ.		διασίτης	" 445
459	.....Με[ν]εστράτου	[154/5—170/1 γτ. η. θ.]		φιλάγαθος	" 439
460	.....Μ[εν]εστ[ράτ]ου	[154/5—170/1 γτ. η. θ.]		γυμ[νασιαρχ]ής	" 439
461	.....Μενεστράτου	Π β. η. θ.		διασώτης	" 441
462	.....χρ[άτ]ης Μύρωνος	[103—203 γτ. η. θ.]		νεανισχάρχης	" 440

№№ п/п	Имя	Дата	В качестве кого упоминается	Где опубликовано	Примечания
463	.....ς Μύρωνος	220 г. н. э.	?	IRE, II, 446	
464	.....δ[ω]ρος Νεαχία	[103—203 гг. н. э.]	διασώτης	" " 440	
465	.....ος Πά[π]ου	155 г. н. э.	διασώτης	" " 438	
466	.....Πάππου	II в. н. э.	διασώτης	" " 441	
467	.....Πάππου	220 г. н. э.	διασώτης	" " 446	
468	.....Πάππου	[Нач. III в. н. э.]	διασώτης	" " 454	
469	.....Πα[ρ]ίωνος	II в. н. э.	διασώτης	" " 441	
470	.....Πάτσι	[154/5—170/1 гг. н. э.]	?	" " 439	
471	.....Πολίου	II в. н. э.	διασώτης	" " 441	
472	.....μυχος Ποπλίου	[Нач. III в. н. э.]	διασώτης	" " 454	
473	.....αχος Σα.....	175—211 гг. н. э.	διασώτης	" " 445	
474	.....χ[ι]ος Σε[ρ]ίου	228 г. н. э.	διασώτης	" " 451	
475	.....χος Σιζυαίου	225 г. н. э.	διασώτης	" " 447	
476	.....σχος Στρατονείχου	II в. н. э.	διασώτης	" " 442	
477	.....Στ[ρ]ατονεί[χου]	225 г. н. э.	διασώτης	" " 448	
478	.....Συμφόρ[υ]	225 г. н. э.	διασώτης	" " 443	
479	.....Σω[ρ]βίου	II в. н. э.	συναγωγός	" " 441	
480	.....ατος Τειμοκράτου	[103—203 гг. н. э.]	[διασώτης]	" " 440	
481	.....Φαδινά[μου]	175—211 гг. н. э.	διασώτης	" " 445	
482	.....φάνης Φερνάχου	[103—203 гг. н. э.]	[διασώτης]	" " 440	
483	.....λος Φερνάχου	[Нач. III в. н. э.]	διασώτης	" " 454	
484	.....δ[ι]β[α]λος Φα.....	175—211 гг. н. э.	διασώτης	" " 445	
485	.....Φίδα	[103—203 гг. н. э.]	[διασώτης]	" " 440	
486	.....ος Φιλ[ώ]του	155 г. н. э.	διασώτης	" " 438	
487	.....ανος Φωσά[χ]ου	212—229 гг. н. э.	ιστορητής αδελφός	" " 449	
488	.....Χαρίτω[νος]	155 г. н. э.	διασώτης	" " 438	
489	.....αχος Χ[α]ρίτωνος	212—229 гг. н. э.	ιστορητής αδελφός	" " 438	
490	.....δ[ι]ακτος Χαρ.....	175—211 гг. н. э.	διασώτης	" " 449	
491	.....Χοράδου	II в. н. э.	διασώτης	" " 445	
492	.....Χρηστίωνος	[154/5—170/1 гг. н. э.]	?	" " 441	
493	.....ς Χρυστίωνος			" " 439	

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

	Стр.
Рис. 1. План Недвиговского городища	25
Рис. 2. Родосская амфора из кургана № 7 (Эрмитаж)	34
Рис. 3. Бронзовые наконечники стрел (Эрмитаж)	35
Рис. 4. Погребальные урны из раскопок Н. И. Веселовского в 1908 г. (Эрмитаж)	39
Рис. 5. Золотая гривна из погребения, открытого Смышчковым в 1903 г.	42
Рис. 6. Кувшин из погребения, открытого Смышчковым в 1908 г.	43
Рис. 7. Вещи из погребения № 19 из раскопок Веселовского в 1908 г. (Эрмитаж)	44—45
Рис. 8. Бронзовые светильники из раскопок Леонтьева в 1853 г. (Эрмитаж)	51
Рис. 9. Бронзовый канделябр из раскопок Хицунова в 1870 г. (Эрмитаж)	52
Рис. 10. Обломки бронзового канделябра из раскопок Леонтьева в 1853 г. (Эрмитаж)	53
Рис. 11. Бронзовая сковорода из одного из погребений, открытых Веселовским в 1908 г. (Эрмитаж)	54
Рис. 12. Бронзовое зеркало. Тип 3 (Исторический музей)	55
Рис. 13. Бронзовое зеркало с тамгообразным знаком. Тип 4 (Эрмитаж)	—
Рис. 14. Зеркало из белого сплава. Тип 5	56
Рис. 15. Зеркало из белого сплава. Тип 6	57
Рис. 16. Бронзовые фибулы (Эрмитаж)	59
Рис. 17. Бронзовые браслеты (Эрмитаж)	61
Рис. 18. Бронзовые пряжки	—
Рис. 19. Бронзовый колокольчик (Эрмитаж)	62
Рис. 20. Золотые бляшки и подвески из урны № 3 из раскопок Веселовского в 1908 г. (Эрмитаж)	62—63
Рис. 21. а — бронзовый штамп из Тиритаки; б — золотой перстень из урны № 3	63
Рис. 22. Золотая серьга с подвеской в виде фигуры Ники из урны № 3 (Эрмитаж)	64
Рис. 23. Золотые нашивные бляшки (Эрмитаж)	65
Рис. 24. Образцы „мегарских чашек“ (Эрмитаж)	69
Рис. 25. Типы краснолаковой керамики	70
Рис. 26. Типы краснолаковой керамики	71
Рис. 27. Светильник из раскопок в 1870 г. (Эрмитаж)	72
Рис. 28 А. Остродонные амфоры III в. н. э. из раскопок 1853 г. (Эрмитаж)	73
Рис. 28 Б. Остродонная амфора III—IV вв. н. э. из раскопок 1853 г. (Эрмитаж)	74
Рис. 29. Надписи на амфорах римского времени	75
Рис. 30. Боспорская керамика. Типы кувшина и энохи (Эрмитаж)	76
Рис. 31. Боспорская керамика. Кувшин (Эрмитаж)	—
Рис. 32. Боспорская керамика. Миска с ручкой и носиком (Эрмитаж)	77
Рис. 33. Горшки лепные (Эрмитаж)	78
Рис. 34. Сосуды лепные. Чашки и светильник (Эрмитаж)	79
Рис. 35. Лощеная керамика. Кувшины (Эрмитаж)	80

	Стр.
Рис. 36. Лощеная керамика. Шаровидный горшочек (Эрмитаж)	81
Рис. 37. Лощеная керамика. Чашечка на ножке (Эрмитаж)	—
Рис. 38. Лощеная керамика. Кувшин (Эрмитаж)	—
Рис. 39. Фрагмент мраморного рельефа из раскопок 1853 г. (Эрмитаж)	83
Рис. 40. а — фрагмент мраморного рельефа из раскопок 1853 г.; б, в — две мраморные головки того же времени и круга — эрмитажная головка из Ольвии (б) и базельская (в)	85
Рис. 41. Мраморный посвященный рельеф Трифона (Эрмитаж)	86—87
Рис. 42. Рельеф из известняка с изображением льва (Эрмитаж)	—
Рис. 43. Обломок черепицы с клеймом (Эрмитаж)	87
Рис. 44. Мраморная стела с рельефом и надписью (Новочеркасский музей)	116—117
Рис. 45. Карта поселений дельты Дона	132—133
Рис. 46. Клейма на амфорах из Гниловского городища	142
Рис. 47. Краснолаковая чашечка из „Круглого кургана“ у Гниловского городища (Исторический музей)	143
Рис. 48. Краснолаковый канфар из „Круглого кургана“ у Гниловского городища (Исторический музей)	—
Рис. 49. Бронзовое зеркало из „Круглого кургана“ у Гниловского городища (Исторический музей)	144
Рис. 50. „Лощеный“ кувшин с резным орнаментом из „Круглого кургана“ у Гниловского городища (Исторический музей)	—
Рис. 51. Бронзовая маска льва из „Круглого кургана“ у Гниловского городища (Исторический музей)	145
Рис. 52. Бронзовый ковш с латинским клеймом из некрополя Гниловского городища (Музей краеведения Ростова на Дону)	—
Рис. 53. Лощеный сосуд из некрополя Гниловского городища (Музей краеведения Ростова на Дону)	146
Рис. 54. Сосудик с ручкой в виде животного из раскопок некрополя Гниловского городища в 1938 г. (Музей краеведения Ростова на Дону)	—
Рис. 55. Образцы стеклянных сосудов из некрополя Гниловского городища (Музей краеведения Ростова на Дону)	147
Рис. 56. Светильник из Кизитиринского городища (Музей краеведения Ростова на Дону)	148

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН	— Академия Наук.
ВДИ	— Вестник древней истории.
ГАИМК	— Государственная Академия истории материальной культуры им. Н. Я. Марра.
ДБК	— Древности Боспора Киммерийского. СПб., 1854.
ЗРДО	— Записки Ростовского на Дону общества истории, древностей и природы.
ЗСКОАИЭ	— Записки Северокавказского общества археологии, истории и этнографии.
ИАК	— Известия Археологической комиссии.
ИГАИМК	— Известия ГАИМК.
ИИМК	— Институт истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР.
ИРАИМК	— Известия Российской академии истории материальной культуры.
МАР	— Материалы по археологии России.
ОАК	— Отчеты Археологической комиссии.
ПИДО	— Проблемы истории докапиталистических обществ.
РАНИОН	— Российская ассоциация научных институтов общественных наук.
РАИМК	— Российская академия истории материальной культуры.
СА	— Советская археология.
СГАИМК	— Сообщения ГАИМК.
СЭ	— Советская этнография.
Тр. АС	— Труды I—XV Всероссийских археологических съездов.
ТСАРАНИОН	— Труды секции археологии РАНИОН.
AM	— Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung.
IRE	— Inscriptiones antiquae Graecae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae Edidit B. Latyshev.
RE	— Pauly — Wissowa — Kroll. Realencyclopädie der Klassischen Altertumswissenschaft.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	Стр. 3
Глава I. Основные этапы торговли области Танаиса в VII—III вв. до нашей эры . . .	7
Глава II. История археологических исследований	17
Глава III. Городище	24
Глава IV. Некрополь Танаиса	33
Глава V. Вещественные находки из городища и некрополя	50
Глава VI. Эпиграфические и нумизматические находки	92
Заключение	122
Приложение I. Краткий обзор поселений района Танаиса в первые века нашей эры .	128
Приложение II. Список имен, встречающихся в надписях Танаиса	150
Список иллюстраций	175
Список сокращений	177

---

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *А. А. Воробьева*
Художник *М. И. Разулевич*
Технический редактор *Р. С. Певзнер*
Корректор *Г. Н. Анти*

*

РИСО АН СССР № 3206, М-03911. Подп.
к печати 3/II 1949 г. Печ. л. 11 $\frac{1}{4}$ +5 вклеек.
Уч.-изд. л. 17. Тираж 2500. Зак. № 1315

1-я тип. АН СССР. Ленинград, В. О., 9 линия 12.

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
23	14 снизу	даёт и своей статье	даёт своей статье
138	1 сверху	в районах античной культуры	в районах распространения античной культуры;
Приложение II „Список имен“	№ 263	Νυμφαίως Ὀχωσιάνῃ	Νυμφαίως Ὀχωζιάκου
То же	№ 271	Γ[Ο]μψάλαμος	Γ[Ο]μψάλακος
» »	№ 315	Ῥόδων Χαρίτωνος	Ῥόδων Χαρίτωνος

Т. Н. Климович, Ташкент.